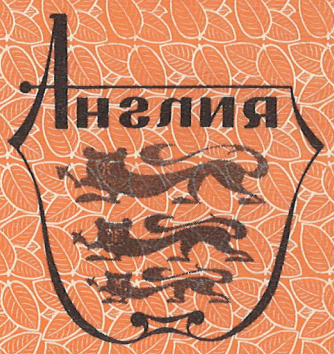
ПРОБЛЕМЫ АНГЛИЙСКОЙ И ВАЛЛИЙСКОЙ ИСТОРИИ В ПОЗДНЕЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Арзамас
1999

Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского

Арзамасский государственный педагогический институт
им. А.П. Гайдара

ПРОБЛЕМЫ АНГЛИЙСКОЙ И ВАЛЛИЙСКОЙ ИСТОРИИ В ПОЗДНЕЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Межвузовский сборник научных трудов

Арзамас
1999

ББК 63.3 (4 Вл) 4я43
П 78

Печатается по решению редакционно-
издательского совета Арзамасского
государственного педагогического института им.
А.П. Гайдара

Рецензенты: кафедра всеобщей истории Нижегородского государственного педагогического университета;
к.и.н., доцент В.А. Блонин

Редакционная коллегия: доктор исторических наук, профессор *Е.В. Кузнецов* (отв. редактор); доктор исторических наук *Е.П. Титков*; доктор исторических наук, профессор *Г.Ш. Сагателян*; кандидат исторических наук, доцент *М.В. Третьякова* (зам. отв. редактора), *О.В. Губанова* (отв. секретарь).

Проблемы английской и валлийской истории в позднее средневековье: Межвузовский сборник научных трудов /Отв. ред. Е.В.Кузнецов. – Арзамас: Изд-во АГПИ, 1999. - 132 с.

Сборник содержит статьи, темы которых связаны с различными аспектами истории средневековой Англии и Уэльса. Адресован специалистам-историкам, студентам и широкому кругу читателей.

П 0501000000
6и9 (03) - 99

ББК 63.3 (4Вл) 4я43

© Издательство Арзамасского государственного
педагогического института им. А.П. Гайдара

FROM THE EDITOR

Nizhny Novgorod professionals have been publishing University collections on the British history in medieval and modern time for more than twenty five years. However, they are not regularly published, only from time to time. They are wildly known at universities of the Russian Federation. Authors from ten Russian cities, from Telavi and Batumi (Georgia), the Ukraine have published in the pages of the manuals. The ninth publishment preferably differs from the former ones. First of all, in the pages of the new publishment the history of Wales takes a major part (about one third of the works). No doubt, this is a fresh topic for our medieval history.

Secondly, the collecton is international: two famous scientists from the United Kingdom took part in the Nizhny Novgorod publishment on general history for the first time.

There are a few words about the contents.

The quality of the published works correspond the most demanding requirements; in other words, correspond the world standards. It is determined by a high proficiency level of the authors, first of all, of the Russian members of the authors' staff. There are six doctors of science: V.P. Romanovskaya, V.I. Zolotov, V.A. Evseev, U.A. Ivonin, I.N. Osinovskiy, and E.V. Kuznezov, and also a big group of candidates of science: G.V. Voronkova, V.P. Mitrofanov, L.V. Sofronova and others. The effective works of the youth bring joy and give hope for the future.

The article by T.G. Mineeva on the history of Valley revolt in the beginning of the 15 century is made thoroughly. The article by the professor from Smolensk L.I. Ivonin demonstrates a deep research level. K.R. Kobrin presented a few works in the source study and historiographical fields, which made him kind of a «hero» of the authors' staff. His persistent studies of the British Celt history let foretell quick and effective success in science.

In a word, surely, the school of «historical British studies», founded a few dozens years ago by the USSR Academy of Science by S.I. Arhangeljskiy could have stood on its grounds «during our difficult time». More than that, it has got more creative possibilities which is connected with work efforts of E.V. Kuznezov, one of the latest students of the fellow-correspondent of S.I. Arhangeljskiy.

A leading scientific institute of N.Novgorod - the University in the name of N.I. Lobachevskiy-creates conditions for the staff of Russian Scientists specialized in the British Studies by its attention and support to continue researches, to enlarge connections with scientists of other countries.

There are some young specialists in Arzamas pedagogical high college which are studing medieval and early modern history of England . Among them must to be named O. Gubanova, T. Merkulova, N. Shchelokova. Every of them have a good perspective in the near future.

Rector E.Titkov

К.Р. Кобрин

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЭДУАРДА I В УЭЛЬСЕ ПОСЛЕ 1283 Г.

Смерть Лливелина и окончательное покорение Исконного Уэльса в 1282-1283 гг. было большим торжеством для Эдуарда I. По выражению короля, он «отсек больную часть тела и остановил болезнь»[1]. Эдуард провел в Уэльсе весь 1284 г. (он уехал из Чепстоу 17.XII.1284 г.) и до 1291 г. там не появлялся[2]. Закончив все дела, связанные с временной пасификацией региона (в главных замках разместились гарнизоны: в Харлехе, Крикиете, Конвэе по сорок воинов, в Бере и Карнарвоне - по тридцать; было взято большое количество заложников, дочь Лливелина и дочери Дэвида были пострижены в монахини, два сына последнего - пожизненно заключены в тюрьму, пять наследников из династий Пауиса и почти все наследники династий Дехайбарта - лишены владений и либо попали в тюрьму, либо были приняты на королевскую службу)[3], король пышными торжествами и символическими актами «закрепил» и даже придал некий оттенок легитимности присоединению Исконного Уэльса. Эдуард I селился в излюбленных покоях Лливелина, разбирал и перестраивал его жилища, перенес опекаемую гвинедской династией цистерцианскую обитель в Аберконвэе дальше на семь миль в новый замок Конвэй. Золотая корона Лливелина была положена в усыпальницу Святого Эдуарда в Вестминстере[4]. Главную святыню Гвинеда - фрагмент Креста Господня (Y Groes Naid) в мае 1285 г. перевезли в Лондон (кстати, нечто подобное было проделано в 1296 г. с Шотландией)[5]. Главным материальным символом завоевания Уэльса стал грандиозный замок, построенный в Карнарвоне. Это место традиционно связано с именем императора Максима, и в 1283 г. там торжественно состоялось перезахоронение якобы останков легендарного правителя. Вслед за Максимовым мифом, содержащимся в «Мабиногион», это место стало отныне идентифицироваться с замком, воздвигнутым здесь Эдуардом I; якобы именно на этом месте император встретил свою принцессу и захотел построить замок[6]. Укрепления Карнарвона сильно отличались от прочих в Уэльсе - и величиной, и разноцветными камнями, вмурованными в стены, и формой (концентрической) стен, напоминающей укрепления Константинополя, что еще раз отсылало к римской истории[7]. Именно в Карнарвоне, в недостроенном замке в 1283 г. родился столь ожидаемый королем наследник - Эдуард, впервые в английской истории получивший титул «Принц Уэльский»[8]. Детство и юность Эдуарда прошли в Уэльсе, что, кстати говоря, и предопределило значительную роль «валлийского фактора» во время бурного и трагического царствования Эдуарда II[9]. Завершающим торжеством, устроенным Эдуардом I перед самым своим отъездом из Уэльса, был ряд празднеств лета-осени 1284 г. В Кармартен был перевезен из Бристоля прах двух командиров королевской армии, погибших в Южном Уэльсе еще в 1257 г., и торжественно там похоронен. В июле 1284 г. в Нефине (это один из древнейших дворов Гвинеда) собрались английские и иностранные рыцари на «Круглый Стол» в духе короля Артура и гигантский турнир. Осенью того же года в Овертон были приглашены на турнир (на этот раз поэтический) валлийские барды[10]. А в декабре, как уже говорилось, Эдуард уехал из Уэльса.

Конечно, главной целью пребывания Эдуарда I в Уэльсе в 1284 г. были отнюдь не торжества (хотя они тоже, по-своему, важны), а нечто другое. Что же ?

По окончании войны и после смерти Лливелина перед английской короной встала гораздо более сложная проблема, чем простое завершение военных действий; а именно: обеспечить включение Исконного Уэльса в политическую систему английской монархии. Необходимо отметить, что в данном случае в миниатюре повторилась история двухсотлетней давности: аналогичные сложности стояли и перед Вильгельмом I; с тех пор ничего равного по масштабу английским королям предпринимать не случалось. Был опыт организации системы господства и управления в Ирландии в конце XII в., однако там речь не шла о целой стране, к тому же, в отличие от Уэльса, Ирландия к этому времени не испытала столь сильного английского влияния[11]; тем более, что там не было таких своеобразных образований как Графства «Границы». Не был особенно актуальным и опыт крестоносцев (как на Ближнем Востоке, в Византии, так и в славянских территориях), ибо их экспансия не была политикой одного, единого государства, преследующего цели расширения собственных границ.

Эдуард I, столкнувшись со сложной политической ситуацией, методично и упорно развил одновременную деятельность в нескольких направлениях. Попытаемся выделить их.

Во-первых, необходимо было создать в Исконном Уэльсе новую и эффективную административную систему, с одной стороны, упростив ее, установить крупные административные единицы вместо запутанного конгломерата валлийских княжеств, кантрефов, коммотов и просто земель; а, с другой, - сохранить традиционные низшие, мелкие единицы, как наиболее отвечающие историко-географическим особенностям местностей. В «Валлийских Статутах» Эдуарда I говорится, что отныне Исконный Уэльс делится на шесть графств: Англси, Карнарвон, Мерионет, Флинт, Кардиган и Кармартен[12]. Оправданность именно такого деления становится ясной, если рассмотреть, какие исторические области вошли в эти графства. Североваллийский Гвинед был разделен между Англси, Карнарвоном и Мерионетом. Англси - островное графство, бывший остров Мона (кантрефы Росир, Кеммэс, Толибольон, Абберфро), во всех войнах североваллийских принцев бывший их продовольственной базой; Карнарвон, бывший Сноудон (кантреф Арлеаед, Коммот Крайдин или Деганнви, кантрефы Арвон, Хлайн и коммот Эйвион), - исконные земли Лливелина, высокогорная местность, почти недоступная для вражеских войск; Мерионет, в IX веке государство Мейрионид, позже разделенное между Гвинедом и Пауисом (кантреф Мейрионид, коммоты Ардидви, Пехнлин, Эдейрнион)[13], - территория постоянного соперничества валлийских вождей. Гвинед был разделен совсем не случайно: именно он был центром валлийской независимости, поэтому важно было отделить исторический и военный центр Сноудон от экономической базы - о.Мона, а также особо выделить древнее королевство Мейрионидд, подчеркивая тем самым преемственность новой властью древних валлийских традиций. Все три североваллийских графства были подчинены юрисдикции «своего» судьи Северного Уэльса[14]. Спорные территории Перведолад (кантреф Энглфилд, земли Хоуп и Инглиш Майлор) были выделены в отдельное графство Флинт и переданы под юрисдикцию судьи английского графства Чешир (поборы также вносились в казну Чешира), что продемонстрировало желание Эдуарда I видеть эту область английской, а не валлийской[15]. Оба южноваллийских графства - Кардиган и Кармартен - состояли из земель, не раз бывавших под английским

господством, и потому испытывавших сильное английское влияние; их поставили под юрисдикцию судьи Южного Уэльса[16].

Вводя новое административное деление, Эдуард I, видимо, не собирался превращать Англси, Кардиган, Мерионет, Карнарвон и Кармартен в обычные английские графства. Эти территории продолжали оставаться в несколько особом положении и после 1283 г.; тем более, что их финансовая система имела некоторую автономию. Вот что пишет об этом американский историк Т. Джек: «Валлийские графства смотрели не в Вестминстер, а в Карнарвон, Кардиган и Кармартен. Их финансы были подчинены «казначею» (treasurer) или «управляющему» (chamberlain), или «хранителю» (receiver): употреблялись все эти термины, но сохранился лишь «управляющий». Казна Северного Уэльса со своей счетной палатой, Казначейством, располагалась в Карнарвоне. Местные должностные лица производили расчет и отсылали в Вестминстер. Проверял их деятельность контролер, т.е. «записывающий подсчеты» (counter-roller), должностное лицо, который хранил подсчет, что потом посылался в Вестминстерское казначейство. Плюс к путанице в терминах, контролер известен также как канцлер в 80-е гг. XIII в.; обязанности также лежали и на третьем ведущем должностном лице - Судье Северного Уэльса...»[17].

Вторым важным направлением деятельности Эдуарда I в Уэльсе после победы над Лливелином стало обеспечение постоянного английского военного присутствия в стране путем усиленного строительства замков на покоренной территории. Именно с помощью замков, при слабой тогдашней военной технике, затруднявшей осаду, можно было контролировать стратегически наиболее важные местности и защищать английское население многих городов. Можно выделить два основные этапа эдвардианской программы строительства замков в только что присоединенном Исконном Уэльсе.

Первый этап (1282-1283 гг.) заключался, в основном, в реставрации и реконструкции уже имевшихся коронных (таких, как Флинт, Хридлан), баронских (таких, как Холт) и валлийских (таких, как Долвиделан) замков. Строительство, собственно, новых замков происходило на втором этапе (1283-1284, в некоторых районах - до нач.90-х гг.). Эдуард I не скупился на затраты: к 1301 г. на строительство восьми новых и реставрацию множества старых замков в Уэльсе было истрачено примерно 90.000 фунтов стерлингов (гигантская, по тем временам, сумма)[18]. В 1283-1284 гг. в работах принимало участие до четырех тысяч рабочих. Были приглашены такие знаменитые военные архитекторы, как Мастер Джейик из Сент Джорджа, работавший в Савойе, Стефен Художник из Савойи, Мастер Бертрам из Гаскони, Мастер Манассер и др.[19] Неудивительно, что большинство валлийских замков эпохи Эдуарда I имели характерные савойские черты[20]. Некоторые из них - уникальные произведения военного искусства; так, замок в Буелте, по мнению известного валлийского историка Дж.Г. Эдвардса, является одним из лучших примеров «предприимчивости средневекового государства»[21].

Королевская программа строительства замков по-разному оценивается в английской историографии. Для О.М. Эдвардса это «золотой век строительства замков»[22]. Рис Дэвис в своей последней книге считает, что программа Эдуарда I была гораздо скромнее, чем строительство замков графами «Границы»[23], хотя в ранней работе «История Уэльса» он называет «цепь замков на побережье Северного Уэльса» едва ли не главной опорой английского господства[24]. Не надо, однако, забывать, что сама война с Уэльсом стоила достаточно дорого; строительство замков стоило еще дороже, тем более, что вскоре Эдуард I начал

войны с Шотландией и Францией. Большие расходы влияли на внутреннюю политику английского короля и поэтому прав А. Мьерс, отмечая, что «его (Эдуарда I - К.К.) строительство замков в Уэльсе было очень дорогим делом; также усилия непременно вести войну и с Шотландией, и с Францией вынуждали его действовать деспотически, что пробуждало широкое недовольство»[25].

У стен многих замков стали расти города. Эти города, основанные Эдуардом I и его баронами в Северном Уэльсе, представляют собой последнюю важную фазу основания городов королями и лордами Англии в средние века. Эта фаза началась сразу после первой победы над валлийцами в 1277 г. основанием новых городов в Флинте и Аберистуите и восстановлением города в Хридлане. После второй победы 1282-1283 гг. к этому списку прибавились Карнарвон, Конвэй, Харлех, а также валлийские поселения Крикиет и Бере, получившие права бургов. Наконец, в 1295 г. Эдуардом I был основан новый город Бомари у нового замка на о. Англси. Этот процесс не ограничивался ни Северным Уэльсом, ни королевскими землями: на юго-западе Уэльса в двух древних валлийских центрах Дрислвин (в 1287 г.) и Диневор (с 1298 г. Ньютаун) были основаны города; также, как Холт, Денби, Хритин и Овертон - на землях графств «Границы»[26]. Таким образом, решалось сразу несколько задач: поддержания господства английской короны, активизации торговли и ремесла в регионе, размывания родовых структур валлийского общества и усиления мутации населения (правда, последнее не везде).

Какую же политику по отношению к городам вел Эдуард I? К моменту завоевания, все города в Уэльсе можно разделить на четыре категории:

I. Города в пределах графств «Границы», уже имевшие от графов «Границы» грамоты по образцу нормандского города Бретейля.

II. Английские коронные города, имевшие уже королевские грамоты, но другого типа (так называемые, «старые города»).

III. Английские коронные города, королевских грамот не имевшие (так называемые «новые города»).

IV. Валлийские города, не имеющие никаких грамот (в основном, города и местечки Сноудона)[27].

Эдуард I (и, позже, Эдуард II) активно давал грамоты городам. Эти грамоты имели образцом грамоту, данную в свое время Херефорду; там говорилось о разрешении основывать купеческие гильдии, монополии на торговлю и т.д., и т.п. Вообще, неудивительно, что съезжавшимся в эти города людям предоставляли довольно обширные права. Так, например, новые города должны были обеспечивать себя продовольствием. Поэтому, в отличие от городов, создававшихся в конце XI-начале XII вв. графами «Границы», им давали земли; так, Карнарвону было предоставлено 1,5 тысячи акров земли[28]. Такие «плантационные города» (по выражению Риса Дэвиса)[29] были удобны, если вспомнить весьма небольшое количество желавших поехать в Уэльс земледельцев. Некоторые из таких городов существовали с трудом (Крикиет), некоторые захирели и исчезли (Бере), но такие, как Бомари, Конвэй, Хритин и Денби процветали и даже заняли монопольное место в местной торговле; такое место поддерживалось административными мерами (так, жители трех коммотов вокруг города Бомари должны были торговать только там; аналогично - в Карнарвоне). Важнейшими правами, также, были их преимущества в отношении мельниц, рыбной ловли и покупки выморочных земель[30]. «В городах были созданы купеческие гильдии, которые монополизировали торговлю в регионе ... В одних городах (Карнарвон, Конвэй) валлийцы не принимались в качестве

горожан, в других (Денби) их принимали с самого начала»[31]. Действительно, иногда городская политика проводилась достаточно жестко по отношению к местным жителям; так, при основании города Ньюборо туда были согнаны жители старого гвинедского центра Хланвайс, отстоявшего на 12 миль, место же последнего как экономического центра должен был занять Бомари[32]. Но чаще города становились не чисто английскими, а смешанными по населению; поэтому в Уэльсе сложилась, помимо всего прочего, интересная лингвистическая ситуация, продержавшаяся вплоть до середины XIX в.: английский был языком городов Уэльса, а валлийский - языком окрестностей.

В царствование Эдуарда I были даны грамоты как городам «первой категории» (Кардифф, Кардиган, Буелт, Монтгомери, Уэлшпул, Хридлан), так и городам второй-четвертой «категорий» (Аберистват, Карнарвон, Конвэй, Крикиет, Харлех, Кэрвис, Бомари, Ньюборо)[33]. Эдуард II дал грамоты следующим городам: Бала, Лланвиллин, Кардифф, Уск, Кэрлеон, Ньюпорт, Коубридж, Нит, Кенвиг[34]. Как мы видим, название города Кардифф повторяется дважды; это наводит на мысль о том, что некоторые города несколько раз за короткое время меняли свой статус. Особые права получил южноваллийский город Кармартен, расположенный на одноименном полуострове. Он, в числе прочих восьми городов (Лондон, Бристоль, Кентербери, Честер, Эксетер, Линкольн,Ньюкасл на Тайне, Норидж, Йорк), имел следующее право: «но в деле внешней торговли некоторые города издавна успели упрочить за собой на основании пошлин, уплачиваемых с вывозимых товаров, монополию этой торговли, заручившись так называемыми stapleprivileges. Таким образом, была монополизирована торговля шерстью, бараньими шкурами, кожей, свинцом и цинком; правом вывозить эти товары пользовались исключительно так называемые merchants of the staple, корпорация, имевшая свои особые суды, которым она была подсудна»[35]. Следует также отметить, что и Эдуард III в статуте 1353 г. предоставил валлийским купцам (торгующим шерстью и свинцом) привилегию на английских рынках[36].

Помимо возможного возмущения валлийцев, другим дестабилизирующим фактором (для английской короны) в Уэльсе стали графства «Границы». «Шотландская граница и большая часть валлийской тоже очень слабо контролировались . правительством»[37]. Правда, после 1283 г. крупнейшие бароны региона не могли уже заключать союзы с валлийскими принцами против английского короля, зато теперь, не испытывая более опасности со стороны этих принцев, они, еще более сильные и могущественные, могли играть важнейшую роль в собственно английских делах. «Лорды валлийской границы - их было более сотни - продолжали сохранять очень большую силу, причем основой ее было право завоевания, а не пожалования короны. На протяжении четырнадцатого столетия эти гигантские привилегии укрепились и лорды шотландской и валлийской границы играли очень важную роль в политической жизни английского позднего средневековья»[38], - пишет А. Мьерс. Рассмотрим подробнее: как же обстояли дела с «Обычаем Границы» после 1277 г.

В общем и целом, Эдуард I старался не нарушать свобод графов «Границы» и соглашался с существованием «Обычая Границы» и лишь в случае перехода этих земель в руки короля (при несовершеннолетии наследника, при конфискации земли по политическим причинам) они попадали под королевскую юрисдикцию. Это, однако, не значило, что король мог претерпеть ущемление своих прав, например, забвения того обстоятельства, что сюзереном графов «Границы» является король[39]. Поэтому Эдуард I предпринял на «Границе» ряд

процессов Quo Warranto[40]. «В Hundred Roll предполагается, что дальнейшее расследование необходимо, ибо во многих случаях судьи не знают, по какому праву некоторые магнаты пользуются правом иметь свою судебную власть»[41]. Первый процесс такого рода прошел еще в 1279 г. в отношении Жильбера Клари, графа Глостера. В 1281 г. права Глостера на валлийское графство Гламорган были еще раз проверены, причем не без некоторого ущерба для Клари[42]. Ситуация резко изменилась после окончательного поражения Лливелина, когда для Эдуарда I стратегическая необходимость в графствах «Границы» отпала. В 1285 г. король послал своих юристов принимать жалобы в графском суде Кардиффа и в том же году написал одному из баронов, Вильяму Валенсу, буквально следующее: « ... так как все земли королевства, в общем, держатся от короля, король может посылать юристов туда, выслушивать там жалобы, т.е. там, где он пожелает»[43]. Он распространил в 1291-1292 гг. некоторые коронные поборы на графства «Границы», а в 1291-1298 гг. даже отправил туда своих людей набирать воинов в королевскую армию[44]. Наконец, следует отметить, на наш взгляд, важнейший шаг Эдуарда I на «Границе» в это время. Территориальный спор между графами Херефорда и Глостера привел к приватной войне между ними. В 1290 г. оба были вызваны в королевский суд. Херефорд был лишен владений и посажен в тюрьму, из которой был освобожден и восстановлен в правах лишь за штраф в 1000 марок. С Глостером была проделана аналогичная операция, только штраф в этом случае составил 10000 марок. Как мы видим, Эдуард I покусился на один из компонентов «Обычая Границы» - право приватной войны. Вскоре было рассмотрено новое дело в отношении Глостера, который взял в свои руки право опеки над епископством Хландаффа. В итоге король вновь значительно потеснил свободы графства Гламорган[45]. Такая «любовь» Эдуарда I к графу Глостера объясняется тем, что последний примыкал к оппозиции короне в 60-е гг. Впрочем, и другие лорды «Границы» почувствовали на себе руку короля: в 1292 г. Теобальд де Вердун был посажен в тюрьму и свободы его графства Эвиас Ласи были отменены. Он был выпущен на свободу и получил обратно свои владения лишь по уплате пятисот фунтов. В 1299 г. «проверили» дом Браоз и, хотя свободы Гвента были сохранены, но в значительно урезанном виде. Все это, конечно, не значит, что процессы Quo Warranto на «Границе» были «игрой в одни ворота». Так, например, дело между Эдмундом Мортимером и королевским бейлифом в Монтгомери Бого де Клари было решено в пользу первого. Более того, после 1282 г. Эдуард I округлил владения особенно отличившихся на войне графов и баронов «Границы». Роджер Мортимер из Вигмора получил Кери и Кедевайн; его второй сын, тоже Роджер Мортимер - Чирк; Джон Варенн, граф Суррей - Бромфилд и Йаль; Генри Ласи, граф Линкольн - Денби; Реджинальд Грей, судья Честера, - Даффрин Клуид. Убийца Лливелина Джон Жиффар был награжден Лландовери, коммотом Исгенен и правом опеки над замком Буелт[46].

Пожалования после 1282 г., тем не менее, не изменили соотношение сил на «Границе». Вот ключевые ее фигуры в конце XIII - нач. XIV вв.[47]

Генри Ласи, граф Линкольн (резиденция в замке Денби). Активный участник обеих кампаний Эдуарда I в Уэльсе. В 1277 г. взял замок Долворвин. Умер в 1311 г. Дочь Генри Ласи была замужем за Томасом Ланкастером, в будущем главой оппозиции Эдуарду II.

Роджер Мортимер. Сын старого союзника Лливелина Великого Ральфа Мортимера и дочери Лливелина Глэдис. В силу этих родственных связей имел одно время гипотетические права на гвинедский престол. В баронской войне в

Англии - сторонник короля, а значит - заклятый враг Лливелина ап Гриффида. Сыграл выдающуюся роль в сражении при Эвешэме. В кампании 1277 г. очень удачно действовал в районе Шрусбери и Монтгомери. В 1282 г. воевал на юге Уэльса против Гриффида ап Маредида и Риса ап Майлгуна. Мортимеры будут играть одну из ключевых ролей в событиях как английской, так и валлийской истории. Роджер Мортимер Младший (из Чирка), Судья Уэльса, будет казнен (как один из участников оппозиции Деспенсерам) по восшествии на престол Эдуарда III. Внучатый племянник Роджера Мортимера Старшего (Ричард из Вигмора) также примкнет к этой оппозиции; только ветвь, идущая от племянника Роджера Старшего - Ричарда Фицалана, первого лорда Арунделя, останется верной короне.

Хэмфри Бохун из Брекона, граф Херефорд. Эта фамилия вышла в число первых на «Границе» к 1230 г. Вся семья находилась в весьма сложных отношениях с короной: отец Хэмфри был сподвижником Симона де Монфора, сын - примыкал к оппозиции Эдуарду II.

Жильбер Клари, граф Глостер, Гламорган. Бывший союзник Лливелина ап Гриффида в баронской войне. Постоянный оппонент семейства Бохун. Участник кампании 1282 г. - сражался на юге (впрочем, неудачно). Младшая дочь Жильбера Клари была замужем за Роджером Демори, графом Уска; средняя - за Хью Одли, владевшим Ньюпортом, Нетервентом, Гвинхлогом; старшая - за Хью Деспенсером, младшим из знаменитой в нач. XIV в. фамилии Деспенсеров.

Джон Гастингс, барон Абергавенни, женатый на Изабель, дочери Вильяма Валенса.

Вильям Валенс, граф Пемброк. Наиболее удачливый иностранный авантюрист на «Границе». В годы баронской войны неуклонно поддерживал корону: от Льюиса до Эвешэма. Женат на Джоан, внучке Вильяма Маршалла.

И, наконец, Рис ап Маредид, единственный из всех - валлиец, потомок известной южноваллийской династии.

Почти все перечисленные фамилии примут деятельное участие в событиях начала XIV в., продемонстрировав относительную неудачу политики Эдуарда I по установлению контроля за «Границей».

---

[1] Цит по Davies R.R. Conquest, Coexistence and Change; Wales 1063-1415.Ox.,1987. P. 357.

[2] Itinerary of Edward I.Part I./comp. E.Safford.L. 1974.

[3] Jenks E. Edward Plantagenet(Edward I). The English Justinian or The Making of the Common Law. Freeport, 1969 (repr.from 1901). P.194.

[4] Ibidem.

[5] Stones E.L.G.Edward I. L., 1968. P.30.

[6] Prestwich M. War, Politics and Finance under Edward I. L., 1972. P.242.

[7] Macauly D. Castle Boston. 1977.P.13.

[8] Hutchison H.F. Edward II. The Pliant King . L., 1971. P.8-12. Bingham C. The Life and Times of Edward II. L.,1973. P.13-18.

[9] Подробнее по этому поводу см.- Smith J.B. Edward II and the Allegiance of Wales.// The Welsh History Review. Cardiff, 1976.Vol.8. № 2.P.139-171.

[10] Stones E.L.G. Op. cit. P.29.

[11] Сапрыкин Ю.М. Английское завоевание Ирландии(XII-XVII вв.).М.,1982.С.10-12.

[12] The Statutes of Wales./ Coll., ed. and arr. by J.Bowen. L., 1908. P.3. ; далее S.W.

[13] Edwards O. Wales. L., 1901. p.198.

[14] S.W. P.3.

[15] Ibidem

[16] Ibidem.

[17] Jack T. Medieval Wales. Ithaca, 1972. P. 57; интересно, что судьи выполняли и прочие, помимо юридических, функций. Так, первый судья Северного Уэльса Отто де Грандисон был призван «хранить эту землю» – цит. по Davies R.R. Conquest ... P. 365.

[18] Stones E.L.G. Op. cit. P. 28.

[19] Zalzman L.F. Edward I. L. 1968. P. 75.

[20] Taylor A. The Welsh Castles of Edward I. Swansea. 1986. P. 117.

[21] Edwards J. G. Edward I's Castle Building in Wales // Proceedings of the Brtish Academy. L. 1946. Vol. 32. P. 16.

[22] Edwards O. Op. cit. P. 199.

[23] Davies R.R. Conquest ... P. 281.

[24] Davies R.R. The Story of Wales. L. 1943. P. 12.

[25] Myers A.R. England in the Late Middle Ages. Harmondsworth. 1978. P. 15.

[26] Zalzman L.F. Op. cit. P. 76.

[27] Boroughs of Medieval Wales. Cardiff. 1978. P. 121.

[28] Ibidem. P. 203.

[29] Davies R.R. Conquest ... P. 373.

[30] Boroughs ... P. 130.

[31] Skeel C.A.J. The Council in Marches of Wales. L. 1904. P. 10.

[32] Davies R.R. Conquest ... P. 372.

[33] Zalzman L.F. Op. cit. P. 76.

[34] British Borough Charters 1307 – 1660 / Ed. M. Wienbaum. Cambridge. 1943. P. 13 – 28.

[35] Гнейст Р. История государственных учреждений Англии. М.1885. С. 505: подробнее об этом см.: Кузнецов Е.В. Торговля и купеческий капитал в Англии XIV – XV вв. // Проблемы английской истории и историографии. Горький. 1989. С. 4 -18.

[36] S. W. P. 30.

[37] Myers A.R. England ... P. 37.

[38] Myers A.R. England ... P. 53.

[39] Rees W. South Wales and the March, 1284 – 1415. Oxford. 1963. P. 120.

[40] Подробнее по этому поводу см. : Гутнова Е.В. Ограничение иммунитетных прав английских феодалов при Эдуарде I // Доклады и сообщения исторического факультета МГУ. М. 1947. Вып. :.

[41] Sutherland D. W. Quo Warranto Proceedings in the Reign of Edward I. Oxford. 1963. P. 120.

[42] Prestwich M. War...P. 225 – 232.

[43] Цит. по Phillips J.R.S. Aymer de Valence, Earl of Pembroke 1307 – 1324. Oxford. 1972. P. 251. Интересно, что все эти претензии короны не помешали Пемброку в 1339 г. повысить свой статус – стать палатинатом. По этому поводу см.: Писарев Ю.И. Феодальный иммунитет в Англии XIV в. (к постановке проблемы). // Англия в эпоху феодализма. Межвузовский сборник научных трудов. М. 1988. С. 18.

[44] Davies R.R. Conquest ... P. 376 – 377.

[45] Prestwich M. War ... P. 233.

[46] Ibidem. P. 235.

[47] Перечень составлен на основе следующих работ: Edwards O. Op. cit. P. 204 – 208; Myers A.R. Op. cit. P. 23; Mc. Kisack M. The Fourteenth Century 1307 – 1399. Oxford. 1966. P. 59-61; Skeel C.A.J. Op. cit. P. 6 –7.

R.A. Griffiths
(Swansea)

THE MEDIEVAL WELSH TOWN IN PERSPECTIVE

In 1300 Wales was a more urbanized country than England. The current view, based largely on the surviving records of a lay subsidy demanded by Edward I in 1292, is that Wales's population at that time was about 300,000 souls; that it had some 110 towns and chartered boroughs, albeit on average smaller than those of England; that at least 15 per cent of Wales's population lived in these towns (a far higher proportion than for England and comparable to that for Spain); and that less than one-fifth of these town-dwellers were of Welsh descent. Wales, then, was to a significant degree an urbanized society by 1300. All that may seem surprising because a century earlier Gerald of Wales, who knew southern Wales especially well, declared that the Welsh did not live in towns, villages or castles. That may well have been so (even more so than in 1300); yet even by Gerald's day scores of Anglo-Norman towns had been founded, some already had Welsh inhabitants, and the impact of urban life was not limited to those who lived sheltered by the towns' defences. 150 years earlier still, say in 1050, it is difficult to detect any towns in Wales at all - though not impossible. In short, and here's my first perspective, Wales between 1050 and 1300 experienced a major change of mood in its landscape, its political and social organisation, and in its economic life, and this change was the result of purposeful immigration of unprecedented force.

A second perspective is this: it seems likely that in Henry VIII's reign, at the time of the lay subsidy of 1542, the population of Wales was still about 10 per cent less than it had been in 1300, before natural disasters, famine and plague, and war and rebellion took their substantial toll; that the proportion of the population living in towns in 1542 had fallen in some parts; that more people of Welsh descent, however now town-dwellers; and that immigrant families were less easy to identify and fewer of them preserved their arriviste character. This perspective would seem to suggest that by the sixteenth century Wales was a more integrated society in terms of native and immigrant, town and countryside. And if new towns continued to appear after 1300, they did so at a reduced pace and most of them were primarily market centres.

Three important factors underpin these two perspectives. The first is the nature of the topography and landscape of Wales, both landed and marine. The highland core and lowland peripheries - especially in the south, the east and, to a lesser extent, the north - help to explain the distribution of the country's medieval population and its exposure to the external world: how the valleys and vales fan out to plains that extended into the English midlands and across relatively sheltered waterways to English coastlines, and also across the boisterous seas to Ireland. These geographical imperatives had changing significance over time, the so-called 'Irish sea province' waning in importance after 1200, and the Severnside connection becoming more intensively significant from 1100 - indeed until the railway age. I am less clear about any change in the emphasis to be placed on the Cheshire plain and the north-west.

A second factor is the peculiar history of lordship and authority in Wales, both secular and ecclesiastical. In the post-Roman era, Wales had a multiplicity of kingdoms and kings, and a number of distinguished monastic communities. By the eleventh century both kinds of centres of authority had been subject to centripetal forces so that a relatively small number of royal and monastic centres towered among

the rest - as, in the secular world, did Aberffraw, facing Ireland in Anglesey, the seat of the rulers of Gwynedd, and (in the religious sphere) Llandeilo Fawr in Carmarthenshire or Llantwit Major in the Vale of Glamorgan, religious communities sustained by the traditions of Dark Age saints. From the late eleventh to the late thirteenth century, this pattern of lordship was revolutionised by military conquerors from the east, Anglo-Norman and English kings and nobles, whose conquests produced renewed political morcellation and foreign migration, spearheaded by castle-building and new religious foundations, and supported economically by the creation of new towns and chartered boroughs. The intensity of the morcellation led, by the time the phase of subjugation ended, to an over-provision of towns whose original stimuli had largely disappeared.

A third factor is the social structure, and its economic base, associated with these developments. In the early Middle Ages, Wales was a land of free and bond communities settled in homesteads, with local district lordship sustained by predominantly food renders and services in kind. If there were supply or market centres, they existed less to satisfy a wide demand than to ensure the immediate self-sufficiency of royal courts and monastic communities. And rather than commercial centres in a sparsely populated land, these courts and communities were centres of clustered populations sustaining themselves by agriculture and services. Major changes in lordship from the late eleventh century onwards exploited the topography and landscape of Wales in rather different ways, in time creating different social and economic structures, as well as military, political and religious ones, though not immediately destroying the older order and its structures. Coats and estuaries received greater emphasis, but the orientation towards Ireland less importance; immigrants placed defence in a hostile environment at the top of their list of priorities and easy, direct access to England was imperative; political and religious lordship increasingly coincided and all this at a time of rising population. The surge of town creations in these circumstances brings to mind Colin Platt's comment of 1976: 'what chiefly shapes a town is not usually the natural dominant alone, for this can often be circumvented, but rather the social need of the men who have to live there'.

There is quite another perspective from which the medieval Welsh town may be viewed, and that is the external one: that is to say, an assessment of the contribution which the study of Welsh towns can make to an understanding of urbanisation in medieval Europe more generally. Although this is a daunting agendum, there are worthwhile comparisons and contrasts to be made with other regions of all in immigration (one thinks of northern and eastern Germany) and clashes of different cultures (here one thinks of Spain); where the legacy of Rome is present or where royal and Christian centres were important to town foundation; where a kingdom tried to absorb a different society (as France did in Languedoc); or a people like the Normans sought pastures new not only in Wales but also in southern Italy and Sicily; or where political morcellation was the norm (as in northern and central Italy). And questions of urban origins and the continuance of urban settlement across disjunctures in history, of the nature of civil society and its culture in relation to the countryside - these and others questions may be asked of Wales, and as Henry II was told by a finger-wagging Welshman whom he met in Cardiff (one who was not afraid to be there), the small corner of the earth that is Wales has something distinctive to tell. So much for the perspectives. Now for some problems. These are well known. There is, to date, lack of convincing evidence of continuous settlement in any town in either north or south Wales from the Roman period to the Anglo-Norman migrations. There is a disconcerting patchiness in the written evidence, especially before the Norman

period. And apart from the pioneering study by E A Lewis, The Medieval Boroughs of Snowdonia published in 1912, there have been few studies of the Welsh town in this century to place the subject on a footing firm enough to realise its potential.

Lest I seem overly negative, let me mention a few avenues which do hold promise and are being explored. First, Wales has a long and vigorous poetic tradition from the ninth century, in which praise-poetry is a prominent genre. Whether focussed on, and patronized by, notable Welsh men and occasionally women, including some of immigrant ancestry, or less frequently on some of the Welsh towns, this tradition was generally anti-urban in tone in the Middle Ages. Poets of the fourteenth and fifteenth centuries, in particular, let slip their feelings towards the towns; in some cases, perhaps, these were the stereotyped mouthings of the poetic tradition itself, and were expected of poets by their patrons audiences; or else they may reflect deeply ingrained rural and Welsh prejudices. Nevertheless, at the beginning of the fifteenth century, about the time of the Glyndwr rebellion, Sion Cent could commend the praiseworthy burgesses of Brecon and the bustle of their busy lives in what was one of the largest of Welsh towns. Later in the century, Guto'r Glyn saw Oswestry, the gateway to England, as the London of Wales, with 'wine filled homes, and lands of orchards', whose inhabitants were the 'best band, delightful men'. To his contemporary, Tudur Aled, Oswestry's commercial Willow Street 'is the best store under Christ'. In one of his verses, Guto went furh ter: Oswestry (he said) was 'the best of cities, as far as Rome'. Such exaggerations were metaphors of admiration, and the most sublime was Huw Cae Llwyd's judgement on fifteenth-century Brecon, 'the Constantinopole of Wales'. These poetic descriptions are fascinating revelations of the place of an urban culture in Wales in the later Middle Ages, and bear upon the evolution of a more integrated society of Welsh and immigrant, town and country. Even in the middle of the fourteenth century, Dafydd ap Gwilym, one of Wales's greatest poets and a down-to-earth commentator on the social scene, could record a playful encounter in a town's inn situated opposite stout town walls.

Study of the place-names of Wales has lagged badly behind the work of the English Place-Name Society, but a major project is now in hand which will co-ordinate the work of individuals over the years and eventually provide Wales with a comparable series of volumes. For a country which received waves of immigrants, especially over the 200 years from 1070, many of whom were absorbed into towns and chartered boroughs, this study should provide a surer understanding of the social, economic and topographical implications of nomenclature. What advances have so far been made have poured cool water on one of the more intriguing puzzles of urban origins in Wales, namely, the possible influence of Viking, especially Hiberno-Norse, contacts with the southern and north-western coasts. With more intuition than conviction, Scandinavian forays toward the Dee and Severn estuaries have been associated with possible staging-post - even Norse trading communities - at such places as Cardiff, Swansea (Sveinn's hill or island) and Milford Haven. But Henry Loyn's suggestion that 'it may well be that we have tended to under-estimate Scandinavian and Scandinavian-Irish influence on our growing towns, in Chester, Bristol, even Swansea and Cardiff', has not received any significant support from place-name scholars since he said that in 1977. One problem is that whatever Scandinavian influence there was quickly overlaid by the Anglo-Norman influx, so that to distinguish between Germanic name forms that are Old Norse and Old English is not easy. Moreover, if Norsemen settled in coastal Wales, they would hardly have done so much before the later tenth century and soon after that the Norman conquerors arrived. Norse naming of prominent landmarks, headlands, promontories,

rocks and islands, suggesting the kinds of contact which seafarers would make, are reasonably well established in north and south Wales, and in many cases these names have stuck to our own day; though the earliest references to them are later than the Norse period itself. One or two have been authenticated in and near Cardiff, but no trace of Scandinavian occupation or settlement has yet been unearthed there by archaeologists.

On the other hand, archaeology is gradually substantiating a Scandinavian presence elsewhere along the northern and, to a lesser extent, the southern coasts. A number of coin and artefact finds from the later tenth and the first half of the eleventh centuries suggest that both seaways were well-used runs, with coastal contacts, even perhaps settlements, at various points between the Norse centres of York, Man, Chester and Dublin. And if Scandinavians settled there, by the eleventh century they are likely to have been trading. It may be no coincidence that two of the largest Viking coin hoards have been discovered near Degannwy, on a hill on the opposite side of the Conway estuary from the medieval borough of Conway. Degannwy was a Welsh royal centre during the Dark Ages, and some evidence there dates from the late Roman period. It may have been occupied by the Norsemen, and although evidence for a civil settlement is uncertain thereafter, tenements of a Welsh settlement are noted in the mid-thirteenth century and markets and fairs were encouraged by Henry III in 1250. Degannwy eventually felt victim to the continued warfare between Welsh and English, and in 1283 Edward I preferred a more secure site across the river-mouth at Conway. The older centre was deserted.

Site-specific and enthusiastic the findings of archaeologists may be, but their art has been revolutionised in Wales over the past twenty years, since the establishment of the four Archaeological Trusts; moreover, in recent years their remit has extended from 'rescue archaeology' and watching briefs to more directed investigation. The Royal Commission on Ancient and Historical Monuments in Wales received a new warrant in 1991 which emphasises its responsibility to develop a National Monuments Record whose database will absorb the Sites and Monuments Record of each Trust. This will make more readily available comparative data. Already in hand is the comparative study of medieval and early modern domestic buildings, both rural and urban; a clear contrasts has emerged, for example, between town buildings in the south and south-west - solid, stone buildings of which the 'Merchant's House' at Tenby is a splendid survivor - and those in the rest of Wales, from the south-east to the north-west, where such buildings had dwarf stone walls surmounted by timber superstructures, as in Cowbridge, Ruthin and Conway. Shortly, the entire county of Radnor will have all its surviving domestic buildings surveyed in detail, including the later medieval houses in the towns of Presteign and Knighton. A more recent initiative of the Royal Commission is in the field of aerial photography. Site, lay-out and the inter-relationship of military, religious, commercial and domestic buildings will become clearer in such well-known medieval towns as Pembroke and Caernarfon, but other photographs reveal what examination at ground level or by map does not reveal of the configuration of the small Carmarthenshire town of St Clears and the burgages and buildings of the diminutive borough within the bailey of Dryslwyn castle which was abandoned during the fourteenth century.

The importance of the surviving archives of crown and marcher lords to the study of the medieval Welsh town needs no stress, except to note their patchy and often disappointing nature. But unique in its potential is one group of records which, because of their detail and number, have not been properly exploited, namely, the court rolls of the lordship of Dyffryn Clwyd or Ruthin, in north-east Wales, including the

borough of Ruthin. A project at Aberystwyth is presently reducing this remarkable archive to a database. The rolls for the period 1294-1307 were calendared years ago; the new project is concentrating on those for 1340-52 and 1389-99, decades that have been specially chosen to coincide with the Black Death, and to cover the period prior to the attack of Owain Glyndwr on Ruthin and other towns in the region. The analysis of the data is expected to reveal, amongst other things, the character of the English settler community and its relationship with the indigenous population, the extent of criminality and violence, the place of the clergy and of women, personal naming practices, the principal landholding families and their role in the towns, the longevity or otherwise of men and women, their mobility, and the tempo and character of the land market. But in their depth, such conclusions are likely to be unique as far as later medieval Wales is concerned.

As you may have gathered, some comment is possible in relation to Welsh towns on many of the themes which preoccupy urban historians of medieval Europe - topography, site and configuration, charity and care for the disadvantaged, organisation, administration and self-government, trade, crafts, industry, and so on. The question of continuity of site occupation and urban characteristics has its own peculiar interest in Wales, not least because of the country's history of immigration, invasion and conquest. Wales had only two Roman civitates, Carmarthen and Caerwent, and of these only Carmarthen had a medieval town - though perhaps significantly, it was arguably the largest in all Wales. It is, however, striking how most Roman forts in Wales were the sites of later towns; either the military considerations in the minds of Roman planners were still potent factors in the siting of medieval castles and their supportive boroughs, as at Monmouth and, quite recently uncovered, at Chepstow - or else because in the late eleventh and twelfth centuries sufficient remained of buildings and traditions to attract would-be townsfolk. Most Roman forts also attracted the Christian faithful to found their churches and monasteries during the Dark Ages: Carmarthen is a notable example, though others gave rise to no more than hamlets or villages - until, in Merthyr Tydfil's case, modern times. Only one of the Mercian burhs was founded on the Welsh side of Offa's Dyke in the early tenth century, but Cledemutha, near the estuary of the River Clwyd, was situated close to the site chosen for the later Norman castle and town of Rhuddlan - close but not on top of, perhaps because the Saxon fortifications were still standing. In several instances, it was in later centuries that such Roman and Mercian sites were made over to the newer religious orders - as at Carmarthen, Chepstow and Rhuddlan - and that suggests that the earlier fabric may have survived, helping to determine later planning decisions without immediately obliterating the earlier remains.

Native rulers and communities doubtless had their horizons broadened by the Normans' foundations, even if they did not lessen hostilities. In independent Wales, prior to Edward I's conquests, princes of Gwynedd appear to have established towns at places like Pwllheli and Nefyn on the north-west coast, and at Llanfaes in Anglesey and at Caernarfon. Their choice of sites was appreciated by Edwardian town planners at the end of the century: the port and court which we know existed earlier at Caernarfon were absorbed by the chartered borough which Edward I created in 1283. Llanfaes proved less convenient, and when the seaside fortress and borough at Beaumaris was founded nearby, Llanfaes was allowed to decay and its buildings were stripped by the new builders.

As I suggested earlier, it is not unreasonable to imagine the more numerous kings of earlier Wales encouraging royal courts that had some of the functions and services of the later towns, whether it be at Aberffraw or Degannwy or Dinefwr. We

know that they provided lodging for officers, troops, smithies, physicians, priests, clerks and carpenters by 1200 at least. The same may have been true of the larger and more famous monastic communities that were the hub of religion in pre-Norman Wales. Places like Llantwit Major in the Vale of Glamorgan, with its little port, or Llandeilo Fawr at a crossing point on the River Tywi, or, of course, St David's and Bangor, the most distinguished centres of all, whose communities have had a continuous existence down to our own day they may not have been sizeable towns in the Middle Ages, still less chartered boroughs, but they may have had urban traits that simply failed to develop in tune with the Anglo-Norman revolution after the eleventh century. For this colonizing process so conditioned contemporaries' perception of a town, and the language they used to refer to towns, that Gerald of Wales and his successors believed that the Welsh were not town-dwellers - or did they mean that they preferred not to live in towns of Anglo-Norman style ?

At the other end of the Middle Ages, the question of the decline of towns can be addressed. This may be an inappropriate question for Wales. Rather, with the ending of conquest in the 1280s, the mingling of English and Welsh communities which was already under way, the greater peace and stability that resulted, was it a case less decaying urban life than of a shaking out, or winnowing, of the large number of towns which earlier political and military conditions had spawned. This was a re-ordering, rather than a decay, of urban life, in the course of which some towns expanded and grew more prosperous while others contracted, withered, or died. That does not necessarily imply a rejection of town life by the Welsh, the immigrants or the mixed communities. In places, there was a surge in town founding and growth in the late thirteenth and early fourteenth centuries, supported by an increase in the population to levels not reached again until the late sixteenth century. Welshpool, for example, a Welsh foundation of the mid-thirteenth century in an area of settlement that goes back to the Roman and early Christian periods, had 106 taxpayers in 1292-3 and by 1309 had 173 burgesses. Monmouth experienced several decades of prosperity after it was acquired by the house of Lancaster in 1267: its fortifications were partly turned into stone, new burgages were laid out and more sophisticated buildings built, its present and famous fortified gateway and bridge replaced an earlier wooden bridge whose piles have recently been uncovered. At Cowbridge, the linear development of the town extended outside the west gate in the later thirteenth century, and stone and timber cottages from this period, albeit smaller than those within the gate, have been excavated.

Elsewhere, changes in a different direction were modifying the urban pattern in Wales. Political change marked a death knell for some towns. At Dryslwyn, the tiny borough lodged by Edward I within the bailey of the hill-top castle after the defeat of Rhys ap Meredudd's rebellion in 1287-8, barely lasted half a century; after the castle lost its importance in the new royal shire of Carmathen, the borough was abandoned during the mid-fourteenth century. Futher north, the market centre which Llywelyn the Last of Gwynedd begun to develop in 1273 to support his provocative fortress at Dolforwyn, west of Montgomery, was abandoned almost as soon as his castle was seized and then neglected by Edward I and his successors. Whether it was designed as a permanent market or something akin to the modern street market , by 1321 Dolforwyn could be described as a grange, which probably meant a collection of farm buildings. Trellech, not far south of Monmouth, was one of the largest towns in thirteenth-century Wales: today it is the sleepiest of villages, at last attracting the archaeologist. It possibly had 378 burgages in 1288, but after the widespread rebellion of 1294-5 102 of these were declared vacant, and by the middle of the

fourteenth century Trellech was all but abandoned. By then there was no need for Trellech as a commercial centre in a more peaceful age so close to Monmouth, Abergavenny and Usk. The plague in 1369 devastated it.

The plague attacks dealt several towns a lethal blow: in 1349 77 people died in Ruthin in a two-week period, and Monmouth was badly hit, and at Carmarthen the king's two customs collectors died probably of the disease. Yet all three towns recovered. More serious in some cases were environmental crises. Archaeologists have recently shown that Monmouth was disastrously affected by flooding during the rainy years of the second decade of the fourteenth century; the Wye and the Monnow which surrounded the town rose to unprecedented levels in the period 1315-45, according to archaeometric analysis; this led to the collapse of houses leaving a thick leaven of silt. But Monmouth survived this too, and in the long term its wealth was largely unaffected. More destructive were longer-term changes that affected the south Wales coast and its port-towns in the later Middle Ages. We do not know for how long townsmen had been resisting encroaching sand and silting estuaries along the coasts of Gwent, Glamorgan and Carmarthenshire; in the upper estuary in the vicinity of Newport, Roman maritime remains have been uncovered in the levels where once there was a haven but there is now land - most startingly a complete boat only a few months ago. By the fourteenth century, when political and population circumstances made the task of resisting nature all the more difficult, the town of Kenfig was largely overwhelmed by dunes, except for its hill-top church and the peaks of its castle-tower, creating a time capsule waiting for the archaeologist. At Kidwelly, a flourishing port for much of the Middle Ages, the sea began to retreat so that larger ships could no longer enter the River Gwenveth and approach the landing stage of this walled town. And similar comment can be made of the River Dee's estuary, for the town of Overton decayed before the Middle Ages were done, and Flint declined too.

Periodic rebellion also took its toll. We should not assume that towns were the objectives of Welsh rebels because they were islands of foreign immigration, for even by Edward I's reign a number of towns had a goodly proportion of Welsh inhabitants from the locality or from elsewhere in Wales, for the migrations of the Middle Ages with town foundation in view did not depend solely on recruitment from the English border shires, still less from further afield. The enticements of burgess privilege were as attractive to many Welsh people as to English migrants. Rather were towns in the 1290s and in Glyndwr's time a century later spectacular objectives that gave credibility and force to rebel enterprises, and even Welsh townsmen faced with the prospect of more settled times were likely to spurn rebellion and the disaffected. Hence Trellech, Denbigh, Flint and Bere were besieged in the rebellion of 1294-5, and Trellech and Bere as a result were helped towards extinction, which environmental disasters, plague and declining population completed. In the decade after 1400, Brecon, Carmarthen and Ruthin were among the towns attacked; but by then population levels were rising, environmental disasters had partly abated and political changes were in train that prevented such towns from falling into decline. It was this combination of factors which in Wales led, rather, to the winnowing of its towns, so that some thrived and others did not. This can hardly be said to amount to urban decline. Prosperous towns were fewer in number but many expanded. And alongside the thriving there appeared a breed of country markets, often on sites different from those of decayed towns, but supplementing the economic and social services provided by earlier towns and chartered boroughs in a countryside that was recovering its population levels in more peaceful conditions.

This urban reorientation was accompanied by a lively land and tenement market in the later Middle Ages, along with the development of suburbs and a growing integration of countryside and town not least by means of the urbanisation of the rural landowners. When other towns were facing plague-induced crisis, both Conway and Beaumaris were expanding in the 1350s and 1360s, partly by absorbing the lands of former bond settlements nearbly which had previously sustained the economic and social structures of princely Gwynedd. Burgesses acquired the holdings of Welsh clans, and the process whereby Bartholomew Bolde of Conway achieved this between 1420 and 1453 has been reconstructed from his uniquely surviving archive of dees. In the south, at Llanstephan, the sole surviving lay cartulaty from Wales, that of the Fort family, shows that a similar process was in train during the late thirteenth and fourteenth centuries, but then Llanstephan was situated in a part of Wales that was a land of peace much earlier; the Bolde experience suggests that for all the turbulence of the fourteenth century, the process was not halted. The Boldes and Forts were of immigrant descent, but close study of the family of Sir Rhys ap Thomas, Henry VII's and Henry VIII's lieutenant in Wales, indicates that in the fifteenth century the nativeborn were doing just as well - in this case turning the decayed town of Dinefwr into a country estate but also buying properties in Carmarthen which turned one of the largest towns in Wales into a family fiefdom.

A number of towns show signs of lively industrial development, especially in the cloth industry during the later fourteenth and fifteenth centuries. Fuelling mills were built at Swansea, Kidwelly, Carmarthen and Llanelli along the southern coast, and at Ruthin and Chirk in the north-east; at Ruthin gilds of weavers and fullers had been formed to manage their trade and personal interests by the 1440s, and there was a corvisers gild there in 1496. These towns had ready access to markets, by sea and land, as far as London and sometimes overseas, for manufactured Welsh cloth. Elsewhere, coal mining and iron smelting were part of the economy, and before the end of the fourteenth century Llansamlet, just outside Swansea, was the site of coal mines producing presumably for export through the port. Some towns were acquiring sturdier, lager buildings in the later Middle Ages, including imposing churches, which doubtless reflect the prosperity of their inhabitants as well as their lively faith; and here one thinks of Cardiff, Tenby and the northern towns of Gresford and Mold patronised by the Stanley family towards the end of the fifteenth century. Carmarthen, Pembroke, Brecon, Newport, Denbigh and Caernarfon retained an administrative importance when other centres like Cardigan, Aberystwyth, Usk and Holt, which had been given an administrative role as a result of political morcellation, were decaying. These larger towns were regional centres which the Act of Union, with its reorganisation of government and justice, confirmed. It might be thought that the growth of Bristol and Chester as entrepÔts for their regional economies, and the proximity of Hereford, Gloucester and Shrewsbury might have prejudiced the social development and economic vitality of Welsh towns and ports in the Severn and Dee Valleys; but this seems not to have been the case. Rather did Carmarthen merchants divide their time and their wealth between their home town and the metropolitan city, and south Wales ports grew in association with Bristol rather than failed in competition with it; Bristol's westward interests from the sixteenth century may also have aided some of the Welsh ports.

In this process of shake-out or winnowing, market centres emerged during the fifteenth century for no other than local commercial reasons, and hey began to acquire the characteristics of town life. One thinks of Dolgellau, which had only 3 taxpayers in 1292-1293, when the nearby Edwardian borough of Bere still met the crown's military

and political needs; but by 1543, Bere was no more and Dolgellau had 23 taxpayers; John Leland had described it promisingly a few years earlier as the 'best village' in the area, and it was still growing. Dinas Mawddwy, in the same region, often thought the poorest in Wales, was a new borough, no less, created by charter in 1395, when it had as many as 35 burgesses. In the south, Bridgend was developing as a market where Kenfig was overblown with sand and Aberafan sinking into villagedom.

And this same time, the relationship between countryside and town, between townsman and country-dweller, between Welsh-born families and the descendants of immigrants, was becoming closer and their differences less apparent. At Carmarthen in the fifteenth century, the country gentry took to serving as mayors and presumably had town houses. At Cowbridge the Carne family of the Vale had its town house, and several Gower landowners had one foot in the town of Swansea. Back in the 1290s, there were few signs of rural people taking a stake in the towns; by the end of the fifteenth century it was common. John Leland commented on 58 Welsh towns visited during his travels in Wales, about half of all the towns known in the Middle Ages. His adjectives and judgements imply that he thought about 30 of the 58 were either stagnant or in decline. If an accurate view, what that represents is not the decay of urbanity but rather the consequences of historical discrimination after 400 years of a notable flowering of urban life - just as happened, one might suggest, in the wake of the Anglo-Norman conquest from the late eleventh century onwards. If only one had the records to see whether this guess is right. In short, towns were generally as populous in the early sixteenth century as they had been in the 1290s. Where the population had fallen was predominantly and generally in the rural districts. There was still a thriving urban economy which was not necessarily, certainly not simply, dependent on a prosperous countryside. Rather could it capitalise on Wales's exceptionally long coastline, its contact with Bristol, Chester and the greater centres of the borderland, and of course its sea-borne trade, which as Star Chamber cases from the early sixteenth century make plain, brought French, Breton, Spanish and Portuguese vessels to Milford Sound and the Severn estuary. Commerce, devolved administration, and the integration of town and countryside sustained this vitality.

ВОССТАНИЕ ОУЭНА ГЛЕНДУЭРА: ФАКТЫ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ

События восстания Оуэна Глендуэра достаточно хорошо известны не только благодаря трудам историков-англичан, но в гораздо большей степени благодаря работам историков валлийской национальности, которым в событиях восстания видится глубокий трагизм, определивший на долгое время жизнь их народа как малой части более сильного английского общества. Установлены следующие основные вехи событий в Уэльсе в 1400 и последующие годы.

Движение началось с весьма тривиального события - с судебной тяжбы о болоте, точне, болоте пограничном или, еще вернее, из-за пограничного, имевшего общинный юридический статус болота, описываемого в документах как «common called croesan»[1]. Эта пограничная земля «общего пользования» лежала между округом (cantref) Диффрин Клуид (Dyffryn Clwyd), входившим в состав владений могущественного лорда «Западных границ», барона, пэра королевства Рейнольда Грея из Ритина[2] (Ритин - его родовой замок, окруженный торгово-ремесленной слободой - «тауном»[3]), и коммотом Глиндиврви, занимавшим северо-восточный угол валлийского графства Мерионет, который входил в состав земель другого землевладельца, но не столь богатого и менее знатного - титуловавшегося всего лишь сквайром, англичане называли его Оуэн Глендуэр. Судебный конфликт принял затяжной характер и шел с переменным успехом, пока решением[4] первого парламента Генриха IV «болото» не было закреплено за лордом Греем де Ритин. Как и следовало ожидать по «логике жизни», более сильный одержал верх над слабейшим конкурентом. Факт, так сказать, заурядный, совсем не макроисторического масштаба. Однако Генрих Ланкастер и его советники из Upper House парламента оказались политически близорукими людьми. Поддержка члена своей сословной группы в пустяковом иске о болоте явилась причиной тяжелейшей войны, победа в которой стоила английскому государству десятков тысяч фунтов стерлингов и многих тысяч человеческих жизней.

Все дело в том, что сквайр Оуэн Глендуэр был валлийским («кимврским»)[5] вельможей[6], потомком древнейших и знатнейших семей Уэльса[7]. Решение английского парламента ударило по самому больному - чувствам достоинства и справедливости не одного человека, а всей нации. И чувства эти в невеликом по числу, но имевшем долгую и величественную историю народе были к тому времени достаточно раздражены. За скромным сквайром Оуэном стояла могучая тень принцев Северного Уэльса и вольнолюбивые горцы валлийских гор, еще не склонившиеся перед завоевателями «англо-саксами». Источники содержат немало сведений о конфликтах локального характера. Один из таких инцидентов уже много более ста лет находится в поле зрения специалистов[8].

По весне 1400 г. в одном из лесов обширных владений лорда Грея обосновался некий Граффидд ап Даффидд ап Граффидд подобно Робин Гуду, смещенный до этого с должности лесничего и бейлифа лордом Арунделом (речь идет о местности Чиркленд - Chirkland). Веселые приспешники валлийского Робин Гуда увели из конюшен Грея де Ритин пару лошадок и оказались в поле зрения профессиональных историков не из-за этой маломасштабной кражи, а потому, что осмелились нанести могущественному лорду не только материальный, но и моральный ущерб, написав ему в стиле робингудовских баллад ерническое письмо («mocking letter»). Барон Грей ответил угрозой и

пожаловался молодому принцу Уэльскому (будущему королю Генриху V). Время сохранило письма. А они свидетельствуют, что «лесная» война валлийцев с английскими феодалами началась за полгода[9] до знаменитого погрома «Ритинтауна» (или точнее township of Ruthin)[10]. На насмешливые письма лесных бродяг и враждебность соседей лорд Грей ответил придворной интригой[11]. Получив от короля вызовы для себя и Оуэна готовиться к походу против Шотландии, барон задержал королевское письмо и, отправляясь в поход, передал его через слугу валлийскому сквайру в расчете, что тот не успеет собраться и догнать двигавшуюся к Бервику королевскую армию. Так и произошло. Оуэн опоздал. Лорд Грей на королевском совете обвинил соперника в так называемом «преднамеренном отсутствии» (misrepresentation). Обвинение королевского вассала, каковым являлся Оуэн, в неявке на «королевскую войну» влекло за собой поражение в правах на земельную собственность. Грей явно ждал соответствующего королевского приказа и полномочий для его реализации, чтобы раз и навсегда покончить со строптивым соседом[12]. Но Оуэн среагировал на нависшую над ним угрозу более, чем адекватно.

16 сентября 1400 г. несколько сот мужчин и семь женщин[13], собравшись вместе в Глиндиврви[14], провозгласили Оуэна принцем Уэльса, а значит, объявили открытую войну не только пограничному феодалу, но и королю Англии. Конечно, этот шаг был несоразмерен в политическом масштабе с проигрышем судебного процесса. Вероятно, можно сказать, что судебная неудача была лишь поводом, и для столь серьезного решения были более глубокие причины. Однако об этом позже.

18 сентября в субботу, незаметно подойдя к стенам «тауна» через густой лес[15], валлийцы через открытые ворота ворвались на улицы города и подвергли его разгрому. Горожане и гарнизон замка сражались с противником и небезуспешно: 10 человек были захвачены в плен, остальные ушли восвояси[16]. После этого, опираясь на свою небольшую дружину, новоявленный принц атаковал целый ряд других крепостей, окружавших Британский «Кавказ» - горный массив Сноудон: Денби, Хритлан, Флинт, Хаварден, Холт, Освестри[17] и др. Трудно сказать, насколько успешными были эти атаки, но более точно известно, что появившиеся в северном Уэльсе королевские войска, собранные из соседних графств во главе с Гугом Барнеллом, рассеяли отряд Оуэна. Казалось, что инцидент и в военном, и в политическом плане исчерпан. Однако, погашенное в одном месте, пламя мятежа вспыхнуло в другом. На стороне валлийского принца выступили его дальние родственники, которые контролировали ряд районов густонаселенного о.Энглси. Это были Рис и Гвилим ап Тюдур. Получив известие, что не только Сноудон, но и Энглси в мятеже, Генрих IV осознал, что имеет дело не с рядовым столкновением и двинул в октябре более крупное войско в Уэльс, возглавив его на некоторое время сам[18]. Противостоять королевской армии валлийское войско пастухов не могло и рассеялось в очередной раз. 9 ноября король даровал все поместья Оуэна Джону Бьюфорту, графу Сомерсета[19].

Правильно оценивая ситуацию, понимая, что военные действия в условиях сильно пересеченной, с заросшими густым лесом ущельями, местности затруднены, 10 марта по петиции принца Уэльского Генрих IV обещал помилование и сохранение имущества всем сдавшимся. Из списка помилованных заранее были исключены Оуэн и оба Тюдура. Наместником короля в северном Уэльсе был назначен Генрих Перси, сын графа Нортумберленда. Однако Генрих Перси должен был усилить гарнизоны, а для

этого требовались деньги. Он неоднократно обращался в Тайный совет за помощью. В одном из писем (17.V.1401) он сообщает, что его расходы непереносимы[20]. За дело принялись королевские судьи и сборщики всевозможных налогов, недоимки по которым накопились за последние несколько лет[21]. Судебно-административный нажим вызвал недовольство среди различных групп населения на севере Уэльса. Можно предположить, что некоторые действия Генриха Перси носили провокационный характер. Если семейство Перси готовилось к борьбе с новым королем, то валлийские повстанцы должны были ими рассматриваться как потенциальные союзники. В подтверждение этих рассуждений можно привести вот что: Генрих Перси возобновил военные законы времен Эдуарда I, запрещающие валлийцам иметь собственность в городах и вступать в городские общины (получать права горожан) как в валлийских крепостях, так и в городах границы. Административное решение вскоре было подтверждено решением парламента 1400-1401 гг.[22] Противостояние английскому давлению резко усилилось. Сначала валлийцы терпели неудачи на «северных фронтах», там, в частности, отличился лорд из Пациса, разбивший отряд самого Глендуэра[23]. Но вскоре пришел успех - дружины Тюдуров взяли замок Конвей (1 апреля 1401 г.). Сам Оуэн не только очистил Сноудон, но и вторгся в южный Пацис. Из Пациса он с небольшим отрядом совершил рейд в южный Уэльс, где в Пембрукшире у Хиддена (Hydden) разбил собранное королем ополчение (известно, что против 1500 ремесленников и горожан сражалась дружина из 120 валлийцев). Ополченцы потеряли 200 человек. Эта победа обеспечила Глендуэру поддержку населения ряда районов юга (в графствах Кардиган и Кармартен)[24]. Успехи повстанцев привели к смещению Генриха Перси и Генрих IV двинулся снова в Уэльс в июле 1401 г. (28 мая король получил известие, что Оуэн собрал великую ассамблею мятежников с целью вторгнуться в Англию.)[25] Валлийцы применили обычную тактику и, покинув города, ушли в горы. Осенью весь Гвинет и Кэридигион (Ceredigion) оказались втянутыми в мятеж. Уэлшпул (Welspool), замок Эдварда Чарлтона, подвергался постоянным атакам. Войскам короля и принца Уэльского удалось отбить Бангор, Карнарвон и территорию от Мейрионит[26].

Генрих IV был вынужден вновь вступить в переговоры. Если судить по протоколам Тайного совета, переговоры начались ранним летом 1401 г. Запись в протоколах о получении письма от Оуэна имеет дату 8 июня 1401 г. Само содержание письма в протоколе не отражено[27]. На этот раз посредником выступал не Генрих Перси, а его отец[28]. Причем король сделал новую уступку вождю восставших - Оуэну обещали сохранить все его имущество и его статус под поручительство графа Нортумберленда, если он сложит оружие. Надо полагать, что подобные условия были предложены и другим вождям. Протоколы Тайного совета сохранили запись об обсуждении этого вопроса. Решение его было передано королю - «на его доброе решение» (good disposition)[29]. Историки называют эти переговоры, происходившие ранней осенью, «критическим моментом восстания»[30]. Оуэн вступил в переписку с графом Нортумберленда[31]. Письмо, о котором упоминает Аск, содержало странную смесь угроз и предсказаний. Оуэн отказался от королевских условий. Предполагается, что он не доверял поручителям[32].

Чувствуя за собой народную поддержку, Глендуэр направил отряды к крепостям Харлех и Карнарвон, но был отбит и потерял 300 человек. Зиму 1401-1402 гг. Оуэн и его соратники, вероятно, провели в подготовке к серьезным

военным действиям. Оуэн Глендуэр достиг успехов и в дипломатическом плане. Было отправлено посольство к шотландскому королевскому двору.

В 1402 г. валлийцы перешли в наступление. 30 января был взят Ритин. В апреле этого же года был захвачен в плен лорд Грей (король позднее выкупил его за 10000 марок). 22 июня 1402 г. Оуэн одержал крупную победу при Пиллет (Pilleth, Pyllalai) к востоку от Раднора[33]. Столкновение с крупным английским отрядом окончилось победой повстанцев, так как валлийские стрелки перешли на сторону Оуэна, а воины из Герифорда были перебиты[34]. В ходе сражения был захвачен Эдмунд Мортимер, который был увезен в Сноудон[35]. Эта победа, отдавшая в руки Оуэна одного из крупнейших собственников Границы, обеспечила валлийским повстанцам господство на севере и в центре Уэльса. Развивая военный успех, отряды валлийцев до конца лета продвинулись на юг, заняли Гвент (Gwent) и Гламорган. Их военные отряды атаковали города Аск, Карлеон, Ньюпорт, Кардифф (все на юго-востоке Уэльса).

1402 г. закончился не только военными успехами, но и принес определенные политические достижения. Лорд Мортимер отказался от выкупа, а вскоре был заключен брачный контракт между ним и дочерью Глендуэра Катериной. Такую версию защищает современный валлийский историк Д.Уокер[36]. Но это не единственная точка зрения. В английской историографии[37] дело Мортимера связывается с теми заговорами и интригами, которые вела верхушка аристократии против нового короля-«узурпатора». Двор Генриха IV подозревал, что Мортимер сдался в плен по доброй воле, чтобы иметь возможность вступить в более тесный контакт с руководителем валлийского восстания[38]. Поэтому Генрих IV, пренебрегая просьбами семьи Перси[39], отказался предоставить деньги для выкупа Эдмунда Мортимера. Более того, был предпринят дипломатический шаг — опека над его владениями была передана Перси-младшему. Оценить обе версии на доступной источниковой базе не представляется возможным. Можно подчеркнуть лишь одно: на какой-то срок Эдмунд Мортимер становится союзником Глендуэра и, учитывая его связи и богатства, он был весьма полезным союзником[40]. Что же касается Перси, то попытки Генриха IV задобрить могущественных магнатов привели к обратному результату. Все более убеждаясь в слабости королевской власти, они рискнули поднять знамя мятежа, опираясь на вассалов в своих обширных владениях на севере и западе страны.

В августе 1402 г. три королевских отряда с разных направлений вторглись на территорию Уэльса. Однако проливные дожди, уничтожившие дороги и тропинки, заставили королевские отряды скоро вернуться к исходным позициям, не достигнув никакого результата. Томас Уолсингем, известный хронист из Сент-Олбенса, осмысливая и переживая неудачи короля, записал в своей хронике, что столь рано наступившая осенняя непогода была вызвана колдовством руководителя повстанцев. Известный Джон Росс (или Роус) из Уорвикшира расширяет информацию о том, почему Оуэн был неуловим: «В народе говорят так, что он имел камень, который делал его невидимым, который камень, как говорят, когда-то был у Ричарда, графа Арундела, отобран по злобе королем», Ричардом II[41] .

Однако в ходе летней кампании отряду, которым руководил принц Генрих, удалось сжечь «главную резиденцию» вождя валлийцев в Сихарте. Были преданы огню посевы и селения в графстве Мерионет[42]. Были сделаны попытки укрепить администрацию Уэльса, особенно в экономически развитых южных

районах. В марте 1402 г. Томас Перси, граф Вустера, был назначен не просто судьей Пембрука, а королевским наместником («royal lieutenant»).

К своим поместьям в этих местах он присоединил еще Эмлин и Хаверфорд. Ранее, в октябре 1401 г. новый начальник Томас, лорд Карью (Carew) прибыл в крепость Норбет, имевшую важную стратегическую позицию: она прикрывала дороги к Пембруку[43]. В Тенби был назначен новый комендант Дж. Стивенс[44].

В июле 1402 г. Ричард, лорд Грей оф Коднор, получил приказ организовать оборону на юге Уэльса[45]. В сентябре того же года Томас Перси был смещен, а лорд Грей назначен королевским наместником. Это произошло после того, как разбойники опустошили Брекон, Гламорган, Гвент, а королевская военная экспедиция оказалась неудачной.

Мятеж Перси отвлек внимание королевского правительства и в прямом, и переносном смысле заслонил собой события в Уэльсе. Во всяком случае, английские хронисты не сообщают достаточно подробно о валлийских делах и, судя по всему, Оуэн не поспешил вместе со своим войском к Шрусбери на помощь к Перси, хотя какие-то валлийские бойцы находились в составе войск мятежных баронов[46].

Военные действия в «северных марчах» в 1403 г. шли довольно успешно для валлийцев, весной этого года они вторглись в «Хоупдейл» - долину Хоупа и сожгли город Хоуп. Летом они перешли вброд реку Ди и ворвались в Виррел[47]. Тогда же или раньше (1402 г. ?) был сожжен ими Денби[48].

В 1403 г. намечается военный союз с Францией. В октябре 1403 г. контингент наемных солдат из Франции оказал помощь Генри Дону при осаде Кидвелли. В ноябре эскадра, которую вел Жан д'Эспань, появилась перед крепостью Карнарвон[49].

Изученные валлийскими историками документы указывают, что феодальная война, разразившаяся в Англии, была использована Оуэном для наступлений на южный Уэльс. Причем в ходе военных действий здесь был захвачен ряд земель, принадлежавших Томасу Перси, графу Вустера[50]. Экспедицию на южный Уэльс возглавил сам Оуэн. Рис Дэвис рисует впечатляющую картину: все сельские районы Уэльса находятся под контролем повстанцев, все английские крепости от Брекона на востоке до Аберистwита (Aberystwyth) на западе, от Бомариса до Кардиффа - в осаде.

Общины и администрация графства Герифорд были вынуждены пойти на заключение с Оуэном перемирия, уплатив за это довольно значительную сумму денег (200 ф.ст.).

Очередная контратака короля в сентябре 1403 г. успеха не принесла. Более того, Генрих IV позднее никогда не рисковал вести свои дружины в горные местности. Во главе английской армии встал принц Уэльский[51]. Установлено, что в течение этого года валлийцы взяли несколько южных укрепленных пунктов англичан - Дрислвин (Dryslwyn), Хланстеван, Эмлин, Кэрри Кеннен (Carrey Cennen). Кардифф был взят и сожжен. Джеймс Гамильтон Уайли расширяет информацию об успехах валлийцев в ходе военных действий в 1403-1404 гг.: валлийцами были взяты Карлеон, Кайрфихли, Ньюпорт, Аск. В осаде находились Велшпул и Ладлоу. Валлийцы опустошили западный Шропшир (5 сотен из 16). Были сожжены также Кэвинллис (Kevenlleece) на р.Итон и Монтгомери[52]. В начале 1405 г. после долгой осады валлийцы заняли крепость Раднор[53]. В 1404-1405 гг. Оуэн рискнул дать ряд фронтальных сражений крупным английским отрядам. Источники сообщают о его впечатляющей победе при Бриновэйн после восемнадцати часов рукопашного боя. Известны и поражения. В 1404 г. дружина

графа Уорвика на границе Монтгомеришира разбила отряд Оуэна. Валлийцы бежали, спасая вождя. В плену оказался его верный страж Эллис ап Ричард ап Ховел ап Морган Ллойд ап Абгрей (Ellis ap Richard ap Howell ap Morgan Llwyd ap Abhrey). Из валлийских источников известно, что 2 июля Оуэн Глендуэр вторгся в долину р.Тайви (Tywi) с отрядом в 8000 человек. Его сторонники взяли там «Новую крепость» - Ньюкасл и установили контроль над Кармартеном. Однако командующий королевскими войсками Томас Карью, он же комендант крепости Норбет[54], 12 июля сумел нанести поражение рассыпавшимся с целью грабежа валлийцам. Около 700 человек было убито на границе Пембрукшира. Успех Карью определялся тем, что в его распоряжении находился переброшенный из Англии контингент наемных солдат. Используя успех, Карью, на помощь к которому прибыл Джон Бьюфорт, граф Сомерсета, отбил Кармартен[55]. В целом, крайняя юго-западная часть Уэльса осталась в руках англичан и служила базой дальнейших военных действий.

Пика успехов военные отряды Глендуэра достигли в 1404 г. В мае 1404 г. среди других были захвачены базы английского господства в северном Уэльсе Харлех и Аберистви т. Таким образом, большая часть Уэльса и значительная часть пограничных земель оказалась под контролем Оуэна. Наиболее активные действия велись на юге, где особую роль сыграл Дэвид Перро (Perrot)[56], сквайр и служащий короны. Он пытался создать флот и блокировать крепости южного Уэльса. Благодаря его действиям пала приморская крепость Кидвелли[57]. Англичане сохранили лишь крепости на побережье южного Уэльса и графство Пембрук, занимающее крайнюю юго-западную оконечность полуострова. В осаде находились крепости Абергавенни (Abergavenny) и Коети (Koety).

Глендуэр попытался закрепить успех политически. Были установлены отношения с Францией (14 июня удалось заключить договор с Францией, который в международном плане узаконивал положение Оуэна Глендуэра)[58]. Делались довольно успешные попытки заручиться поддержкой шотландского королевского двора[59].

Надо, однако, заметить, что контакты между Францией и Уэльсом существовали и раньше. Как уже было сказано, в октябре 1403 г. французские корабли высадили десант на юге Уэльса и пытались захватить Кидвелли и Карнарвон. Несомненно, июньский договор 1404 г. включал пункты военной помощи[60]. Отнюдь не случайно, что не позже августа 1405 г. большая эскадра французских кораблей появилась в Милфорд Хэйвен[61]. Корабли высадили десант в составе 800 всадников[62] и 600 арбалетчиков, 12000 «простых» пехотинцев[63].

В 1404 г. продолжалось укрепление валлийской государственности. Состоялся первый парламент в Маханхлете[64]. Епископы Бангора и Сент-Азафа подтвердили свою поддержку Глендуэра[65]. После того, чтобы укрепить союз с Францией, они, в отличие от английских прелатов, признали власть авиньонского папы[66]. 10 мая 1404 г. Оуэн, находясь в Долгелли, подписал свое письмо как «Принц Уэльса Божьей милостью»[67]. Кроме того, сознавая, что без поддержки английских магнатов едва ли удастся справиться с силами Генриха IV, Глендуэр и Мортимер попытались получить поддержку со стороны графа Нортумберленда, который, несмотря на поражение 1403 г., сохранил определенное влияние на севере Англии. 28 февраля 1405 г. был подписан договор между тремя политическими вождями: Мортимером, Перси и Оуэном о совместных действиях и разделе сфер влияния. Согласно этому договору Англия после предполагаемой победы над Генрихом IV будет разделена на три

части. Нортумберленд получит север Англии и «центральные» графства (Ноттингемшир и др.), Мортимер - юг страны с Лондоном и Оксфордом, Оуэн кроме Уэльса должен был взять под свой контроль Честер, Шрусбери и Вустер[68]. Заговорщики попытались реализовать свой план. В 1405 г. на западе и севере страны начались военные действия. На какой-то срок ланкастерское правительство вынуждено было перейти к «глухой обороне». В этой войне Оуэн и его союзник Мортимер, используя предоставленную армию французов, попытались реализовать свои далеко идущие замыслы. В начале августа 1405 г. французский отряд, состоявший из более, чем 2000 воинов и валлийское ополчение, насчитывавшее около 10000 человек[69], едва ли не все наличные людские ресурсы страны, выступили в поход из Милфорд Хейвен на восток. Поход начался успешно. Были одержаны победы при Хаверфорде и Кармартене[70]. Город и крепость Кармартен оказались в руках восставших, правда, на короткий срок[71]. Отряд валлийцев блокировал Койти Касл (Coity Castle). После чего через территорию Гламоргана Оуэн и его союзники продвинулись на территорию Англии, причем впервые вышли за пределы «Границы» и оказались перед крупным городом Вустер. Отдельные отряды появились в лежащем севернее графстве Герифорд. Захваченная английская территория была разграблена. Однако развить достигнутые успехи Оуэн не сумел. О причинах этого наши источники говорят нечетко. Однако одна из наиболее достоверных версий говорит, что наступление было остановлено эпидемией, начавшейся во французских войсках. Вместо того, чтобы наступать, армия Оуэна создала укрепленный лагерь на Вудбери Хилл, в 10 милях к северо-западу от Вустера, между реками Северн и Тим. Англичане стянули для обороны Вустера значительные силы. Туда прибыл сам король «со сквайрами его охраны». Бои в окрестностях Вустера продолжались восемь дней. Потери были, хотя и незначительные, с обеих сторон (200 убитых). Среди них - три французских рыцаря (источники особо выделяют Патруаллара де Три, барона Дю Плесси (Patroullart de Trie)[72]. Вскоре французский экспедиционный корпус вернулся в Уэльс. Известно, что в ноябре эскадра во главе с Жаном де Рю, увозя кавалерию и часть арбалетчиков, отплыла к родным берегам[73]. Пехота французов зимовала в Уэльсе, но, судя по косвенным данным, Оуэну нечем было платить французам, и «великим постом», т.е. ранней весной, пикардийский капитан le Begue de Belag посадил оставшуюся часть экспедиционного корпуса (1200 «солдат», 300 стрелков из арбалета) на корабли. Многие из них погибли, атакованные английским флотом «адмирала» Бернли, а остальные добрались до берегов Бретани[74]. В 1406 г., реагируя на прокламации Карла VI, французские «волонтеры» атаковали берега Йоркшира, но без успеха[75]. Более успешно развивались операции французских войск на юго-западе Франции в 1405-1406 гг., где их отряды подходили к Бордо[76]. В 1406 г. французы даже на некоторое время оккупировали о.Уайт[77], но эти военные действия не влияли на ту ситуацию, которая сложилась в Уэльсе.

Зимой 1405-1406 гг. произошел перелом в войне в пользу ланкастерских сил. Во главе английских войск, действовавших против Уэльса, встал сын короля - принц Генрих, военные и организационные таланты которого отмечены в английской историографии. Французы не стали отправлять экспедицию, ожидавшуюся валлийцами. В то же время шотландский наследник престола Джеймс, граф Каррик, был захвачен английскими моряками[78].

11 марта 1406 г. валлийцы были разгромлены при Гросмоне (Grosmont)[79]. На поле сражения осталось едва ли не 1000 валлийцев[80]. Двумя неделями

позже Оуэн атаковал крепость Аск. Атака также оказалась неудачной[81]. Подошедшие на помощь отряды принца Уэльского преследовали валлийцев до берегов Полл Мелин (Pwll Melin). Ночь остановила преследование. На следующий день произошло генеральное сражение. Результаты его оказались печальными для валлийцев. Погиб один из братьев Оуэна - Тюдур, прославленный командир. Был убит и сын Глендуэра. Еще в 1405 г. другой его сын, Граффидд, был захвачен в плен и увезен в Лондон[82] (он закончил свои дни в Тауэре в 1411 г.)[83]. В этих трех сражениях военная мощь валлийцев была сломлена. Неизбежная развязка была отсрочена благодаря тому, что на севере страны резко усилилась активность Генриха Перси и его союзников, включая шотландцев, которые отвлекли внимание английских сил. Военные действия на севере продолжались до 1408 г., когда в сражении при Брэмхем Мур армия Перси была разбита, а сам он погиб[84]. Таким образом, Оуэн Глендуэр лишился важного союзника в Англии. Очередные неурядицы в шотландском королевском доме лишили его помощи из Шотландии. Зимой 1408 г. были такие холода, что многие районы были вынуждены признать власть Генриха IV (о.Энглси, долина р.Тайви, Гауэр)[85].

Пока шла война на севере, англичане не могли бросить против валлийцев крупные силы. Однако отряды принца Уэльского сумели вернуть под свой контроль большую часть области, кроме горных местностей Нарбет и Ллайхаден, которые сопротивлялись до мая 1409 г.[86] В 1406-1408 гг. большая часть востока Уэльса подчинилась англичанам:

1408 г. оказался годом решающих поражений. Англичане вернули себе Аберистwит и Харлех[87]. Благодаря Дж.Г.Уайли известны некоторые детали боевых операций у Аберистwита и Харлеха. Вначале, летом 1407 г. английская флотилия подошла к Аберистwиту. В десанте участвовали 600 рыцарей, 1800 стрелков из лука, плотники, пушечная прислуга при шести больших пушках. Самая крупная из пушек весила 4,5 тонны. Бои шли два месяца. В крепости иссяк провиант, и «капитаны» валлийцев подписали с англичанами договор, по которому они обещали передать им крепость к ноябрю и выдали заложников. Оставив 120 рыцарей и 300 стремянных вблизи крепости-аббатства Готрадфлур (Кардиган) принц Уэльский с оставшимися воинами отправился пешим путем в Герифорд на зимние квартиры. Однако, придя тайком в крепость, Оуэн Глендуэр отказался от выполнения условий сдачи. Летом 1408 г. англичане вновь подошли к Аберистwиту. Упорные бои продолжались конец лета и осень. На пороге наступающей зимы, не имея средств к существованию, валлийцы покинули крепость. Впрочем, провианта не было в Уэльсе. Принц Генрих увел большую часть армии на юг полуострова. Зимой 1408-1409 гг. наступили редкие для Уэльса холода, в горах выпал снег. Голод принял фатальный характер. В этих условиях английским командованием было решено нанести решающий удар по столице «принципата» - Харлеху. Лучшие английские командиры Джилберт, лорд Толбот, и Джон, лорд Фэрнивол, наняв 300 рыцарей и 600 стрелков (за плату 524 ф.12 шил.4 пенса) высадили десант у Харлеха в середине декабря 1408 г. Осада продолжалась около двух месяцев. Упорство оборонявшихся сломил голод и неожиданная болезнь Эдмунда Мортимера, возглавлявшего оборону. К концу февраля 1409 г. Харлех сдался[88].

Не сумев помочь Харлеху, Оуэн был вынужден отдать в руки англичан свою жену Маргариту, дочь Катерину Мортимер с ее детьми[89]. В плен к англичанам в эту тяжелую зиму попали также такие валлийские военоначальники, как Рис Дду (Rhys Ddu) и Филипп Скидмор. Первый был вскоре казнен. Той же зимой в

ноттингемской тюрьме скончался сын Оуэна Граффидд. В Англии распространился слух, что умер сам валлийский принц. В рифмованной хронике Джона Гардинга можно прочесть под 1409 г.: «Они умерли все и тогда (1409 г.), из них не осталось никого больше и все люди Уэльса подчинились королю».[90]

После этих поражений наиболее важные и густонаселенные районы Уэльса оказались под контролем англичан. Чувствительной была и потеря о.Энглси, снабжавшего хлебом скотоводов всей северной части Уэльса. Представители валлийской элиты, как сквайры, так и верхушка церковной иерархии, отказались от борьбы и поспешили получить (или купить) королевское помилование. Статуты королевского парламента 1407 г. носят уверенный характер, в частности статут 4: «Все преступления мятежников в Уэльсе английским судьям судить там, где они были совершены (т.е. в самом Уэльсе).»[91] Это явное свидетельство того, что уже в то время значительная часть Уэльса контролировалась не только английскими войсками, но и судебно-административной властью. Парламент обращался к английскому населению с призывом захватывать и доставлять в тюрьму бандитов и разбойников из Уэльса. Очевидно, что разбитые повстанцы были вынуждены искать себе спасения на смежных английских территориях. После кампании 1408 г. сторонники Оуэна Глендуэра удерживали только труднодоступные горные местности на севере страны (массив Сноудон), а также на юге и в центре Уэльса[92]. В рядах валлийских повстанцев оставались только свободолюбивые пастухи, которые были не в состоянии противостоять отрядам принца Уэльского.

Однако распространившиеся в Англии слухи о решающих победах принца Генриха и подавлении восстания, отложившиеся на страницах Т.Уолсингема и других, близких к королевскому двору летописцев, которые позже были восприняты рядом историков нового и новейшего периода, оказались сильно преувеличенными. Валлийскими краеведами были преданы гласности письма Генриха IV. Одно из них относится к маю 1409 г., а второе, более строгое и точное по содержанию, датировано 23 сентября 1409 г.[93] В мае 1409 г. три крупнейших лорда «Границы» - Томас Арундел, лорд Грей де Ритин, и лорд Чарлтон из Пацис получили распоряжение оставаться на границе и принять меры для борьбы с мятежниками. В сентябре повторное и грозное послание короля кроме этих троих получил Ричард Лестранж из Нокина. В тексте последнего письма король выражал большое удивление пассивностью своих вассалов. Им ставилось в вину, что их министры и офицеры без королевских указов (warrants) подписали с валлийцами некие перемирия (truces), прекратили военные действия и тем самым стимулировали товарообмен на границе. Все «пограничники» должны были выехать в свои владения в Уэльсе и рядом с ним и возобновить войну против врагов короля и королевства.

Очевидно, благодаря «truces» валлийцы сумели скопить какие-то необходимые материальные ресурсы, и в следующем году провели еще одну, на этот раз последнюю военную кампанию. Возможно, что Оуэн предпринял рейды в Шропшир в 1410 г. и в Брекнок в 1412 г., где был взят в плен перешедший на сторону англичан Даффидд Гэм[94].

Однако эти рейды уже не могли сколько-нибудь серьезно изменить сложившуюся политическую ситуацию. Вскоре в действие вступил еще один фактор - принц Уэльский, после 1413 г. Генрих V, готовясь к вторжению во Францию, произвел большие наборы в армию в качестве как всадников, так в особенности стрелков из лука среди валлийцев. Валлийская историография

отмечает, что после ухода валлийских воинов с английской армией на континент в Уэльсе наступила стабилизация[95].

В 1415 г. Генрих V даровал прощение Оуэну Глендуэру, которое тот не принял[96]. О конце жизни Оуэна есть несколько версий. Английские историки полагают, что он умер в том же 1415 г.[97] По мнению Д.Уокера, опирающегося на валлийскую традицию, Оуэн провел последние годы в графстве Герифорд у своей дочери Элис и зятя Джона Скадемора[98].

Восстание Оуэна Глендуэра имеет интерес не только в связи с английской историей. Его значение шире и многоплановей. Это, несомненно, не политическое, а глубокое социальное движение, опиравшееся на явления общественной жизни, но это дело особого исследования.

---

[1] Jack R.G. Owain Glyn Dwr and the Lordship of Ruthin // The Welsh History Review. - V.II. No.4. - 1965 - P. 307.

[2] Рейнольд Грей, лорд Грей де Ритин (1362-1440). В октябре 1389 г. впервые принимал участие в парламенте как лорд или барон Верхней палаты. В октябре 1394 г. сопровождал Ричарда II в Ирландию. Притязал на поместье Вексфорд как часть имения Гастингс. В 1398 г. снова был в Ирландии, некоторое время губернатором после смерти Рожера, графа Марча. После коронации Генриха IV стал членом королевского совета и участвовал в обсуждении вопроса о войне во Франции.

[3] «Таун» (town) был достаточно богат, чтобы окружить себя высоким частоколом и земляным валом с воротами.

[4] См.подробнее о судебной тяжбе и участии в ней Палаты лордов в DNB (sub Glendower Owen. - Article T.E.Tout) или в первой большой биографии Оуэна, написанной в начале века Брэдли.

[5] Р.Р.Дэвис считает, что древний этноним «cymry» получил широкое распространение уже с середины VII в. - Davies R.R. Conquest, coexistence and change. Wales. 1003-1415. - Oxford. 1987. - P. 1

[6] Его имя по-валлийски Owain ap Gruffydd, lord of Glundyvrdwy или Glyn Dwr, т.е. лорд «долины реки Ди».

[7] Его дед Гриффит происходил от Гриффита из Бромфилд. По отцу Оуэн притязал на происхождение от принцев Пациса, а через свою мать Элен на родство с королевским домом Дехайбарта и Лливелином ап Гриффитом. Ibidem.

[8] Royal and Historical Letters during the Reign of Henry the Fourth. - Ed.F.C.Hingeston. - L. the Rolls Series. - 1860. - V.I. - P. 35-38.

[9] Lloyd G.E. Oswestry as Link between England and Wales. // Archaeologia Cambrensis. 7th ser. - V.III. - 1923. - P. 204-205.

[10] «Тауншип» получил от первого лорда Грея де Ритин привилегии «free borough», что и составило некую юридическую основу его хозяйственного процветания во второй половине XIV в.

[11] Вероятно, на своих дружинников Грей не надеялся. Поэтому мы не видим его в Ритине ни в 1400, ни 1401 гг. Попытка его начать войну по-рыцарски весной 1402 г.

закончилась плачевно. Он был выдан его же ливрейными солдатами Оуэну 18 апреля 1402 г.

[12] Об интриге Грея сообщает один, но на наш взгляд авторитетный источник. - Historia Vitae et Regni Ricardi II ... - P. 171.

[13] Состав собрания был внимательно изучен Р.Дж.Джек (Owain Glyn Dwr P. 310-312). Кроме Оуэна среди вожаков оказались его брат Тюдур, Гивел Киффин (Hywell Gyffin), братья Хэнмеры-Гриффит и Филипп, капеллан из Лландрилло (Llandrillo) и пророк Крэх Ффиннант (Crach Ffinnant). В состав повстанцев вошли десять держателей Глиндиврви, 15-Ритина, люди из графств Мерионет, Денби, из Рос (Rhos) и др. Р.Дж.Джек отмечает, хотя и не комментирует, что большой процент в отряде составляли жители Денби: 87 из 270 (или 287) повстанцев. В основе подсчетов - материалы судебных разбирательств.

[14] Davies R.R. Conguest, coexistence and change. - P. 443.

[15] Лес назывался Коэдмархан. О нем довольно подробно написано: Winn J. History of the Gwydir Family. - Ed.W.W.E.Wynn. - L. 1878. - P. 46-47.

[16] Вместе с отрядом Оуэна ушли около двух десятков жителей «тауншипа». Известны имена семнадцати. Среди них Йехан ап Бледан (Jehan ap Bleddyn), рабочий, «недавно живущий в Ритине». В 1403 г. (7 июня) ушел в повстанцы Лливелин ап Мэдог ап Лливелин и вскоре умер в Харлехе. - Jack R.J. Owain Glyn Dwr ... - P. 312, 317 etc.

[17] Walker D. Medieval Wales. - Cambridge. 1990. - P.168.

[18] Ramsay J. Lancaster ... I. - P. 46.

[19] DNB. - V.XXI. - P. 428.

[20] PO ... I. - P. XVI.

[21] 21. Последние годы правления Ричарда II, когда происходили многочисленные репрессии (в том числе был казнен граф Ричард Арундел), готовилась экспедиция в Ирландию, формировался земельный фонд палатината Честер, привели к тому, что суды в Уэльсе действовали неэффективно, многочисленные держатели коронных земель использовали ситуацию, чтобы не платить причитавшихся податей.

[22] SR. - II. - P.124.

[23] PO. - I. - P. 15. Письмо о победе имеет дату - 4 июня 1401 г.

[24] Turrey R.H. The Marcher Shire of Pembroke and the Glyndwr Rebellion. - WHR. - V.15. - 1900. XII. - P. 152.

[25] PO. - II. P. 55.

[26] Usk. - P. 67.

[27] PO. - I. - P.16.

[28] Usk. - P. 67.

[29] PO. - II. - P. 61.

[30] Walker D. Medieval Wales ... - P. 170.

[31] Usk. - P. 69-71.

[32] Usk. - P. 70; Walker D. Medieval Wales. - P. 170-171

[33] Davies R.R. Conguest ... - P. 444.

[34] Потери оцениваются по-разному: анонимный хронист из Ивэсхем называет цифру в 200 человек (Historia Vitae et Regni ... P. 178-200), Томас Уолсингем - более 100 (HA. - II. - P. 250, Annales Henrici IV - 1100 (Ann.Hen. IV. P.34, Адам Аск - 8000 (Usk. - P. 75).

[35] Walker D. Medieval Wales. - P. 170-171

[36] Ibidem.Ann. Hen.IV. - P. 341.

[37] Vickers K.H. England in the Later Middle Ages. - L. 1921. - V.III. - P. 318.

[38] Ann. Hen.IV. - P. 341.

[39] Семейство Перси пыталось помочь родственнику (сестра Эдмунда Мортимера Елизавета была замужем за Перси-младшим).

[40] Большинство владений Мортимера в Уэльсе - Мелиенидд (Melienydd), Гортеренион (Gwrtherenion), Рэйосер (Rhaiwcer), Комтенддор (Cwmtenddwr), Аройстли (Arwystli), Сифейлиог (Cyveiliog), Кэрейнион (Caereineon) были в его руках.

[41] Johanius Rossi, alias Rous, Warwicensis antiguarii , Historia regum Angliae. - Ed T.Hearne. - Oxford. 1745. - P. 206-207.

[42] PO. - V.II. - L. 1836. - P.61. Материалы «Privy Council» содержат немало деталей военных действий и политических акций в Уэльсе. Принц Уэльский в одном из писем информирует Совет, что он взял одного из руководителей восстания в плен. Имя его не названо. Пленный предлагал 500 фунтов выкупа, но пощады не последовало - он был ка знен.

[43] Turvey R.H. The Marcher Shire of Pembroke. - P. 156.

[44] Ibid. - P. 154.

[45] Ibid. - P. 155

[46] Вероятно, держатели графа Вустера из южной «Границы». - Turvey R.H. The Marcher Shire of Pembroke. - P. 154.

[47] Wylie J.H. Henry the Fourth. - V.II. - L. 1894. - P.2.

[48] Дж.Г.Уайли склоняется к более ранней дате - Ibidem

[49] .Davies R.R. Conquest ... - P. 445.

[50] Turvey R.H. The Marcher Shire of Pembroke. - P. 155.

[51] Davies R.R. Conquest ... - P. 444.

[52] Wylie J.H. Henry the Fourth. - P. 13, 7, 8 etc

[53] Ibidem. - P. 14.

[54] Томас Карью получил назначение в крепость Норбет в декабре 1402 г. Эта крепость была частью владений Мортимера. Опасались, что держатели Норбета последуют примеру Мортимера, тем более, что эта местность и соседняя Кэдрат (Coedrath) в центре англинизированного Пембрука были заселены валлийцами. - Turvey R.H. The Marcher Shire. - P. 157.

[55] Turvey R.H. The Marcher Shire of Pembroke. - P. 157-158.

[56] Turvey R.H. David Perrot: Pembrokeshire Squire the Service of Glyndwr. // Journal of the Pembrokeshire Historical Society. 1991.

[57] О военных действиях в районе Кидвелли см. Morres W.H. Cydwelly and the Glyndwr Revolt // Carmarthen Antiguary. - V.3. 1959 - 1961. - P.4ff.

[58] Foedera: - VIII. - P. 356, 365-368. В Париж для переговоров были отправлены Джон Хэнмер и Граффидд Янг.

[59] Walker D. - Medieval Wales. - P. 173.

[60] Wylie J.H. - P. 294.

[61] Walker D. Medieval Wales. - P. 172.

[62] «men of arms»- эквивалент французскому «hommes d'armes», «gens d'arms» и означает в буквальном переводе кавалерию. См. Коммин Ф. Мемуары. М. 1986. С.440. - Прим.25.

[63] Wylie J.H. - P. 300-301.

[64] Usk. - P. 83.

[65] Davies R.R. Conquest ... - P. 450; Usk. - P. 90.

[66] Davies R.R. Conquest ... - P. 446.

[67] Foedera. - VIII. - P. 356.

[68] Walker D. Medieval Wales. - P. 172.

[69] Foedera. - VIII. - P. 406-407.

[70] Davies R.R. - Conquest ... - P. 446.

[71] Город был отбит англичанами 31 августа 1405 г., но бои за город продолжались. Новый английский комендант Томас Поч попал в плен к валлийцам.

[72] Wylie J.H. - P. 303.

[73] Annales Henrici IV. - P. 415.

[74] Wylie J.H. - P. 311.

[75] Ibidem. - P. 314-315.

[76] Ibidem. - P. 316.

[77] Ibidem. - P. 326.

[78] В апреле 1406 г. умер его отец, и он должен был получить корону, но англичане, ожидая выкупа, держали его в плену последующие два года. Известно, что он находился в Ноттингеме, в замке, вместе с сыном Оуэна еще в феврале 1408 г. - PO. - I. - P. 304. - Note 1.

[79] Walker D. Medieval Wales. - P. 173.

[80] Потери определяются разными источниками по-разному, между 800 и 1000 человек.

[81] Usk. - P. 103.

[82] Annales Henrici IV. - P. 399; HA. - II. - P. 273.

[83] Annales Henrici IV. - P. 399. По другим сведениям он находился в Ноттингемском замке. - PO. - I. 248-250.

[84] HA. - II. - P. 278.

[85] Davies R.R. Conquest ...

[86] Turvey R.H. The Marcher Shire of Pembroke. - P. 165.

[87] В боях за Харлех был тяжело ранен Эдмунд Мортимер. Он умер, вероятно, летом 1409 г. - DNB. - V.XXXIX. - P. 123.

[88] Wylie J.H. - P. 107, 112-113, 205, 206.

[89] Пленные были доставлены в Лондон. Катерина и обе ее дочери умерли в 1413 г. в Тауэре. - Walker D. - P. 174.

[90] «They dyed away, of them then was no more and Wales all became the king his menne». - Hardyng. - P. 369.

[91] SR. - V.II. - P. 159-160.

[92] Валлийское графство Ллайхаден поддерживало Глендуэра до 1409 г. Turvey R.H. The Marcher Shire of Pembroke. - P. 168.

[93] Calendar of the Close Rolls 1409-1413. - P. 15; Foedera. - V.IV. - Part 1. - P. 159.

[94] Walker D. Medieval Wales... P. 174.

[95] Davies R.R. Conqest... P. 444f.

[96] Vickers K.H. England in the Later Middle Ages. P. 344.

[97] Vickers K.H. England... P. 329.

[98] Walker D. Medieval Wales... P. 174.

От редактора. Автор статьи стремиться приблизить перевод онимов из Уэльса на русский язык к правилам вэллийской фонетики. Оправдано ли это, судить читателям.

R. R. Davies
(Oxford)

THE MAKING OF A NATIONAL HERO

Owain Glyn Dwr is not a name which is known much beyond Britain. But within Wales he has been for several centuries a truly national hero. So, two questions immediately suggest themselves: first, who was he and, secondly, how and why did he become a national hero ?

Until 16 September 1400 Owain was, to all intents and purposes, a minor Welsh squire whose fame is unlikely to have extended much further than the circles in which he lived in north-east Wales. But on that day he had himself proclaimed prince of Wales. It was, in a way, an utterly ridiculous act; but in other respects it was deeply significant. It inaugurated a revolt which eventually encompassed almost the whole of Wales. For three years, 1403-1406, the English king and lords had virtually no effective authority, other than a few military garrisons, in any part of the country and it was not until 1409 that the last castle which the Welsh had captured from the English was recovered. Even then Owain himself escaped. He is last heard of - still not having surrendered to the king - in 1415, and it was not until 1420 that his son eventually secured a pardon.

The sheer stamina that Owain and his followers showed in sustaining a revolt for the better part of nine years is in itself remarkable. But Owain's revolt has a much wider significance than that. Take first of all his claim to be prince of Wales. It sounds a ridiculous claim: the English had after all finally conquered the country more than a hundred years earlier (in 1282-1283), had built castles of overpowering strength in north and west Wales, had suppressed any revolts (1287, 1294, 1316) ruthlessly and had bestowed the title of prince of Wales on the eldest son of the king of England. For almost a century - in spite of some scare stories - there had been no revolt in Wales; indeed the Welsh tended to be dismissed by the English as an unreliable band of lightweight people, more interested in ancient prophecies than in current practical realities. Welshmen themselves had increasingly played the role of pliant natives under a colonial regime. In particular, they had served in their thousands in the armies of English kings and lords in Scotland and France and their leaders in these armies had even been knighted for their service. English and Welsh seemed increasingly to be coming to terms with each other.

Such may have been the surface impression; but surface impressions often only serve to conceal deep tensions and festering grievances. Welshmen had many reasons for resentment and those reasons burst to the surface once Glyn Dwr's revolt commenced. They resented being treated as second-class citizens in their own country - excluded from all the major offices of government, not part of the English political nation, and commercially and economically exploited by the privileged English boroughs in Wales and by the greed of an extortionate English ruling class. Not only was there deep resentment in Wales, there was also a profound expectation of political deliverance. It is impossible to understand the success and appeal of Glyn Dwr's revolt unless we locate it in the political mythology of the period - above all in the belief in a Deliverer, a Messiah, who would one day return to throw off yoke of English domination and restore the Welsh to their former glory. Owain Glyn Dwr's credentials for that role were outstanding: he was the direct descendant of two of the major princely families of Wales (Powys and Deheubatrh), and since the third family (that of Gwynedd) had failed in the direct male line in 1378, he could truly claim to be

the legitimate native ruler of Wales. So in that respect to call himself prince of Wales was not, after all, a ridiculous act: it was, as many Welshmen recognized, no more than the genealogical truth. It was no wonder that the Welsh poets greeted Glyn Dwr as 'the sole head of Wales'.

As Owain's revolt grew there were at least two further reasons why he could truly claim to be a national leader. First was the degree of support he and his movement to enjoy. Wales had always been a politically fragmented country. It was part of Owain's achievement that he gave it a temporary political unity. He, and he alone, came to be called 'prince of Wales'; no other rebel leader challenged his authority. By 1404 his support extended to every corner of the country, even to the Anglicised lowland districts of the south-east. He had secured a greater degree of military control of the country than any ruler since at least the eleventh century. He also won support from all social classes in the country - from leading churchmen (including two of the four bishops of Wales) and also from local clergy, from monks and friars, from Welsh students in Oxford and, most strikingly, from the vast majority of Welsh peasants. No doubt many supported Glyn Dwr because they had no alternative once the revolt swept the country. Even so contemporary observers were agreed that the Welsh gave their whole-hearted support to the rebellion; there is no reason to doubt their evidence.

Owain's revolt was a national movement in another crucial sense, in its vision of the future. During the years 1404-1405 the rebel leader and his advisers provided a remarkable outline of their vision of future independent Wales. He concluded a treaty with the king of France and sealed it with his great seal as prince of Wales. He held at least two parliament, indicating that Wales could also develop its own representative institutions. But what above all has captured the imagination of subsequent generations was his plan to free the Welsh church from English domination by setting up a Welsh archbishopric, establishing two universities at which future clergymen could be trained, and insisting that all Welsh clerics should be Welsh-speaking. There was much that was romantic and visionary in this programme. But at least it showed Glyn Dwr as a man who had a remarkable vision for his country; he was not merely pursuing his own personal ambition. Nor was his vision altogether unrealistic at the time: he was able to exploit the deep divisions within England to his own ends and he was also able to persuade the French to launch an expedition to help him.

In the end, however, the odds against him were too great. He and his followers could sustain an effective guerrilla war for a few years; but ultimately they were exhausted by lack of supplies and famine and overwhelmed by the superior power of the English military regime. By 1409, the revolt had been substantially crushed and Owain Glyn Dwr was a hunted outlaw. His movement could ultimately only be regarded as a total failure. Why, therefore, did a man who died an outlaw and whose revolt had so patently been a failure become a hero ? The answer to that question should tell us a great deal about the nature of social memory - for Owain became a hero not only in the history books, but in the oral memory of the people of Wales across the centuries. Indeed the memory of the popular hero is very different from that presented in the history books: that should raise a further question about the relationship between written history and social memory.

Owain's immediate post-humous reputation was not that of a hero, but rather that of anti-hero. The failure of his revolt was seen as the due and proper punishment for treason, especially in the fifteenth and sixteenth centuries when fear of treason was a paranoid condition in western European countries. He was also an anti-hero for another reason: he was held responsible for inflicting an immense amount of damage

on the country. Tudor writers regularly held him responsible for the sad plight of towns and churches in the country. In other words he had acquired some of the reputation of an Attila or a Genghis Khan - a man of terror, remembered for the destruction he had wrought.

It was in the late sixteenth century - some 150 years after his death - that the tide began to turn in his favour. Two reasons in particular help to explain this change of fortune. The first was a negative one. Glyn Dwr's rebellion had led to the issuing of what are called penal laws, that is laws which specifically discriminated against Welshmen and prohibited them from holding office, carrying arms, settling in English towns etc. By the late sixteenth century these penal laws were regarded as an outrageous insult to Welshmen, who had shown themselves as outstandingly loyal subjects of the Tudor kings. They were fiercely attacked, and such attacks began the process of rehabilitating Glyn Dwr's reputation. If the laws issued in response to his revolt were so wicked, then perhaps after all he himself would appear as less of a villain, more of a victim. The tide of reputation was turning. A second reason helped that tide to turn further. By about 1600 Wales and the Welsh were no longer a security threat to the English state; there had been no revolt there for almost two hundred years. The English could, therefore, afford to be more relaxed about the Welsh; Owain Glyn Dwr was one of the beneficiaries of this relaxation. When William Shakespeare came to write his drama about King Henry IV he presented the Welsh leader in a sympathetic light: bombastic and unrealistic, maybe; but brave and sincere. Owain's image was changing; he was well on his way to becoming a national hero.

The image of Glyn Dwr which was established by Shakespeare and his contemporaries remained largely unchanged for almost two centuries. But national heroes atrophy unless their images are regularly recast to suit the aspirations of the present; that is how they rise above time and history and secure a permanent appeal. As far as Owain Glyn Dwr was concerned, his reputation was revived and refashioned on at least two occasions. The first was in the second half of the eighteenth century, when many nations throughout Europe recast and reshaped their past in a mood of romantic mythmaking. Wales had by then ceased to be an effective independent political unit for almost five centuries; if it was to recover its self-respect politically as well as culturally, then it must find a hero whom it could place on a pedestal. Owain Glyn Dwr was now given that role. One man above others was responsible for this act of historical rehabilitation, Thomas Pennant. Pennant was a widely-read and wealthy squire in north-east Wales; but he was also proudly Welsh. He set out to write a short account of Glyn Dwr, drawing not only on the chronicles but also on government records and Welsh poetry. The figure he now presented to the world was very different from the image bequeathed by the Tudor chroniclers and William Shakespeare. He was a warrior of great stamina, a leader of his people or, as Pennant called him, 'our hero unsubdued'. Almost four centuries after his death Owain Glyn Dwr was becoming a true national hero.

The process was completed in the later nineteenth and early twentieth centuries as a wave of nationalism swept across Europe. Wales was not immune from this movement. Indeed it now increasingly asserted its own identity as a country, people and culture quite separate from England. It was during this period that Wales generated its own political movement and established some of the institutions of its national identity - its own university, national museum and national library. This was exactly the world in which Owain Glyn Dwr's claim to be a truly national hero could be vigorously asserted. After all, had he not dreamt of an independent Wales with its own church, university and parliament ? He was clearly the historical hero of the new

Wales. In 1901 A.G.Bradley wrote a biography of him in a series called, significantly, Heroes of the Nations; in 1916 a marble statue of him was unveiled in Cardiff (which was now claiming to be the capital city of the new Wales); and in 1931 the first scholarly biography of him was issued. The author of that biography was J.E.Lloyd, the first and greatest academic historian of Wales. In his conclusion Lloyd remarked that Glyn Dwr could be called 'the father of Welsh nationalism'. So a man who had led an apparently fruitless rebellion and had died as a hunted outlaw over five hundred years ago had now been apotheosized, even in scholarly circles, as a national hero.

The process of historiographical canonisation had been a slow and long one. It had transformed Glyn Dwr from a villain - 'the rebel and sedicious seducer' of Tudor propaganda - into a national hero. The transformation was in part a triumph of scholarship as more information began to be gathered from the archives (especially the national archives of England and France); but, as with all historical revisions, it owed most to changing tastes, attitudes and assumptions. The past is always being reinterpreted to suit the needs and aspirations of the present. As Wales and Welshmen became more assertive of their identity and less deferential towards the English state and its interpretation of the past, so they searched for a hero and a prophet who had foreseen and had fought for their aspirations. Owain Glyn Dwr fitted the bill admirably.

But Owain's post-humous reputation does not end there. Indeed it can be argued that the professional and historiographical rehabilitation of Glyn Dwr only restored to the public domain a reputation which had never been lost in popular, folk memory. In most societies knowledge and memory of the past are not communicated through books, least of all academic books. Rather it is oral stories, tales, epics - often associated with a particular place and a specialized episode - which form the main corpus of social memory. Such a social memory is not concerned with the kind of closely-textured, chronologically correct and analytically-argued view of the past. Rather is it concerned with a past, and with past heroes and villains, who are truly memorable. What makes them memorable, in part at least, is that they are larger than life: ordinary men become merely historic figures once they are dead; they are consigned to oblivion and to the history books. It is only those men and women who enter into a people's imagination and memory - overwhelmingly through stories and myths - who have the capacity to survive the kiss of death. They do so not only because they are larger than life - be it as warriors or saints, magicians or villains - but also because they come to express and embody the aspirations and fears of each new generation. It is that which makes them truly trans-historical.

Owain Glyn Dwr belongs to that small band. It is not easy, of course, to trace the history of heroes in popular opinion across the centuries. Social memory is for the most part oral memory, at least until very recently. But fragments of information make it clear that from early days, indeed from within a generation of his own death, Owain Glyn Dwr had acquired the charisma which is an essential feature of the making of a folk hero. Stories about him abounded throughout Wales; most of them were associated with particular places - caves, forts and roads. In other words he was a national hero whose reputation was firmly localized; in a preindustrial society that is a crucial key to success. Furthermore, the image of him in folk memory was not so much that of a rightful prince or even a national leader with a programme for an independent Wales. Popular memory rarely cherishes abstract and cerebral notions; they are the prerogative of intellectuals and academic historians. Rather was the Owain Glyn Dwr of popular memory a larger than life character: anti-English certainly, but also a fiercesome warrior who outwitted his enemies and had magical qualities to enable him to escape from the most impossible dilemmas. The national heroes who last longest are those who are both cherished by popular memory and also become acceptable within a historiographical tradition. That is exactly the achievement of Owain Glyn Dwr; that is why he enjoys a special status as a national hero in Wales.

К.Р. Кобрин, Е.В. Кузнецов, Т.Г. Минеева

УЭЛЬСКАЯ ГРАНИЦА И НАЧАЛО «ВОЙНЫ РОЗ»

Историографию, обсуждающую социальные основы политического кризиса в Англии второй половины XV в., вероятнее всего, следует начинать с диссертации Кристофера Клова «О причинах английской войны между алой и белой розой»: защита ее прошла в «Королевском философском обществе», Лондон, 1746 г.[1] За два с половиной века накопилась целая библиотека книг, статей, диссертаций, докладов и др. по данной многосложной проблеме. Точка зрения «классической» историографии (XIX в.) при некотором обобщении выглядит так: наиболее развитые экономически и в социальном плане восточные (или юго-восточные) графства симпатизировали «йоркистам», отсталый Север страны и западные графства шли за «ланкастерцами»[2]. «...Линия, делящая Англию в XV в. на Ланкастеров и Йорков, очень близка к той, которая разделяла в XVII в. кавалеров и круглоголовых»[3]. Пришедшая на смену историческому «классицизму» «критическая школа» поколебала ясную и простую схему своих предшественников. На передний план были выдвинуты рассуждения боровшихся политических партий, причем – обеих и в равной мере.[4]

Позднее накопление данных из местных (локальных) источников привело к усложнению картины, признанию большей мозаичности политической карты Англии периода «войны Роз». В 1921 Принстонский университет (США) издал диссертационные материалы Дж. И. Винстона «Английские города в Войнах Роз».[5] Ее автор в своих выводах подчеркивает: «ни одна часть Англии не представляла из себя единого комплекса в борьбе Ланкастеров и Йорков...» По его мнению, изучение локальных (внутри графств, групп графств) конфликтов баронов и их ливрей – единственно возможный путь исследовательской работы, который позволит создать точную карту «войны Роз».

Эта привлекательная, на наш взгляд, идея до сих пор остается нереализованной полностью. Не получила развития и еще более старая мысль У. Стаббса,[6] что «уэльские марчи» были «преданы» герцогу Ричарду Йорку.

Опираясь на данные историографические предпосылки, обратимся к доступным нам фактам...

Социально-политическая ситуация в Англии 40-х гг. XV в. была далеко неспокойной. Под влиянием ряда внутренне-и-внешнеполитических фактов страна шаг за шагом погружалась в пучину политической анархии. Было неспокойно и в Уэльсе. Еще были живы участники восстания Оуэна Глендуэра. В сердцах вольнолюбивых валлийцев надежда на месть оживала по мере нарастания неудач англичан в Столетней войне и укрепления во Франции династии Валуа и ее приверженцев, давних и естественных союзников по борьбе с лондонским правительством. В 1442 г., как свидетельствуют английские источники, там вспыхнул «мятеж» (riot). Инспирировал его некий монах (a monk). Он бродил по северным и южным районам Валлийского полуострова, организуя «сборища» (gatheringe), на которых рассказывал людям легенды и «хроники» (? – исторические предания) и подстрекал их к борьбе с англичанами. 8 октября 1442 г. королевский совет решает возобновить в Уэльсе чрезвычайные законы Эдуарда III. 11 октября лордам валлийской Границы рассылаются приказы срочно явиться в Лондон на совещание с членами королевского совета относительно средств ликвидации мятежа. С целью поимки или убийства

монаха-бунтовщика в горы Уэльса (Северного - ?) направлялись специальные агенты.[7]

Волнения в Уэльсе продолжались и в последующие годы, а это неизбежно приводило к концентрации в уэльских приграничьях и стратегических пунктах на территории самого полуострова значительных отрядов местных английских (англо-валлийских) баронов. Чрезвычайное (военное) положение на землях лордов валлийской Границы привело к концентрации значительного числа ливрейных дружин. Этим и воспользовался опальный герцог Ричард Йорк. Зная, что силы правительства Генриха VI были сконцентрированы в Лондоне и окрест для подавления повстанцев под предводительством Джека Кэда, который, кстати, с симпатией относился к герцогу и причислял себя к роду Мортимеров (валлийский след!), он, покинув место своей ссылки в Ирландии, высадился на британском берегу возле Честера. Ни королевские чиновники этого порта, ни гарнизон г. Шрусбери (во главе с лордом Стенли) не осмелились выступить против. Почему? Только потому, что на соединение с его крошечным отрядом пришли дружины, стоявшие в принадлежащих ему крепостях Границы, и держатели его пограничных маноров. 19 сентября герцогское войско рассеяло у Сент-Олбенса высланный против него заградительный отряд во главе с лордом Гу. На следующий день четырехтысячная дружина йоркистов торжественно вошла в столицу.[8] В тот же день в Вестминстере герцог Йорк предъявил королю «билль», требуя немедленного отстранения от королевского совета и ареста Сомерсета и его сторонников, как лиц, виновных в нарушении законов королевства вообще и тех из них, которые изданы против измены, в особенности.[9]

Не имея сил в этот момент выступить открыто против Йорка, королевское правительство было вынуждено прибегнуть к дипломатическим маневрам. Йорку сообщили, что король предлагает ему передать его обвинительный «билль» на рассмотрение «высокого суда парламента».

Выборы в палату общин назначались на октябрь, начало работы на первые числа ноября 1450 г. Обе стороны использовали передышку для укрепления своих позиций. В октябре в Лондоне появляется Сомерсет, прибывший из Кале[10], неофициальным, а позже (с декабря 1450 г.) и официальным капитаном которого он был на протяжении всех этих лет. В то же время Йорк отправился из столицы в восточные графства, где на совещании в Бэри 16 октября он выработал план совместных действий с Джоном Моубреем, герцогом.[11] И йоркисты, и сторонники существующего правительства не щадили обещаний и угроз, чтобы добиться в графствах избрания в парламент своих сторонников. 6 ноября в Звездной палате Вестминстерского дворца открылась первая сессия вновь избранного парламента. Палата общин в своем подавляющем большинстве признала герцога Йоркского своим вождем, его камергер У.Олдхелл был избран спикером и тут же выступил с обвинением против одного из видных членов ланкастерской партии лорда Грея-де-Ритина в убийстве спикера палаты Трэсхема, снискавшего всеобщее уважение своей настойчивостью во время процесса против Сеффолка[12]. Вокруг этого вопроса между приверженцами различных партий завязалась жестокая словесная дуэль, затянувшаяся на много дней.

Между тем, обстановка в Лондоне и его окрестностях накалялась с каждым днем, все новые и новые вооруженные отряды как йоркистских, так и ланкастерских баронов подходили сюда. Между их членами то и дело вспыхивали кровавые стычками. Волновались и народные низы: шайки

мятежных солдат, «вооруженные мечами и секирами», среди белого дня появлялись на центральных улицах города, отказываясь подчиняться распоряжениям городских властей. 7 ноября заключенные в Ньюгейтскую тюрьму участники летнего восстания подняли мятеж, и лишь после четырехчасового кровопролитного боя вооруженные отряды мэра и олдерменов подавили его.[13] Чрезвычайные меры – запрещение носить оружие в стенах Лондона и обсуждать «дела парламента» и «лордов» – способствовали еще большему озлоблению населения. В ночь на 1 декабря в Лондоне вспыхнуло стихийное восстание, в рядах которого объединились горожане,[14] солдаты[15] и слуги лордов[16]. Резиденция Сомерсета была взята восставшими приступом, сам Сомерсет едва не был убит, но спасся на подоспевшем к нему на помощь судне йоркиста графа Девоншира[17].

Разграбив дворец Сомерсета, толпа напала на дома других лордов из королевского окружения (Гастингса, Гу, Туденхема). Народное восстание, несмотря на всю его неорганизованность, напугало и йоркистов и ланкастерцев. Была издана прокламация, грозившая смертной казнью каждому, кто посмеет ограбить другого человека. Йорк с вооруженным отрядом рассеял толпы горожан. Одного из предполагаемых зачинщиков мятежа было приказано для устрашения народа обезглавить на эшафоте в Чипсайде. Но этого показалось мало. 3 декабря король, Йорк и другие лорды со своими вооруженными до зубов ливреями продефилировали по городу, являя готовность силой оружия подавить возможное возникнуть в городе движение.[18] Факт со всей очевидностью показывает, что герцог Йорк, который не прочь бы использовать к своей выгоде оппозиционные настроения английских «общин», не был действительным вождем народного движения. Наоборот, интересы выступавших в его составе социальных сил были ему глубоко чужды.

Восстание в Лондоне и все еще продолжавшееся брожение в графствах ослабили напор йоркистов на правительство, произошло краткое замирение враждующих группировок. Распустив 18 декабря парламент, они совместно организовали карательные экспедиции в районы летнего восстания. И герцог Йорк, возглавив следственные трибуналы в Кенте, беспощадно снимал головы с активных участников кэдовского восстания, написавших его имя на своих знаменах. 29 казней за несколько дней января – такова «жатва голов» (harvest of heads) «защитника бедных общин Англии».

30 января 1451 г. прерванный парламент возобновляет свою работу. Единогласно – голосами йоркистов и сторонников Сомерсета – был принят «Act of Attainder» против Джека Кэда.[19]

Отмежевавшись этим от «бунтовщиков неблагородного происхождения», йоркисты начали новую атаку на правительство Генриха VI. В феврале палата общин вотировала билль, требовавший отстранения тридцати наиболее влиятельных ланкастерцев, включая Сомерсета, от королевского совета на срок жизни и лишения всех должностей, имевшихся у них до 1 декабря 1450 г.[20] Король, опираясь на поддержку большинства в палате лордов, упорно отказывался утвердить билль и, наконец, на год устранив из совета лорда Дэдли и аббата Глостера, распустил парламент на пасхальные каникулы.

После пасхальных каникул, йоркисты попытались взять реванш за неудачу на предыдущей с сессии. В мае Томас Юнг, член палаты общин Бристоля, заявил, что «поскольку король до сих пор не имеет наследника, будет удобно для королевства, чтобы он открыто назвал, кто будет его наследник-соправитель и предложил герцога Йорка.[21] Палата поддержала большинством это

предложение Юнга. В ответ король распустил парламент и бросил Юнга в Тауэр.[22] Таким образом, «мирное сражение», длившееся 7 месяцев, закончилось поражением Йорка. Разорвав намечавшийся контакт с народным движением, он, несмотря на то, что его все еще и после неудачных декабрьских-январских маневров поддерживало большинство Палаты общин, был бессилен перед лицом сплоченного фронта ланкастерцев, опиравшихся на большинство пэров и единство королевского совета. Ему не удалось не только настоять на принятии своих биллей, но и помешать роспуску парламента. И случай с Томасом Юнгом имеет только то историческое значение, что он впервые отчетливо показал те далеко идущие цели, которые преследовал Йорк и его сторонники, и в то же время обнаружил, что условия их осуществления еще не созрели.

Лето 1451 г. явилось временем, когда противоречия внутри английского магнатства значительно углубились. К неослабевающему антагонизму между королевским советом и йоркистами, стремившимися взять реванш за парламентские неудачи весной 1451 г., прибавились новые конфликты на западе и севере. В графствах западной Англии (Девоншир, Сомерсет) многолетняя вражда между двумя крупнейшими местными магнатами – лордом Бонвилем и графом Девонширом – вновь вылилась в вооруженный конфликт. Разбив отряд Бонвиля, граф осадил своего соперника в крепости Таунтон. Герцог Йорк, лорды Герберт и Молейнс были посланы туда королем для прекращения усобиц. Бонвиль и граф приняли посредничество Йорка, и осада была снята. Но не успела затихнуть феодальная война на западе, как с новой силой она вспыхнула на севере в Йоркшире. В августе – Томас Невил, сын графа Солсбери, справлял свадьбу с племянницей лорда Кромвеля в Тэтерсхолле (Линкольншир), и после свадьбы во время поездки свадебного поезда, произошла вооруженная стычка между Томасом Перси, лордом Егремонтом, и свитой Невила около Йорка. «Это было началом величайших ужасов в Англии», - пишет Вустер в своих «Анналах».[23]

Последнее замечание автора хроники совершенно справедливо – феодальная война между могущественными северными домами Невилей и Перси с этого дня не прекращалась в течение многих лет. Кроме того, стычка между одним из ближайших родственников Йорка и верным союзником Сомерсета подлила масла в огонь взаимной вражды.

Попытка короля на совете в Ковентри склонить враждебные стороны к компромиссному соглашению сорвалась.[24] После совета Йорк удаляется в уэльское пограничье, где в крепости Ладлоу собирает силы, решив вооруженным путем разрешить спор с Сомерсетом о власти. Вместе с ним к походу на Лондон готовятся герцог Норфолк, графы Солсбери и Девоншир, лорды Кобхэм, Куртней, Брук. Поход начался в первых числах февраля 1452 г. Войско выступило из Ладлоу к Шрусбери.

В те же дни Йорк направил петицию королю, обосновывая необходимость своего вооруженного выступления, и письмо к жителям Шрусбери с призывом присоединиться к нему.[25] Эти два документа, подобно аналогичным источникам по восстанию Кэда, являются программой движения. По сравнению с «Жалобами общин Кента» или «Требованиями капитана Великого собрания Кента» она бедна содержанием, так как отражает узкие интересы кучки главарей феодального путча, и этой бедности не может прикрыть та изрядная доля популистской демагогии, к которой прибегают ее составители. Прежде всего декларируется, что герцог «верный вассал его величества», и если король думает иначе, то тому виной «неправильная информация его (герцога) врагов,

которые окружают короля», но он готов поклясться в присутствии лордов, что «до своего смертного дня» будет «верно и честно» служить «благу короля и королевства» («Петиция»). Затем указывается, что в королевстве существуют нарушения законов и «особенно тех, которые издавались против измены», что вызывает в стране «большое недовольство». Поэтому лица, «виновные в подобных нарушениях, должны быть арестованы и помещены в Тауэр без выдачи их на поруки вплоть до судебного разбирательства» («Петиция»). Кто же эти лица? На это вопрос ясно отвечает письмо жителям Шрусбери. Здесь Сомерсет обвиняется в потере Нормандии, Гиени, Гаскони, в том, что он мешает претворению в жизнь определенных «предложений» герцога, направленных к благу «общин», и, наконец, в том, что он «правит вместо короля» («Письмо»). Чтобы устранить этого «изменника и преступника» от короля и самому осуществить указанные предложения, Йорк и поднял оружие. Итак, замена Сомерсета и его друзей в королевском совете своей персоной и союзниками – такова цель этого типично феодального путча.

Интересным является обращение за поддержкой к горожанам Шрусбери и, вообще, «общинам» королевства. Очевидно, йоркисты уже стали осознавать ошибочность совей позиции зимой прошлого года, когда они подавляли народное движение, лившее воду на их мельницу.

Но если город Шрусбери открыл герцогу свои ворота и дал ему некоторое подкрепление людьми и деньгами, то прием лондонцев оказался по меньшей мере холодным. После того, как герцог счастливо избежал встречи с превосходящими силами короля и Сомерсета, направившимися навстречу ему, и, двигаясь затяжными маршами по проселочным дорогам, подошел к Лондону, ворота города оказались закрытыми перед его уставшими и нуждавшимися в отдыхе солдатами. Йорк перевел войска через Кингстонский мост и направился в Кент, где думал найти поддержку со стороны местного дворянства, но, замечает хронист, «кентцы не поддержали герцога». И в то время как войска герцога расположились в Дартфорде, королевские войска, пройдя через Лондон и Лондонский мост, оказались перед ними на другой стороне реки Дарент в Блеккизе. Герцогу ничего не оставалось, как вступить в переговоры с королем, пользуясь посредничеством так и не примкнувших к нему со своими отрядами друзей – графов Солсбери и Уорвика, а также епископа Винчестера. Завязавшаяся в это время между ним и королем переписка, приведенная Стоу в его «Анналах»,[26] не может дать нам ничего нового для понимания характера движения по сравнению с разобранными выше двумя документами. Те же упреки злонамеренных лиц из окружения короля в стремлении отстранить Йорка от совета, в нарушении законов королевства, потери Нормандии и т.д., указание на разорение «народа» и требование наказания виновных и, прежде всего, ареста Сомерсета. В конце концов, получив мало обязывающие заверения, что Сомерсет будет заключен под стражу и, видя, что люди Кента и других мест не пришли к нему на помощь... и что «его военные силы слабее королевских», Йорк распустил свое войско и явился на аудиенцию к королю в его лагерь. Здесь он был тотчас арестован по требованию Сомерсета и отправлен под стражей в Тауэр. И лишь появление 10-тысячного отряда валлийцев «во главе с графом Марчем, его сыном» под стенами Лондона[27] вернуло ему свободу, а, возможно, и сохранило жизнь. После того как 10 марта в присутствии всех лордов страны он дал торжественную клятву королю никогда впредь не поднимать оружия без его разрешения, ему было позволено удалиться в почетную ссылку в его уэльскую

крепость Вигмор.[28] Так закончилось провалом и второе выступление йоркистов против находящейся у власти ланкастерского правительства.

Новое обострение политического кризиса началось во второй половине 1453 года. Провал организованной Сомерсетом военной экспедиции в Гиень, значительное увеличение налогов парламентом 1453 г., расширение баронских войн в графствах (особенно войны между Перси и Невилами на севере)[29] и, наконец, тяжелая болезнь короля, поставившая на повестку дня вопрос о назначении протектора королевства – вот те конкретные причины, которые позволили йоркистам предпринять новую атаку.

В начале ноября 1453 г., в то время как в Лондоне проходил «большой совет» знати, центральным вопросом которого был вопрос о регентстве[30], вооруженные отряды Йорка и его союзников, сформированные преимущественно из бойцов валлийской Границы, вступили в окрестности города. Опираясь на них, йоркисты произвели государственный переворот: собравшиеся на сессию депутаты парламента были возвращены домой, Сомерсет посажен в Тауэр, а герцог Йорк получил протекторские полномочия.[31] В течение ближайших месяцев все важнейшие государственные посты также оказались в руках его сторонников.

«Мирный» ноябрьский переворот 1453 г. открывает собой цикл усобиц между враждующими партиями, растянувшийся на четыре с лишним года. Борьба шла переменным успехом. Дважды – ноябрь 1453 – конец 1454 года и октябрь 1455 – февраль 1456 года – герцог Йорк становиться протектором Англии, и дважды ланкастерцам удавалось вытеснить его из правительства. Как и в предшествующие годы, борьба йоркистов и сторонников правящей династии тесно сплетались с войнами между Перси и Невилами на севере[32], Куртнеями и Бонвилями на западе[33] и многими другими менее заметными и значительными локальными распрями.

Кульминационным моментом на данном этапе явилась битва при Сент-Олбенсе. Она произошла 22 мая 1455 года между войсками Генриха VI и Сомерсета – с одной стороны, Йорка, Уорвика и Солсбери – с другой. Большинство солдат Йорка принадлежало «пограничникам» Уэльса. Общая численность сражавшихся немногим превышало 5000 человек[34]. В получасовом бою йоркисты обратили в бегство вражескую армию. Сомерсет и 24 других лорда, защищавших знамена ланкастерской династии, остались на поле боя. Раненый король попал в плен[35]. По установившейся традиции этот незначительный по своим масштабам военный эпизод считается началом «войны Роз»[36].

Но такая датировка вряд ли правильна. Сражение у Сент-Олбенси не внесло ничего качественно нового в развернувшуюся задолго до него борьбу. Уже дважды – сентябрь 1450 г. и февраль 1452 г. – герцог Йорк пытался вооруженной рукой проложить себе дорогу к власти. Лозунг отстранения Сомерсета и его сторонников от королевского совета был выдвинут им впервые в 1450, а не в 1455 г. Как и в 1455 г., в 1450 г. и в 1452 г. противодействие короля и возможность вооруженного конфликта с его армией не испугали руководство йоркистской партии. И если герцогу Йорку до сих пор не удавалось устроить массовой резни своих врагов, то это не его вина.

Не были значительны и исторические последствия битвы при Сент-Олбенсе. Вопрос о смене династии даже не ставился, а свое господство в центральном государственном аппарате победители сумели сохранить лишь в течение семи месяцев. Сын убитого при Сент-Олбенсе Эдмунда молодой герцог

Генрих Сомерсет и супруга короля Маргарита, действовавшая от имени родившегося наследника престола, к концу 1453 г. вновь овладели властью. Победе обновленной ланкастерской партии способствовала неудачная политика герцога Йорка: «раздвоение среди знати, бурные споры и мятежные попытки к восстанию общин»[37]. Французы грабили южные берега королевства, а шотландцы – северные графства[38]. 24 марта 1458 г. совет знати признал убитых в Сент-Олбенсе, включая герцога Сомерсета, «истинными и верными» вассалами короля. На их противников налагались штрафы (В частности, Йорк должен был заплатить вдове соперника 5000 марок).[39] Йоркисты взялись за оружие.

В апреле 1458 г. Йорк начал сбор войск в традиционном месте – в крепости Ладлоу. Королевский двор собирал своих сторонников в центре страны, в Лейстере. Ланкастерские командиры оказались расторопнее и сумели создать необходимый перевес в силах.

Оттесненные быстро надвинувшимися на них королевскими войсками к западным границам, йоркисты не могли рассчитывать на пополнение своих сил. Чтобы вызвать раскол в рядах врагов, король объявил амнистию всем, кто в шестидневный срок сложит оружие. Из йоркистских отрядов началось массовое дезертирство. Отряд наемных солдат из Кале, возглавляемый капитаном Андреем Троллопом, в полном составе перешел на сторону короля. Измена наиболее боеспособной части решила исход дела. С небольшой свитой Йорк бежал через Уэльс в Ирландию. Графы Солсбери, Уорвик, Марч скрылись в Кале.

Победа королевских войск была полной. Ворвавшись в Ладлоу, напившиеся победители учинили жестокий разгром города, грабя дома, насилуя женщин, надругались над церквями. Город, по словам современников, был разорен «до голых стен»[40]. Основная база йоркистов на землях Границы была ликвидирована.

Стремясь развить свой успех, ланкастерцы поспешили собрать «представительный парламент», составленный из приверженцев и слуг лордов победившей партии. На его сессии, открывшейся 20 ноября в Ковентри, были обвинены в государственной измене Йорк, вся семья Невилей и 17 других наиболее видных и богатых членов йоркистской партии[41]. Парламентский акт обвинения послужил сигналом во всех графствах к массовой конфискации имущества и земли осужденных. Проводя эту меру в жизнь, ланкастерцы надеялись подорвать экономическую базу оппозиции в стране и навсегда лишить ее возможности продолжать борьбу. Приняв клятву верности сыну Генриха VI, общины и пэры разъехались 20 декабря на рождественские праздники[42]. Королевский двор остановился в Лейстере, своей излюбленной резиденции. Хотя враги были изгнаны из пределов Англии, их имения захвачены, а многие йоркисты пришли к королю «в одних рубашках с веревками на руках», прося милости, борьба далеко еще не была окончена…

События 1459 –1461 гг. – тема отдельного исследования. Сейчас для нас важно подчеркнуть главное, что подсказывают рассмотренные исторические факты: уэльская Граница была в этот период главной опорой йоркистской партии. Она давала герцогу Йорку материальные ресурсы и вооруженную силу многочисленных, воинственных дружин. Противостояние шло по линии: столичный регион Ланкастеров и земли Йорков и его сторонников в уэльском приграничье. Если угодно: Лондон – Ладлоу. К концу рассматриваемого времени стало ясно, что силами одной валлийской Границы ланкастерскую партию не

победить. Необходимо было расширить социальную поддержку, увеличить воинские ресурсы. Это непростая задача была решена «йоркистом № 2» – Ричардом Невилем, графом Уорвиком.

---

[1] Clove Ch.De causis belli Anglicani inter rosam rubrum et albam. Историки XVII в. ф.Бэкон, W.Habington, G.Buc таких вопросов не ставили.
[2] Stubbs W. The Constitutional History of England. V.III.P.180-181.
[3] Roger Th. History of Agriculture and prices …V.IV.P.18.
[4] Сошлемся на такие популярные работы, как Oman Ch. History of England. 1377 – 1485 // The Political History of England. Ed. W. Huntand R.L. Poole V.IV. L. 1918. P. 353,354 etc; Vickers K. H. England in the Later Middle Ages. L. 1954 (7 th ed). P. 434, 438 etc
[5] Winston J. E. The English Towns in the Wars of Roses … P. 67, 72 etc.
[6] The Const. History. V. III. P. 180-81.
[7] PO. v.V.P.213, 223 etc.
[8] WW. P. 769; Stow. P. 648.
[9] PL. No. 114.
[10] WW. P. 762.
[11] PL. No 112.
[12] Rotuli Parliamentorum. v. V. P. 212-13.
[13] Bale. P. 135-36.
[14] Vitellius. P. 167.
[15] Six Town Chronicles. Ox. 1912. P. 106.
[16] Bale. P. 137; Fabyan. P. 626.
[17] WW. P. 769.
[18] Vitellius. P. 162
[19] Rotuli… v.V. P. 224.
[20] Ibid. P. 216-17.
[21] WW. P. 770.
[22] Ibid.
[23] Ibid.
[24] Ibid.
[25] Ch WR. P. 39-40.
[26] Stow. P. 648.
[27] Davies. P. 70.
[28] Stow. P. 649-52.
[29] Vitelius. P. 163.
[30] Stow. P. 653.
[31] PO. v.VI. P. 130-63.
[32] Ibid. P. 163-64.
[33] PL. Nos. 191,195.
[34] Fabyan. P. 631-32.
[35] PL. No. 257; Vitellius. P. 167.
[36] PL. No.208.
[37] Stow. P. 664.
[38] Подробнее о политических событиях 1455 –58 гг. см.: Кузнецов Е.В. Борьба группировок партий в Англии в пятидесятые годы XV в. Политическая программа Ланкастерской партии. // Ученые записки Горьковского университета. 1959. Вып. XVI.
[39] Whethamsted J. Registrum. v.I. Rerum Britannicarum medii aevi scriptores. L. 1858. P. 387-8.
[40] Gregory. P. 204-5.
[41] Ibid. P. 207.
[42] Davies. P. 83.

Е.В. Кузнецов, В.В.Лукоянов, В.Б.Романовская

О ВЛИЯНИИ ЛОЛЛАРДОВ НА РЕВОЛЮЦИОННЫЕ СОБЫТИЯ 1450-1451 гг.

Томас Гэскойн[1], размышляя о причинах «кэдовского» восстания, подобно Дж. Виклифу за семь десятилетий до него, обвинял в случившемся клир: коррумпированность его верхушки, безразличие священников к «народной проповеди» и т.п. Эта антикатолическая, «реформационная» позиция оказалась отвергнутой позднейшей историографией - вероятно, благодаря энергичному возражению Г. Крина, автора первого специального (монографического) исследования о восстании[2]. Крин, однако, знал далеко не все факты, характеризующие движение лоллардов в XV в.: многие из них вошли в научный оборот после выхода в свет его книги. Задача данной работы воспроизвести в системном изложении эти факты и попытаться показать их связь с кровавыми событиями 1450-1451 гг.

Не существует до сих пор общепринятой периодизации движения лоллардов конца XIV-XV столетия. Г.В. Лехлеру, автору первой научной биографии Виклифа, она представляется так: первый этап до смерти Виклифа (1384 г.); второй - от смерти евангелического доктора до захвата трона Генрихом Ланкастером (1385-1399); третий - с момента воцарения Ланкастерской династии до гибели Джона Олдкасла (1399-1417); последний, четвертый - с 1417 до начала тюдоровской реформации[3]. Наивысшего подъема движение достигло в 1385-1399 гг. Число приверженцев учения Виклифа быстро росло. Сознание своей силы позволило лоллардам активно бороться во имя того, чтобы «провести в жизнь задуманные ими религиозно-политические реформы». В следующий промежуток времени - 1399-1417 гг. - лолларды оказались вынужденными перейти к обороне под ударами двух объединившихся сил - церкви и государственной власти. Неудача восстания Д. Олдкасла и репрессии, обрушившиеся на головы его единомышленников в 1417-1431 гг., загнали виклифитов в подполье. Из церковно-политической партии они выродились в «обычную секту», которая полностью отказывается от «политическо-национальной деятельности». Еретики были повергнуты окончательно к 1431 г., когда церковь и государство сочли возможным приостановить гонения[4].

Два периода в антикатолическом движении конца XIV-XV вв. различает Г.М.Тревельян. Рубеж между ними - 1399 г., когда по его мнению, сходит с политической арены первое поколение лоллардов и кончается «век Виклифа». Две даты выделяются Тревельяном в его книге, как особо значительные - 1395 г. [5]. и 1414 г. Петицию, адресованную в январе 1395 г. парламенту, он считает высшей точкой движения[6], а заговор 1414 г., когда были разгромлены соратники Олдкасла, мыслится им как конец политической активности еретиков.

Суждения Тревельяна получили широкое признание. Оценка 1395, как года, поворотного в истории лоллардизма, встречается на страницах двухтомника Г.Б. Уоркмена[7]. К.Г. Викерс в своем популярном сочинении «Англия в позднее средневековье», которому посчастливилось, начиная с 1913 г., выдержать семь изданий, вслед за своим маститым предшественником утверждает, что движение виклифитов потеряло свою «жизненную силу» после провала Олдкасла[8].

«Ересь росла до 1428 г.» На этом тезисе вопреки Тревельяну и его сторонникам настаивал Дж. Гайрднер. Однако, подобно Лехлеру, этот британский историк относил финал политической борьбы лоллардов к 1431 году[9]. Первым против взглядов Лехлера-Гайрднера выступил В.Г. Грин. Изучая деятельность епископа Пикока, он пришел к заключению об активной деятельности виклифитов вплоть до 1450 г.[10] Однако свои наблюдения Вивьен Грин не подтвердил сколько-нибудь надежной аргументацией.

Концепция Грина была поддержана М.Е. Эстон: в небольшой ее статье «Лоллардизм и бунт» удачно обрисованы события 1431 г. и показаны их весьма значительные масштабы[11].

Еще один удар по теории политической смерти лоллардов на рубеже третьего и четвертого десятилетий нанес преподаватель истории университета в Глазго Джон Э.Ф. Томсон. В своей книге «Поздние лолларды, 1414-1450»[12] он ввел в научный оборот добытые им в архивах епископских судов XV в. данные, которые позволяют воссоздать картину довольно интенсивной деятельности, в том числе и политической, еретиков в 30-е гг. XV в. и позднее. Заслуживает внимания его тезис о возможном влиянии религиозных распрей на восстание 1450 г.[13] К сожалению Дж.Э.Ф. Томсон не развил это положение. Более того, сконцентрировав основное внимание на изложении «религиозных доктрин», он стремится преуменьшить социально-политическое «революционное» значение позднего виклифизма. «Коммунистические» и пацифистские идеи, высказываемые некоторыми из бедных священников, он считает случайными[14]. Хотя лолларды (после 1431 г. - Е.К.) еще были широко распространены, они были более озадачены теперь самосохранением, чем революцией, скорее признавали существующие церковные богослужения, чтобы избегнуть разоблачения, чем распространяли билли против них»[15].

Новозеландский историк Г.Г.В.Паркер делит еретическое движение на три этапа. Первый - 1381-1415 гг. - характеризуются союзом «бедных проповедников с Оксфордским университетом». Во второй период (1415-1431 гг.) лоллардизм потерял свою интеллектуальную силу, но сохранил политическую активность. После 1431 г. « ... ни интеллектуальное первенство, ни политические стремления не играли определяющей роли в движении. Лоллардизм ушел в подполье, как вероучение неграмотных и полуграмотных мирян[16].

Е.В. Кузнецов отметил сходство лозунгов «второго капитана» Кента Уильяма Парминтера и той части руководителей тайлеровских войск, которые избрали выразителем своих надежд мэдстоунского узника Джона Болла. И в 1381 г., и в 1450 г. отдельные вожаки повстанцев стремились покончить с социальным злом путем коренного перераспределения всей совокупности народного богатства. Отторгнув у феодалов их земельные владения и движимое имущество, они намеревались «to hold all thinges in common»[17].

В данной работе делается попытка обосновать тезис, что революционный лоллардизм дожил до 1450 г. и оказал значительное влияние на участников «бунтов» и «мятежей», происходивших в Англии того времени.

Прежде чем говорить о влиянии лоллардов на повстанцев 1450-1451 гг., нужно доказать существование их общин в основном районе революционных событий на юго-востоке Англии. Публикации архивов королевской канцелярии, летописи и, в особенности, те факты, которые собрал на страницах епископских манускриптов Дж.Э.Ф. Томсон, неоспоримо свидетельствуют об устойчивости влияния лоллардов в этом районе. Судебные преследования проходили в Лондоне на протяжении третьего-пятого десятилетий XV в.: в 1433 г. епископские

судьи занимались делом переписчика Томаса Стевенса; в 1438 г. жертвой церковного суда оказался садовник Джон Бимер; в 1440 г. - Ричард Вич, проповедовавший тогда в окрестностях английской столицы; в 1448 г. погиб на костре еретик, имя которого осталось неизвестным; в 1452 г. к ответу был привлечен Эндрю Тай, профессиональная принадлежность которого не установлена[18]. В Кенте, не взирая на ожесточение репрессии 1428 г., в 30-50 гг. ересь удерживалась в Тентердене (судебные разбирательства имели здесь место в 1438, 1440, 1452 гг.), в Крэнбруке (судебные процессы 1428, 1446, 1450, 1452, 1456 гг.), в Бенендене (1428, 1456 гг.), в Хэлдене (1428, 1456 гг.), Ролвендене (1428, 1456 гг.), в Мердене (1452), Бренчли (1431, 1450), Уиттерсхеме (1431, 1452), Уэст Мэллинге (1431, 1452), Эппелдоре (1440, 1450, 1456 гг.) и др. (всего 20 населенных пунктов)[19].

Доказательством того, что лоллардизм укоренился здесь довольно прочно, являются многочисленные судебные процессы, происходившие в Лондоне и Кенте в конце XV- начале XVI вв. На страницах епископских «registers» в то время фигурируют более полусотни лондонцев[20], тридцать девять уроженцев юго-западной части Кента: в первую очередь Тентердена, а также Тонбриджа, Степлхерста, Уэст-Мэллинга и др.[21]

Устойчивое влияние сохраняли еретики во второй половине XV столетия в южном Бекингемшире (Чилтернские холмы)[22], а также в Беркшире: местности Уокингхем, Йст-Хэндред, Стевентон этого графства упоминались в протоколах епископских судов 1431 г. и конце XV века[23]. Своеобразный рекорд «выносливости» установили лолларды Одихема - на северо-востоке Гемпшира. Первое упоминание о виклифизме в этом местечке относится к 1382 г., однако еще в 1514 г. последователи евангелического доктора продолжали там свою проповедь[24].

Было бы недостаточно ограничиться констатацией факта существования групп лоллардов в Лондоне и Кенте. Следует остановиться на социальной принадлежности судимых проповедников и их прозелитов. Все привлекавшиеся на юго-востоке страны и в других областях были «простыми,» по терминологии тех лет, людьми за малым исключением. В число «исключений» может быть включен «магистр свободных искусств» Джон Бернард[25], обвиненный в ереси в 30 гг. XV в. в Оксфорде. Клириками с «высшим образованием» были судившиеся в Лондоне Ролф Мэнджин (1428) и Ричард Вич (1440). Кроме того, летом 1431 г. королевский совет слушал дело братьев Чейни, подозревавшихся в пособничестве Джеку Шэрпу. Поскольку никаких репрессий не последовало, следует полагать, что обвинения не подтвердились[26]. Наконец, во главе повстанцев 1438 г. в Кенте оказался рыцарь Конвей[27]. Больше ни одного феодала, ни одного высокопоставленного интеллигента или сановника.

Следовательно, «светская партия», как нередко называет своих идейных противников защитник католицизма Реджиналд Пикок, к середине XV в. стала социально-однородной. Общественные силы, поддерживавшие учение «бедных священников» во вторую четверть XV столетия, существенно отличались от тех, которые шли за ними в начале века. За десять лет, истекших со времени неудавшегося заговора Джона Олдкасла, классовая база движения значительно изменилась. Его знамена покинули представители имущих классов: джентри, состоятельные горожане, представители наиболее образованных групп клира. Это обстоятельство было подмечено уже средневековыми хронистами. Д.Стоу называет лоллардов тех лет «certaine light persones».

Естественно, что изменение социальной базы движения не смогло не отразиться на идейных позициях бедных проповедников. Рядом с умеренной программой, созданной Виклифом и его секретарем Джоном Пэрви, мы в эти годы встречаем значительно более радикальные лозунги, грозящие уничтожением не только католической церкви, но и всему зданию феодального строя. В 20-е гг. несколько видных проповедников ереси оказались обвиненными в пропаганде идеи обобществления собственности. Речь идет о ректоре церкви в Брэйбруке (Нортгемптоншир) Роберте Хуке[28], одном из организаторов заговора 1413-14 гг., Томасе Дрейтоне, ректоре из Дрейтон Бьючемп (Бекингемшир)[29], а также об оксфордском ученике знаменитого Питера Пэйна - Ролфе Мэнджине[30]. Последний - « a notorious heretic», по определению судей архиепископа Чайчила - утверждал: « ... omnia bona essent communia et ... nulli liceret habere proprietatem aliquorum».[31]

Тем самым возможно говорить о возрождении болловских идей среди лоллардов третьего десятилетия XV столетия. Взгляды Мэнджина, Хука, Дрейтона нашли последователей среди заговорщиков 1431 г. Наряду с программой Пэрви, посвященной частичной секуляризации церковных земель, широко обсуждались более радикальные проекты общественного переустройства. И Джек Шэрп из Вигморленда, действовавший в Беркшире, и руководитель столичных лоллардов Рассел угрожали клиру физическим уничтожением. Рассел и его единомышленники призывали также к истреблению светской знати[32], собираясь сделать из числа своих единомышленников «новых лордов, герцогов, графов и баронов»[33]. Подобные намерения были присущи также «мятежникам» из Фернхема (Серри), расправа над которыми была учинена королевскими чиновниками в 1440 г.[34] Их руководители Уильям Айриш, капеллан, и ткач Эдем Миллуорд (Millward) призывали к убийству короля, экспроприации церковного имущества, сожжению икон. В свете этих данных генетическая связь взглядов Парминтера, Пэндера, Клипсхема и других вождей повстанческих отрядов 1450-51 гг., о которых писалось в статье Кузнецова «Из истории крестьянских движений XV века»,[35] с платформой крайних лоллардов выглядит очевидной.

Один из руководителей повстанцев в Сессексе ректор из Селси Уильям Пэндер прямо указывал на целесообразность передачи власти в руки «еретиков и лоллардов», как необходимом условии ликвидации частнособственнических отношений[36]. На связь ереси с революционным движением в Эссексе указывает королевский приказ от 14 февраля 1451 г.[37] Гибель Парминтера не привела к немедленному прекращению движения в Кенте. Те вспышки восстания, которые имели место в 1452 г. в Мэрдене и Крэнбруке, в 1456 г. в том же Крэнбруке, а также в Ролвенден, Уодхерсте носят еще более яркий отпечаток лоллардистской идеологии. Повстанцы намеревались лишить епископов всего имущества, кроме кафедр и свечей для освещения их книг, истребить всех представителей высшего клира (плюралистов) и кастрировать всех других священников[38].

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что в списке наиболее мятежных поселений осенью 1450 г. и в последующие годы фигурируют Эппелдор, Тентерден, Крэнбрук, жители которых поднимались на борьбу против церкви и государства за 10-15 лет до этого. Одно из выступлений имело место в июне 1438 г. Местом сбора повстанцев оказались окрестности Мэдстоуна. Однако, движение оказалось быстро подавленным. Немногим больше чем через неделю после начала восстания, 13 июня, повстанцев рассеял карательный отряд, немалое их число попало в плен[39]. Головы пяти казненных были

отправлены с поля сражения на Лондонский мост, в Кентербери и другие места Кента, чтобы «внушить людям страх»[40]. Какая-то часть участников восстания оказалась в тюрьмах Ньюгейт (Лондон) и Маршалси (Саусворк)[41]. Пять казненных являлись уроженцами Тентердена[42]. Летописцы характеризуют их, как еретиков и нарушителей королевского мира[43]. Одновременно с Кентом происходили волнения в Кембриджшире. К сожалению, никакими сведениями о развитии здесь событий, о местности, где они происходили, историческая наука не располагает. Лишь в двух строках письма из королевской канцелярии аббату монастыря св.Эдмунда[44], расположенного в Сеффолке близ границ графства Кембридж, сообщается, что выступления лоллардов происходят неподалеку от Бэри-Сент-Эдмундс, и предлагается принять необходимые меры по предотвращению дальнейшего расширения движения. Немаловажная деталь: мятежные действия еретиков в Кембриджшире связывались чиновниками короля с кентским восстанием. Новая попытка поднять мятеж имела место в Кенте весной 1440 г. Тогда казнили некоего Алена Элиса (Alan Elys). Его голова оказалась выставленной на шесте в Тентердене, а четверти тела «украсили» собой улицы Крэнбрука и Эппелдора. Это служит указанием на местности, откуда собирались волонтеры под знамя мятежа [45]. Они те же, как и два года назад, причем все три населенных пункта, особенно Тентерден, являлись зоной активных действий сеятелей еретических «плевелов».

Примерно в то же время образовался другой очаг восстания опять-таки в старом лоллардистском центре Фернхеме (Серри). Некоторые повстанцы (risers) были подвергнуты смертной казни: повешены и сожжены[46].

Территориальная и хронологическая близость этих выступлений с революционным движением 1450-51 гг. не может быть оценена, как случайное совпадение.

В событиях, развернувшихся летом 1450 г. на территории Уилтшира, также можно обнаружить отзвуки борьбы лоллардов с католической церковью. Здесь жертвой народного гнева оказались епископ Солсбери Уильям Эскью, монастырь в Эдингтоне и только. Никаких выступлений против королевской администрации источниками не отмечено. Расправа над епископом произошла в Эдингтоне 14 июня. Его схватили в церкви во время мессы, выволокли на ближайший холм и обезглавили[47]. Толпой руководил мясник из Солсбери[48] - одного из наиболее старых очагов лоллардизма. Богатства, принадлежащие Эскью, оказались разграбленными. Вот так описывает хроника Грегори этот дележ: « ... Его движимое имущество было роздано каждому человеку, жившему там, где какая-либо часть его имущества находилась, как-то – его быки, овцы, лошади, свиньи, телеги, плуги, зерно, сено, древесина, солома, украшения из его замков, его одежда, книги, церковная утварь и все то, что относилось к нему каким-то образом. И даже свинец, который покрывал его дома, и дерево были свезены в некоторые места, как Шерборн в Дорсетшире, и люди, которые совершали это самоуправство, когда поняли то зло, которое они сделали как ему, так и особенно королю, тотчас прошли через все село Шерборн и велели каждому мужчине, женщине и ребенку в селении, который достиг 12 лет и трижды исполнял домашнюю работу, взять каждому по 6 шиллингов (из имущества епископа) и они заставили их поклясться быть верными и держаться всем вместе»[49]. Далее в летописи содержится указание на то, что подобный раздел епископского имущества имел место и в других местах с той целью, «чтобы если король пожелал бы наложить наказание за это (преступление), он

должен был бы наложить его на все графства и округа, где было имущество (епископа)[50].

А о том, что раздел в Шерборне проводили сторонники лоллардов, достаточно ясно показывает письмо епископа Бата и Уилса Томаса Бекингтона Эдмунду, герцогу Сомерсету, написанное 18 апреля 1447 г., немногим более как за три года до гибели его соседа по епархии. Письмо содержит жалобу на держателей Шерборна и Лэнгпорта, которые « ... не живут по законам святой церкви, осмелились совершать церковные таинства без какого-либо священника или клирика (without any prest or clerc presume to do sacraments of the cherche), не пожелали позволить их куратору, который властью данной ему богом и мной имеет заботу об их душах, ни вести церковную службу, ни выполнять какое-либо из таинств церкви». Слуги епископа, пытавшиеся силой принудить крестьян к соблюдению церковных порядков, потерпели неудачу. «Никто из них не осмеливается больше приходить туда из-за страха потерять жизнь.» Епископ квалифицирует происходящие здесь события как «крупнейшие и в высшей степени тяжелые, открытое неповиновение и мятеж»[51]. И хотя в тексте письма Бекингтона слово «лоллард» не встречается, его содержание ясно свидетельствует о том, что нарушители законов римской церкви являлись их единомышленниками. Толпа эдингтонских жителей, расправившаяся с солсберийским епископом, мотивировала свой поступок вполне в духе тех идейных противников римских прелатов, с которыми в эти годы полемизировал Р.Пикок: « этот человек находился всегда при короле и никогда не жил в своем диоцезе с нами, не выполнял пастырских обязанностей, поэтому он будет убит»[52]. Кстати, в 1449 г., за год до характеризуемых событий, Пикок с тревогой писал о «многих из светской партии», которые «несправедливо и жестоко преследуют и позорят клир и всех других их соседей из мирян ...»[53]

Нельзя не указать на некоторые события, связанные с казнью Вича. Ричард Вич, в прошлом соратник Олдкасла[54], последний из оставшихся в живых образованных лоллардов, в последние годы жизни занимал различные приходы на юго-востоке страны, в частности, в Дептфорде (Кент)[55], а позднее в Гермедсуорт (Миддлсекс). Осужденный церковным судом лондонского епископства, как нераскаявшийся еретик, он был передан городским властям, которые сожгли его вместе с учеником Рожером Норманом[56] «в одной бочке»[57] на холме Тауэра летом 1440 г.[58] Один из современных хронистов отмечает, что Вич взошел на костер как подобает «доброму христианину»[59].

Место казни стало объектом паломничества: «мужчины и женщины из Лондона» в огромном множестве (in maxime multitudine) приходили туда[60].

Кто были эти мужчины и женщины ? «Многие из его секты» (manye of his secte)[61] , «люди его мнения»[62], но не только они. На месте костра была насыпана груда камней, на ней был водружен крест[63] , совершались жертвоприношения[64], брали в качестве амулетов угли и пепел[65]. Подобные формы поклонения совершенно недопустимы для истого лолларда. Очевидно, в те тяжелые для Англии годы моральный авторитет проповедников ереси был велик и среди массы людей, оставшихся верными католической конфессии. Не догматика, а этические и социальные стороны их учения привлекали умы и сердца лондонцев и жителей окрестных районов.

Летописцы сходятся в одном: посетители тауэрского костра были «низшие люди»[66], «общинники»[67] и «неученые люди»[68]. Понадобились аресты паломников и круглосуточная охрана тауэрского холма, чтобы «умиротворить» то «большое волнение среди людей», которое вызвала казнь Р.Вича[69].

Приведенные здесь данные позволяют говорить, что концепцию о политической смерти лоллардизма вскоре после 1414 г. или в 1431 г. следует отбросить и продолжить дальнейшее исследование деятельности еретиков во вторую четверть XV в. Существуют, следовательно, основания для пересмотра периодизации движения лоллардов.

Политическая история виклифитов после событий, связанных с революционным кризисом 1381 г., может быть разделена на три периода: первый из них охватывает почти тридцатилетний промежуток времени (1382-1409); второй имеет продолжительность в сорок с лишним лет (1410-1450); а третий включает в себя шестьдесят последних лет XV столетия и первое двадцатилетие XVI века, предшествовавшие началу общеевропейской реформации. Такая схема, на наш взгляд, точнее, чем те, которые предлагали Г.В.Лехлер, Г.М.Тревельян, Дж.Гайрднер или Г.В.Паркер.

Первый период характеризуется неуклонным расширением влияния виклифизма и стремлением руководителей движения достичь желаемой цели мирными средствами - так, как учил их евангелический доктор. 1410-1450 гг. - время борьбы лоллардов против церкви и правящей монархии за осуществление своих идеалов. Среди целой цепи организованных ими заговоров и мятежей два - 1413-1414 гг., руководимый Д.Олдкаслом, и Джека Шерпа из Вигморленда 1431 г. - явились наиболее опасными для английских прелатов и ланкастерской династии. Именно названные, неудавшиеся восстания, а не обращение к парламенту 1395 г., как это думают Г.В.Лехлер и Г.М.Тревельян, следует, по нашему мнению, считать кульминационными моментами движения. Толпа эдингтонских горожан (1450 г.) и повстанческие отряды Кента (1450-1452 гг.) были последние «из могикан» революционного лоллардизма. Приверженцами «бедных священников» становятся во второй половине XV столетия люди, которые безропотно переносят страдания на грешной земле, терпеливо ожидая награды в потустороннем мире. Лолларды третьего периода - секта, глухой стеной огораживающая своих прозелитов от кипучей повседневности социальной жизни. Численность сектантских общин этого времени резко уменьшилась по сравнению с предшествовавшими годами.

---

[1] Некоторое, неполное представление о концепции Гэскойна дает издание: Gascoigne Th. Loci e libro veritatum. Passages selected from Gascoigne's Theological Distionary illustrating the condition of Church and State. 1403-1458. Ed. by J.E. Th.Rogers. Ox.1881.

[2] Kriehn G. The English Rising of 1450. Strassburg. 1892. P. 28

[3] Lechler G.V. Johann von Wiclif und Vorgeschichte der Reformation. B. II. Leipzig. 1873. S. 107, 302.

[4] Ibid. S. 107, 302, 313.

[5] «This is high-water mark of Lollardy.».

[6] Подобную же оценку событиям 1395 г. дал Лехлер (S. 107).

[7] Workman H.B. John Wiclif. A Study of the English Medieval Church. Ox. 1906. v.II. P.401.

[8] Vickers K.H. England in the Later Middle Ages.

[9] Gairdner J. Lollardy and the Reformation in England. v.I. L.1908. P.161.

[10] Влияние лоллардов сохранилось к этому времени только среди бедноты. V.H.Green. Bishop Reginald Pecock. A Study in the Ecclesiastical History and Thought. Cam. 1945. P. 99.

[11] Aston M.E. Lollardy and Sedition. 1381-1431. - Past and Present. V. XVI. 1960 (April).

[12] Thomson J.A.F. The Later Lollards. 1414-1520. Ox. 1965. Фрагментом книги является статья Томсона «A Lollard Rising in Kent: 1431, or 1438 ? »// Bulletin of the Institute of Historical Research. V.XXXVII. No.25. 1964 (May).

[13] A Lollard Rising ... P. 101.

[14] The Later Lollards ... P. 249.

[15] Ibid. P.19. На с.58 Томсон подчеркивает, что лолларды «... retained political attachments and aspiration until 1431».

[16] Parker G.H.W. The Morning Star. Wycliffe and the Dawn of the Reformation. The Paternoster Church History. V.III. Exeter. 1965. P. 58, 169 etc.

[17] Кузнецов Е.В. Из истории классовой борьбы английского крестьянства в XV в. / Средние века. Вып.30. М.1967. С.246-47.

[18] CCR. 1435-41. P.181; CCR. 1447-54. P.346; Brut.P. 472; ChL. P. 135; ThFCh. P.66.

[19] Данные о судебных преследованиях в Кенте взяты в хрониках: Gregory (p.181), Brut (p.173). См.также CCR. 1435-41. P. 313.

[20] Томсон не смог установить точную дату процесса. - The Later Lollards ... P. 62.

[21] GrCh. P. 290.

[22] Summers V.H. The Lollards of the Chiltern Hills. Glimpses of English Dissent in the Middle Ages. L. 1906. P. 1238.

[23] CCR. 1435-41. P.181; CCR. 1447-54. P.346; Brut.P. 472; ChL. P. 135; ThFCh. P.66.

[24] В 1514 г. семь человек публичным покаянием спасли себе жизнь.

[25] GrCh. P. 90.

[26] Stacey J. John Wyclif and Reform. L. 1964. P. 136.

[27] CPR. 1436-41. P. 398.

[28] Суд происходил в мае-июне 1425 г. - Chichele. V.III.P.108, 109, 111 etc.

[29] Ibid. P.106-107.

[30] Мэнджина судили в конце ноября 1428 г. - Ib. P.195f.

[31] Ibid. P.197, 203 etc.

[32] По словам Стоу, Рассел был казнен именно за то, что собирался «делать герцогов и графов по своему усмотрению» (Stow. P.610).

[33] Gregory. P. 172: « ... wolde have made newe lordys, dukes, erlas and barons aftyr hys entente and opinion».

[34] О том, что в 1440 г. чиновники Генриха VI схватили «risers of ppernam of Sotherey» сообщает одна из анонимных хроник Лондона - Vitellius. P. 154.

[35] Средние века. Вып. 30.

[36] CPR. 1448-52. P. 470.

[37] Томсон сообщает, что о ереси упоминают ряд документов в «Public Record Office (Ancient Indictments, file 268, nos.19, 22 etc.).

[38] Thomson J.A.F. The Later Lollards ... P. 182.

[39] Brut. P. 472.

[40] Gregory. P. 181.

[41] CCR. 1435-41. P. 147-48.

[42] Brut. P. 472.

[43] . Gregory. P. 181; Brut. P. 472.

[44] Письмо опубликовано в 1830 г. в «Archaeologia» (V.XXIII. P.339 f). Точную его дату установил Томсон (A Lollard Rising ... P. 101).

[45] CCR. 1435-41. P. 313.

[46] Vitellius. P. 154.

[47] Восстание в Англии 1450-1451 гг. ... Пер. и ред. Е.В.Кузнецова. Горький. 1969. С. 45.

[48] Заметим, что в мае 1431 г. улицы Солсбери уже были свидетелями антикатолического выступления еретиков.

[49] Восстание ... С. 46.

[50] Расчет оказался верным: « ... Король даровал общее помилование всем таким людям». - Там же. С. 46

[51] Bekynton. V.II. P. 340-41

[52] Peacock R. The Repressor of Overmuch Blaming of the Clergy. Ed. G.Babington. L. 1860. V.I. P.XVU note 2.

[53] Ibid. P.5 : « ... manie of the lay partie ... unjustly und over myche wijten and blamen the clergie and alle her othere neizbouris of the lay side ...»

[54] Известно о переписке Вича с Яном Гусом. Предположено, что он редактировал латинский язык писем Олдкасла, обращенных к великому чеху. - Waugh W.T. Sir John Oldcastle // EHR. V.XX (1905). P.441-42.

[55] Brut. P. 475.

[56] Р.Норман был рожден в Нормандии, в семье еретиков. - Brut. P.475; Vitellius. P. 153.

[57] Brut. P. 475.

[58] Вич казнен в семь утра, но в какой день - 17 июня (ThFCh. P.101), 26 июня (Vitellius. P. 153), 2 августа (ChL. P. 125) ?

[59] Brut. P. 508: « ... he died a gode christen man».

[60] ThFCh. P. 101.

[61] ChL. P. 125.

[62] Vitellius. P. 153.

[63] Brut. P. 508.

[64] ChL. P. 125 : «... offred of the same place»; Vitellius. P. 153 : « ... made ... the grete offerings ...»

[65] Stow. P. 622.

[66] Vitellius. P. 154.

[67] Stow J. Summary of the Chronicles of England. L. 1570. Fol. 272. Сравни : Gregory. P. 183; Vitellius. P. 154.

[68] GrCh. P. 174-5. Хронист подчеркивает, что особенно много среди посетителей было женщин.

[69] ChL. P. 125; GrCh. P. 175.

Л.В.Софронова, И.Н.Осиновский, Е.В.Кузнецов

КОЛЕТ И ЛОЛЛАРДЫ

Джон Колет (1467-1519) занимал высокие посты в католической церковной иерархии, но это не мешало ему критически, порой резко критически, относиться к различным церковным институтам. Проблема - и весьма непростая - состоит в том, как оценить критические выражения английского гуманиста, чем измерить его критицизм. Была высказана мысль о связи декана собора Св.Павла с лоллардами[1], движение которых в начале XVI в. переживало некоторый подъем. Однако большинство специалистов придерживается иной точки зрения: Колет принадлежал к существовавшему в рамках католической ортодоксии течению «спиритуалов» - духовных подвижников, стремившихся облагородить распущенные нравы современных им церковных иерархов, вернуть моральный ригоризм раннехристианских священнослужителей позднесредневековым генерациям. Иначе: кто такой Колет? Католик-спиритуал? Или писатель-проповедник, зараженный ересью?

Попробуем найти ответ в источниках. К их числу относятся не только собственные творения Колета, но и факты, сообщенные его знаменитым биографом Эразмом Роттердамским. По словам Эразма, Колет «с осуждением относился ко всеобщему ... поклонению образам в храмах - нарисованным на холсте, деревянным, каменным, бронзовым, золотым, серебряным»[2]. Ярче всего эта позиция Колета выявилась во время его совместного с Эразмом паломничества в Кентербери, к гробнице Св.Фомы Бекета. Путешествие было описано Эразмом в диалоге «Паломничество». Колет выведен автором под именем Грациана Пулла и характеризуется им как «человек образованный и благочестивый, но слишком мало приверженный к этой стороне религии»[3]. Он не скрывал отвращения к предлагаемым для лобызания «святыням» - костям с кровавым еще мясом, платку, хранившему «следы от пота» и т.п. Богато украшенный драгоценными камнями алтарь Св.Фомы вызвал у гуманиста возмущение, так как это было еще одно свидетельство забвения католической церковью традиций раннехристианских общин с их простотой и нестяжательством. Он предложил раздать все эти богатства нуждающимся в куске хлеба, ибо только так можно продолжить благодеяния святого, коими он славился при жизни. Грациан Пулл мотивировал свое предложение следующим образом: «Если святейший муж отличался таким милосердием еще тогда, когда был беден и сам, когда и самому не из чего было покрыть и утолить неотложные нужды, неужели теперь, когда он так богат и ни в чем не знает нужды, он не закроет глаза на то, что какая-нибудь бедная женщина, оставившая дома своих голодных детей, или девиц на выданье, но без приданого, а потому рискующих своим целомудрием, или больной муж, лишенный всякой поддержки, могли ... бы взять хотя бы малую долю великих богатств для выживания своей семьи, пусть это был бы дар или ссуда ?» Не дождавшись ответа от монаха, гуманист сделал это сам: «Святейший муж был бы только обрадован, что даже будучи мертвым, облегчает тяжелую долю бедняков ...» Эразм поддержал своего друга: «К чему столько купелей, столько подсвечников, столько золотых изваяний? К чему бешеные расходы на органы? ... К чему это блеяние струн, за которое приходится столько платить, меж тем как братья и сестры наши, живые храмы Христовы, чахнут от голода и равнодушия ближних? » Гуманист опять ссылается

на раннехристианские традиции: «Ведь в книгах написано, что некогда хвалили тех епископов, которые продавали священные сосуды, а деньги раздавали беднякам.» Эразм подчеркивает, что Грациан Пулл отказался принести обычные для паломников пожертвования. Некий священник из уважения к знатным паломникам поднес «в подарок ... «реликвии»: полотняные лоскутья со следами слизи ... Этими лоскутьями Св.Фома утирал пот с лица и шеи. « Однако Колет в негодовании отверг «подарок». Не оценил он и магического «башмака» святого епископа[4]. Эразм также замечает, что некоторые места из его проповедей отвергали поклонение мощам[5].

Колет не ограничивался критикой внешних признаков католической обрядности. Он выступает против таких форм церковного богопочитания как таинство исповеди и (частично) причастия. Церковное поклонение, по мнению Колета, не освобождает от греха. Должно быть внутреннее раскаяние и индивидуальное, без посторонних, примирение с Богом. Он замечает, что «сам Христос» уклонялся от исповеди в церкви.

Декан-гуманист снижает сакральность причастия, так как в отличие от католических теологов он отрицает пресуществление - полное превращение в результате мистических действий священных хлеба - в тело, а вина - в кровь Иисуса Христа. Он склоняется к фигуральной и даже аллегорической сути этого важнейшего для истинного католика обрядового действа. например, тело Христово присутствует в причастной облатке, но в форме хлеба[6].

В своих богословских трактатах и лекциях Колет игнорирует вопрос о чистилище - после святых таинств важнейший обрядовый догмат, специфический для католицизма. Своеобразно написано «Завещание Колета». Здесь нет слов о святых, деве Марии ... Он не оставил денег на поминальные мессы[7]. Судя по завещанию, гуманист отнюдь не горячий поклонник бессмертия души. На фоне отрицательных подходов к католическому культу бросается в глаза выпячивание Колетом новозаветных истин, необходимости чтения «подлинных» священных текстов на родном языке как средства спасения души. Он перевел на английский «Pater Noster», включенный в 1549 г. в «Книгу общих молитв» (Common Prayer Book) главой англиканской церкви Томасом Кранмером[8]. Известны также переводы Колета Катехизиса, Символа веры, отрывков из Матфеева Евангелия, Посланий ... Как отметил Грефтон, выражая существовавшее в середине XVI столетия общественное мнение, Колет «был первым, кто ... объяснял людям Символ веры, заповеди Всемогущего Бога и Lord's Prayer на английском языке; из-за этого у него были конфликты с епископом и капитулом ...»[9]

Характеризуя религиозно-социальные воззрения Колета, следует особое внимание обратить на его проповедь перед собором английского духовенства в 1512 г.

Согласно замыслу организаторов церковного собрания выступление Колета посвящалось критике возрождавшейся ереси лоллардов и должно было подготовить участников к принятию решительных мер против еретиков. Настоятель собора Св.Павла, однако, не оправдал ожиданий. Речь его не содержала опровержений взглядов противников католической церкви ... В ней речь шла совсем о другом.

В проповеди Колет выделяет два вида ереси: первый - ошибочные учения, второй - дурной, порочный образ жизни. Из них последний - «наихудший и более опасный». Первая часть проповеди посвящена анализу состояния католической церкви начала XVI в., многие представители которой стали такими «еретиками».

Положение дел в церкви оратор определил как «подчинение ее миру сему» (слова апостола Павла). Последний называл словом «мир» светский образ жизни, который настоятель-гуманист обобщает в четырех грехах - дьявольская гордыня, плотская похоть, стяжательство и светские занятия, ибо замечает Колет, «как сказал апостол Иоанн, «все, что в мире - похоть плоти, похоть очей и гордыня житейская». Эти грехи сейчас царят и в церкви, и среди ее служителей. Касаясь первого порока, поразившего церковь, гордыни и тщеславия духовенства, Колет восклицает: «Как велика в наши дни спесь и жажда сана у церковнослужителей! Как бегут они, задыхаясь, с одного бенефиция на другой, с меньшего на больший, с низшего на высший! Кто не видит этого? Кто, видя это, не скорбит?» Второй грех церкви - плотская похоть, из-за которой священники отдаются праздникам и пирам, проводят время в пустой болтовне, тратят свои силы на забавы и развлечения, находя себе применение на охоте и в торговле, отдавая себя, таким образом, темноте этого мира»[10].

Здесь следует заметить, что позиция Колета по этому вопросу выходила за рамки средневекового аскетизма. Трудно назвать соответствовавшими канону высказывания Колета о том, что «он никогда не находил более безупречных нравов, чем среди людей женатых; так как естественная привязанность к семье, забота о домочадцах ограждают их от поспешного увлечения всевозможными гнусностями»[11]. Осуждая развращенность духовенства, его связи с обитательницами публичных домов, сожительство священников с прихожанками, Колет пытался осмыслить проблему с гуманистических позиций. По словам Эразма, «хотя сам он жил в совершенном целомудрии, однако из всех нарушителей менее всего он был строг к тем, будь они священниками или монахами, чьим единственным поступком была невоздержанность». Более тяжким, по мнению гуманиста, был порок высокомерия, или зависти, клеветничества, лицемерия, невежества или честолюбия. «Жадность и спесь, - говорил он - более отвратительны в священнике, чем содержание сотни наложниц»[12]. Жадность, стяжательство - третий грех, поразивший церковь, наиболее запущенный. «О жадность! - восклицает Колет, - апостол Павел называл тебя воротами всякого греха. От тебя идет это нагромождение бенефиция на бенефиций ... От тебя все поиски дарений, жертвоприношений, выплат за помин души ... О жадность! От тебя произошли эти позорные «визитации» епископов, от тебя - продажность церковных дворов, эти каждый день новые поборы, ... распущенность духовных лиц. О стяжательство! Мать всякого зла! От тебя - это усердное изучение уставов с целью расширить свою юрисдикцию, от тебя - эти безрассудные и бешеные споры духовных орденов, от тебя - извращение Писания, от тебя - незаконные конфискации ..., от тебя ... сохранение тех законов, которые прославляют любые барыши ...» Короче говоря, «... вся продажность, вся порочность церкви, вся подчиненность миру происходят от жадности священников»[13]. По мнению реформатора, «для священника недостаточно произнести молитву, ответить на вопросы, разобраться в софизме. Много больше значит хорошая чистая, святая жизнь, глубокое знание Св.Писания, понимание таинств ... и прежде всего главное - любовь к Богу и благочестивая жизнь»[14]. Этими словами Колет выдвигает на первый план нравственный критерий, затушевывая мистическое значение таинства священства.

«Хотя ни один человек не одобрял христианской набожности более горячо, чем он, - писал о Колете Эразм - он имел весьма малое расположение к монастырям, не заслуживавшим своего названия ... Подарки, которые он

жертвовал им, были минимальные, даже умирая, он не оставил им ни доли своей собственности ... Причина была не в том, что он не любил религиозных орденов, а в том, что их члены не отвечали своему званию». Уставы духовных братств и образ жизни его членов вызывали критику Колета, и в биографии гуманиста приводится его высказывание о том, что «спать и просыпаться и снова засыпать по звуку колокола, говорить и переставать говорить, приходить и уходить, есть и воздерживаться от еды, короче, делать все по человеческому установлению, а не образцу, данному Христом, - это жизнь идиотов, а не верующих людей»[15]. Вместе с тем в творческом наследии гуманиста мы не найдем выступлений против института папства. По словам Эразма, к авторитету папы Колет прибегает, дабы защитить свою школу от нападок лондонского епископа, и, что вероятно, найти в лице Юлия II защитника гуманистической культуры[16]. По этой же причине тезис Лютера о верховенстве светской власти над духовной вряд ли мог быть принят Колетом. В данном случае речь идет не о защите гуманистом догмата о непогрешимости папы и о божественной природе его полномочий в отношении вселенской церкви. В идее реформы церкви Колета интересовали не политические устремления, не догматы (их он, по словам Эразма, иногда нарушал)[17].В сохранении вселенской католической церкви гуманист видел гарантию единства христианского мира, преодоление религиозных войн и раскола.

Достаточно хорошо известен пацифизм декана собора Св.Павла. Пацифистские воззрения Колета проявляются в контексте решения общей проблемы добра и зла, допустимости применения насилия ради достижения благородных целей. На примере анализа Послания апостола Павла к Римлянам гуманист доказывает, что война и насилие противоречат сути христианской веры, которая понималась Колетом как учение о Любви. Вызвать любовь злом, распространить учение Христа с помощью войны невозможно. Пацифистские идеи Колета приобрели острое социальное звучание в связи с антивоенными выступлениями декана собора Св.Павла накануне военных действий с Францией в 1513 г. Понятие «воин Христа» не имеет ничего общего с реальными воинами, а обозначает человека, находящегося в состоянии войны с окружающим миром, т.е. строящего свою жизнь, уподобляясь Христу. Оружием «воина Христа», его кинжалом должна стать «философия Христа»[18].

Известно также, что Колет высказывался положительно об идее обобществления материальных ценностей. Общество, где всеми вещами владеют сообща (in common), занимало его мысли[19]. Являлись ли эти умствования результатом изучения новозаветных текстов («Деяния святых апостолов») или для них была иная, территориально и хронологически более близкая среда ?

Попробуем сопоставить изложенные здесь идеи Колета с обличительной речью Томаса Гэскойна, адресованной «Оксфордскому университету». Подчеркнем, что Т.Гэскойн[20], несомненно, крупнейший представитель католических «спиритуалов» XV в. Обращаясь к коллегам, ригористически настроенный доктор теологии обличает семь «потоков» греха, изливающихся из «Вавилона» на современную церковь: «недостойное и скандальное рукоположение и назначение на должности епископов, ректоров, официалов и других членов католической иерархии; отсутствие «доброго наставника» для людей, нуждающихся в таком наставнике, т.е. отсутствие достойных священников на местах, что лишало «плюралиста» возможности вести эффективную духовную работу с мирянами (3); аппроприация (присвоение) или

(другими словами) аннексия церквей (с их доходами) и десятин теми, кто не имеет непосредственной заботы о прихожанах (4); злоупотребления (читай-взятки) при отпущении грехов (5); продажа индульгенций (6); злоупотребления (взятки) при разрешении браков между близкими родственниками (7)[21]. Известно также, что Гэскойн прохладно относился к монашеской жизни[22] и откровенно признавал факты нарушения духовенством «целибата»[23]. Но он резко отмежевывался от «виклифитской ереси», отрицавшей «чудеса святых»[24].

Об идеях проповедников-спиритуалов XIV столетия, являвшихся предшественниками и единомышленниками достойного Томаса Гэскойна, написано немало. Признанием, в частности, пользуется обширная монография Дж.Р. Оуста «Литература и проповедь в средневековой Англии»[25]. Трудно спорить с Оустом, когда он утверждает, что Виклиф, Ленгленд, Болл и др. немало позаимствовали у церковных проповедников в критическом подходе к окружающей жизни, в образности языка и др., но ни одна из проанализированных Дж. Оустом проповедей не выходит по своему содержанию за рамки обличения дурных иерархов и их преступной церковной практики, содержащихся у Гэскойна. Аналогичные разоблачительные материалы можно найти среди «поэм» и «стихов» известного издания Т.Райта. В частности, во втором томе сборника Райта можно найти обличительные стихи в адрес епископа Бута. Это анонимное сочинение озаглавлено лаконично «On Bishop Boothe»[26]. Содержание стихотворения, написанного на рубеже 40-50 гг. XV в., сводится к резкой критике прелата за симонию и бытовые взятки, за пренебрежение своими пастырскими обязанностями и т.п. Подчеркивается низкий уровень интеллекта Бута. Недостойный епископ Честерской епархии Уильям Бут был известен и Т.Гэскойну[27]. Последний заостряет внимание на том, что Бут совсем не знал канонического права, «не имел ученой степени» ...[28] Однако ни у Гэскойна, ни у анонимного стихотворца при всем обилии обличительных слов нет ни одной «реформационной идеи», свойственной «писаниям» и «речениям» великого Колета. Их критицизм нашел в Колете достойного продолжателя, но в отличие от его суждений они не поднимали голоса против католического культа, чистилища, учения римских теологов о таинствах. Никаких социальных идей - об имущественной общности, о мире, о проповеди новозаветного идеала мирянам у них нет и в помине ...

Параллели колетовским идеям мы находим у лоллардов - широкого народно-еретического движения, возникшего в Англии в последней трети XIV в. и еще не умерщвленному церковными и государственными репрессиями к тому времени, когда в социально-культурную жизнь своей страны включился Колет. Действительно, Виклиф первым в Англии в своем знаменитом труде «De civili dominio» (70 гг. XIV в.) обосновывал совершенство общественных отношений, отказавшихся от частной собственности. Эта концепция получила распространение среди наиболее радикально мыслящих лоллардов. Католик Томас Оклив (Hoccleve), писавший во втором десятилетии XV в., обвинял их: «Yoe seyd eache: « ... goodes commune oughten be», т.е. «Вы говорили каждому: «имущество должно быть общим»[29].

Имущественно-уравнительные идеи лоллардов повлияли на некоторые группы участников «кэдовского» восстания в 1450 и последующих годов[30].

Пацифистские идеи также свойственны многим сочинениям лоллардов. В известном анонимном трактате «О семи смертных грехах» (конец XIV в.) можно прочесть: «Werres and feghtynges ben now unleveful ...», « ... men schulden not now feght ...»[31] О несовместимости войны, «человекоубийства» с христианством

говорит один из ближайших учеников Виклифа Джон Пэрви и проповедник из Бристоля Томас Бикенор в 1443 г.[32] « ... Ни при каких условиях война не является законной ни между христианами, ни между христианами и язычниками»[33]. Джон Пэрви, завершивший перевод Библии на английский примерно в 1395 г. - предшественник Колета по переводческой деятельности. Что касается необходимости нести христианское учение верующим англичанам на родном для них языке - то это общее место всех рассуждений лоллардов - письменных и устных. Их англоязычная литература весьма обширна. «Бедные» проповедники были предшественниками Виклифа в отрицании католической обрядности, в том числе - икон, святых мест, реликвий, индульгенций и пр.[34] Среди поздних лоллардов известен некто Виллис, которого считают первым из последователей Виклифа, кто обосновал отрицательное отношение к учению о чистилище. Джона Виллиса, ткача по профессии, судили в 1469 г.[35] Исповедь и причащение как таинства отрицались многими из английских еретиков, хотя разброс оценок атрибутов причастия - хлеба и вина - весьма велик. Многие из суждений бедных проповедников заметно радикальнее, чем у декана собора Св.Павла.

Конечно, различные проповедники (их группы, течения) обладали и распространяли некоторые взгляды, которые не встречаются в известных сочинениях Колета. В первую очередь, у декана собора Св.Павла отсутствует революционный пафос: лолларды не просто «академически» или «теоретически» отрицают, критикуют нечто в римско-католической системе, они требуют решительного (революционного) слома церковной структуры. Они убеждены, что католицизм будет «с помощью божьей» повержен, т.е. ликвидирована иерархия, «белая» и монашеская, прекратится почитание икон, не будет роскошных церковных зданий, колокольного звона, мессы, паломничеств к святым местам и т.д. Главное: не будет церковных десятин. Произойдет секуляризация церковных имуществ: движимых и недвижимых. В итоге - восстановится древняя евангельская церковь. Напрашивается фраза: Колет - все-таки не лоллард. Да, не лоллард, но ... Не пряча различий, необходимо с полной определенностью подчеркнуть близость лоллардистской антицерковной идеологии и взглядов Колета. Возможно, если бы фиксация мыслей Колета была бы более полной и точной[36] , предполагаемая близость стала бы еще очевидней. Да и цели лоллардов и Колета в принципе совпадали: воссоздание древней христианской церкви. Правда, Колет в отличие от еретиков и в соответствии с общегуманистическими тенденциями своего времени стремился решить реформаторские преобразования в рамках католической церковной структуры, не уничтожая ее. Его вера в возможность «упрощения» и евангелизации католической церкви опиралась на учение «отцов церкви». Их доктринальные положения были под пером Колета средством обороны от революционной агрессивности лоллардов.

В развитии общественной мысли у Колета существует не только ретроспектива. «Перспективным» является вопрос о связи идей английского гуманиста и Лютера. Ответ должен быть не сближающим, а отграничивающим. Учение Колета об «общности собственности» кардинально отличает его от германского реформатора, как, впрочем, от У.Цвингли или Ж.Кальвина. В этом важном вопросе Колет соединяется, даже не с академическими рассуждениями об общественном идеале Виклифа, а с «живой» проповедью радикальных лоллардов XV ст. Итог получается таким: рафинированный философский гуманизм на неоплатонической основе сочетался причудливо у декана собора

Св. Павла с нонконформистскими идеями еретиков, искусственно, но не искусно приспосабливаемого к потребностям и ощущениям сохранившегося духовного крыла католического клира с помощью скрупулезной реанимации текстов Нового Завета и наиболее ригористичных комментариев к ним «отцов церкви». Плюрализм взглядов Колета - не эклектика, а синтез оригинального и смелого ума.

Часто пишут, что Колет был «учителем жизни» Томаса Мора[37]. Не трудно предположить, что среди идей, циркулировавших в их беседах, была и концепция «общности имуществ» как альтернативная и спасительная для сотен тысяч людей, повергаемых в бездну нужды и нищеты стихией развивавшегося рынка. И далеко необязательно вести корни этой концепции исключительно к философии античной Греции. Рядом, в Англии, уже свыше ста лет бедные священники интерпретировали соответствующие позиции трудов Джона Виклифа, пытаясь привязать их к конкретной общественной динамике современной им Англии - уже далеко не «старой доброй Англии». Связать ученую доктрину с живыми картинами наблюдаемой действительности (в частности - с народным движением 1497 г., известным как «корнуолльское восстание»[38]? и попытался автор гениальной «Утопии».

---

[1] Например, Eston M. Lollards and Reformers. Images and Literary in Late Medieval Religion.L.,1984 . P. 214

[2] Биография английского гуманиста содержится в письме Эразма Юстасу Йонасу (1521 г.). См.: Opus epistolarum. Des. Erasmi Roterodami. Oxonii. 1906-1952. T.IV. P.521.

[3] Эразм Роттердамский. Разговоры запросто./ Пер.с лат. С.П.Маркина./ М., 1969. С. 356.

[4] Эразм Роттердамский. Цит. соч. С. 358; 360, 362 и др.

[5] Opus ... T.IV. P. 525.

[6] См. Софронова Л.В. Просветительская деятельность Джона Колета и его роль в гуманистическом движении Англии накануне Реформации (конец XV - начало XVI вв.). М.1992. С.176 и след.

[7] Coleti Testamentum. // Knight S. The Life of John Colet. L.1823. P. 401 ff. Отказ от заупокойных месс - косвенное свидетельство отказа от платежей в пользу церкви («церковной десятины»).

[8] Daniel W. Codex Liturgicus ecclesiae universae in epitomen redactus. T.III. Lipsae. 1851. P. 318.

[9] Grafton's Chronicle, or History of England. Ed.H.Ellis. L.1807. V.II. P.955.

[10] Oratio habita ad clerum in Convocatione // Lupton д.н. A life of John Colet. L.1967. P. 653.

[11] Opus ... T.IV. P. 520.

[12] Ibid.

[13] Oratio ... P. 654.

[14] Oratio ... P. 657.

[15] Opus ... T.IV. P.509.

[16] Ibid. P. 521.

[17] Ibid. P.5.

[18] Colet I. Expositio ad litteram in epistolam ad Romanos. L.1873. P. 235.

[19] Подробнее: Софронова Л.В. Просветительская деятельность ... С.106. и след. Также автореферат этой диссертации. - С. 13.

[20] Томас Гэскойн - из дворян английского севера. Рожден в 1403 г. в Ханслетт (сейчас - в черте г.Лидса). В Оксфордском университете, в «Oriel College» с 13 лет. Успешно прошел все «ученые» степени и через 18 лет (1434) стал доктором теологии. Несколько раз возглавлял университетскую корпорацию в качестве ректора (1434, 1442, 1443, 1445). Пользовался авторитетом как человек, отвергавший нравы мирских прелатов, бескомпромиссный и требовательный в вопросах церковной и бытовой морали. Его называли «Иеремией XV в.» (Г.Крин). Умер и похоронен в Оксфорде в 1459 г. с большими почестями. Последние годы жизни посвятил работе над теологическим словарем. Этот обширный свод статей, весьма разнохарактерных тематически, Гэскойн назвал «Liber Veritatum». Избранные места из рукописи Гэскойна опубликовал Джемс Е.Т.Роджерс. - Gascoigne Th. Loci e Libro veritatum ... Ox.1881. Материалы словаря Гэскойна являются широко используемым источником по истории Англии XV в., как политической, так и церковной.

[21] Loci ... Introduction. P. LXXXI.

[22] Ibid. P.LXXVI.

[23] В начале 50 гг., по свидетельству Гэскойна, к епископу диоцеза Св.Давида (Юж.Уэльс) обратились священники разных категорий (ректоры, викарии) с просьбой изгнать из их домов своих любовниц. Священники писали, что любовниц побуждают жить в их домах родственники и друзья. Достойный иерарх в просьбе отказал, так как его доходы от штрафов за нарушение целибата священнослужителями достигали 400 марок в год. - Ib. P.LXX-LXXI.

[24] Ibid. P.LXXXII.

[25] Owst G.R. Literature and Pulpit in Medieval England. Cam.1953.

[26] The Political Poems and Songs. Ed.Th.Wright. V.II. L.1861. P.225-26.

[27] Весной 1451 г. У.Бут был обвинен в Палате общин сторонниками йоркистской партии, но королевский двор и ланкастерское правительство взяли его под надежную защиту. - Loci ... P. 194, 231 etc.

[28] Ibid.

[29] Hoccleve's Works. Ed. F.J.Furnivall // The Early English Text Society. Extra Scries. No.61. L.1937. P.22.

[30] Кузнецов Е.В. Народные движения в Англии в середине XV в. М.1982. С.58 и след.

[31] Wycliffe J. Select English Works. Ed.Th.Arnold. V.III. L.1871. P. 137, 139 etc.

[32] Thomson J.A.F. The Later Lollards ... P. 65.

[33] Цитируется по католическому трактату Р.Пикока «The Repressor of Overmuch Blaming of the Clergy. L.1860. V.II. P.564-65.

[34] Foxe J. The Acts and Monuments of the Church (4th ed). V.IV. L.1877. P. 207, 208, 214-15 etc.

[35] VH. Oxford. V.II. P.18.

[36] Известно, что многие свои творения Колет не придал гласности. Они (наверное, какие-то части их) увидели свет уже в условиях реформационных преобразований.

[37] Подробнее в автореферате диссертации Л.В.Софроновой (с.1).

[38] Об этом подробно уже писалось: Кузнецов Е.В. Томас Мор и Майкл Джозеф. К истории создания «Утопии». // Англия XV-XVII вв. Проблемы разложения феодализма и генезиса капитализма. Горький. 1981. С.1981. С.41 и след.

В.И.Золотов

ГОРИЗОНТАЛЬНЫЕ СВЯЗИ СОЦИАЛЬНЫХ ОБЩНОСТЕЙ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ АНГЛИИ

Еще недавно большинство историков употребляло понятие «социальная структура» в узко ограниченном смысле, подразумевая классовое или имущественное расслоение в обществе. Однако в новой социальной истории преобладает другое понимание этого термина как описания системы иерархически взаимосвязанных социальных позиций, которые фиксируют общественное положение, права и обязанности людей, обладающих различным статусом и престижем в общественном мнении, а также совокупность ролевых предписаний, предъявляемых обществом к лицам, занимающим эти позиции. Социальные исследования реализуются через изучение поведения индивидов или групп, определяемого их социальными позициями, выстраиваемыми в иерархическую систему по какому-либо измеряемому объективному признаку-основанию (возрасту, имуществу или доходу, образованию, сумме юридических привилегий или политических прав и т.д.). Второе направление социальных исследований объясняет поведение индивида или группы различными конфигурациями социальных сетей, в которые они включены, а также плотностью и интенсивностью образующих узлов социальных связей[1].

В 70-е-80-е годы центральным моментом в изучении социальной структуры средневекового общества стало внимание к горизонтальным связям, связям социальной солидарности, сплоченности. В исторической социологии и новой социальной истории социальные общности прошлого рассматриваются, с одной стороны, как форма гарантии безопасности и интересов индивида и коллективных привилегий, а с другой - как органы общественной солидарности, обеспечивавшие интегрирование индивидов в единый общественный организм.

Историческая литература 70-х годов открыла целый мир разнообразных межличностных контактов и во многом изменила наше представление о социальной жизни средневековья и раннего нового времени. На конкретно-историческом материале был выявлен развернутый комплекс отношений, связующих различные социальные страты феодального общества[2]. Но исследования чаще всего ограничивались изучением одного или другого типа социальных связей. Лишь в последнее десятилетие комплексный подход в такого рода исследованиях становится почти профессиональной нормой. Иными словами, в качестве объекта изучения на первый план все больше выходят типы горизонтальной солидарности - семейно-родственные, профессиональные, локально-территориальные, религиозные, конфессионально-этнические общности средневековой эпохи, первичные и вторичные, формальные и неформальные, основанные на наличии общих интересов и общего противника в лице властей или конкурентов.

Новейшие исследования явственно обнаруживают два главных подступа к изучению средневековых социальных общностей. Одни авторы подходят к проблеме со стороны индивидов, составляющих ту или иную общность; предметом исследования становится жизненный путь человека от рождения до смерти, описываемый через смену социальных ролей и стереотипов поведения и рассматриваемый в контексте занимаемого им на том или ином этапе социального жизненного пространства. Другие отталкиваются от раскрытия

внутренней организации и функционирования самой социальной Среды, микромира общины, ассоциации, корпорации, всего многообразия средневековых человеческих общностей, выявляют их соотношение между собой, с социальными стратами, сословными группами, классами. Эти работы, сочетающие социологический и конкретно-исторический методы анализа, дают выход на принципиально важные для понимания социальной жизни феодального общества проблемы и вместе с тем отражают новый уровень мировой историографии, позволяющий при внимательном изучении судить о ее еще скрытых потенциальных возможностях[3].

Учитывая все отмеченные в источниках случаи социального взаимодействия индивида и номенклатуру его партнеров, а также содержание, тип и направленность социальных обменов, можно составить довольно полное представление о круге его общения, выявить и проанализировать сеть социальных коммуникаций, выделив ее отдельные блоки и сравнив относительную плотность и интенсивность социальных связей, а затем обнаружить возможные корреляции изменений в характере социальных отношений на микро- и макроуровне и интерпретировать их. Сложность извлечения из средневековых источников требуемой для подобного анализа информации удерживает историков от постановки столь полномасштабной задачи.

Наряду с формальными социальными институтами (приход, семья и т.п.) весьма существенную роль играли такие неформальные основания межличностных отношений, как длительное соседство и совместная экономическая деятельность. В повседневной жизни соседские связи имели первостепенное значение, горизонты же социального взаимодействия были относительно широкими лишь на вершине социальной пирамиды и сужались к ее основанию.

Качество данных, содержащихся в английских источниках XIV-XV вв., дает возможность воссоздать многое в индивидуальных и коллективных биографиях членов той или иной социальной общности. Они фиксируют социальные позиции одного и того же индивида в разные периоды его жизни. Текучесть социальной среды английского общества отражается в источниках многими социальными ролями, в которых выступал индивид как член локальной общности.

Развитию горизонтальных связей в английском обществе способствовало немало обстоятельств. Корпоративизм общества и корпоративная не замкнутость английского общества, развитие товарно-денежных отношений, бурное становление после 1381 г. зажиточного крестьянства, политическая нестабильность столетия обусловили высокую социальную мобильность в стране. В начале XV в. государство пыталось как-то контролировать, по крайней мере, эти процессы. В 1413 г. закон о дополнениях потребовал, чтобы в первоначальных приказах и обвинительных актах имена ответчиков сопровождались «дополнениями, которые сообщали бы об их сословии или звании, или о гильдии, тауне и графстве, в которых они проживали»[4]. Одним из последствий такого законотворчества стало появление в практике судебного и хозяйственного делопроизводства категории «джентльменов». Как самостоятельная социальная страта джентльмены заявят о себе позже, сейчас же этим термином атрибутировали себя многие и многие индивиды. Титул в это время был престижен, удовлетворял социальные и иные амбиции разных групп населения. Джентльменами представлялись вчерашние мелкие землевладельцы, оказавшиеся в городской среде. Таковыми называли себя

купцы, крупные и мелкие чиновники, знатоки права, свитские магнатов. Помимо социальных претензий титулы помогали в профессиональной и иной деятельности[5]. Судьи Англии начала XV в. признавали усложненную структуру общества и пользовались нормой «alias», чтобы зафиксировать все стороны жизни и деятельности персоны. Так появляются любопытные цепочки идентификации в документальных записях - «коробейник, он же купец, он же мерсер, он же йомен». Очевидно, обладатель такого «дополнения» торговал разными товарами, а также имел какие-то земли[6]. Не менее интересен «джентльмен», некогда ювелир, житель Лондона»[7].

По другому статуту - закону о выборах 1429 г. - корона пыталась регулировать состав выборщиков депутатов парламента[8]. Едва ли не основным мотивом этой законодательной инициативы стала все более распространяющаяся в Англии того времени практика феодальных ливрей. Коммонеры выражали свою озабоченность ее дестабилизирующей ролью[9]. Структура слоев, из которых состояла магнатская свита - родственники, держатели и соседи, слуги, советники, министериалы поместья и местные джентри, - складывалась в этой общности концентрическими кругами. Среди них - заключившие особый договор на срок жизни, те, кто получал за службу ежегодную плату и те, кто был просто держателем. Одним словом - море вариантов связей, в центре которых - служба и лояльность лорду[10]. Состав ливрей самый разный - от крестьян-вилланов до рыцаря и графа. Формальные барьеры статуса ее членов не мешали соединяться им на базе общественной солидарности, обеспечивавшей интегрирование индивидов в единую общность. Удивительная текучесть статуса и положения индивида в городе, в графстве под «крышей» какой-то общности разрушает стереотип вертикального структурирования социальной жизни. Едва ли потребности некоего подчинения соединяли мозаику имущественного, образовательного, правового, политического положений, скорее потребности общественной солидарности, гарантии безопасности связывают индивидов.

Чрезвычайно многоликим оказалось английское чиновничество. Вплоть до конца первой четверти XV в. обычное описание лица, который грамотен и способен составить отчет по доходам, было «клерк». Если он находился на светской службе, в системе управления, то мог быть записан как «королевский клерк». Термин, возможно, указывал и на то, что чиновник находился в фаворе у короля, хотя в данный момент не отправлял служебных обязанностей[11], а присутствовал в «команде» какого-либо магната, купца, высокопоставленного министериала. Клерк канцлерства очень часто назывался «джентльменом»[12]. Со временем клерки могли быть записаны сквайрами. Особые заслуги могли сделать его рыцарем.

Как правило, каждый так или иначе преуспевающий джентльмен, сквайр, рыцарь имели стюарда, управляющего, священника в своем окружении. Часто они выполняли функции советников независимо от записи их статуса - клерк или джентльмен, сквайр. Городские торговцы покупают манор обедневшего сквайра и в следующем поколении купец именуется сквайром[13], окружая себя советниками, слугами и прочей челядью. Такие звенья связывали в одну сеть городское и сельское население, позволяя сильным мира сего контролировать различные стороны общественной жизни страны[14]. Корпоративность чиновников делала их коллегами, среди них кто-то был амбициозен, кто-то меньше, более удачлив и менее, у кого-то имелся сильный и щедрый покровитель, кто-то не мог похвастаться таковым. Но они были коллегами, они были вместе, часто друзья,

иногда соседи. За рамками профессии их сближал взаимный предпринимательский интерес. В завещаниях они часто называли друг друга душеприказчиками, поручителями. При заключении сделок коллеги часто были среди свидетелей, ленников, агентов[15].

Легкость превращения, переход из одного статуса в другой, отношения покровительства, «поддержки» и создавали густую сеть горизонтальных связей различных социальных общностей страны. Все более развивающаяся система патронажа, «связей», распространение практики ливрейных свит в немалой степени способствовали продвижению в жизни, карьере[16]. Английское общество в позднее средневековье связывалось многочисленными нитями предпринимательства и карьеризма[17].

В немалой степени горизонтальные связи объясняют мотивы и ролевые предназначения участников кратковременных, небольших по составу объединений, например, горожан в сделках с различными видами имущества. Источники неоднократно фиксируют удивительное сочетание лиц разного социопрофессионального состава в этих малых группах. Не существовало ограничений по социальному положению, по профессии, которые препятствовали бы временным, на одну-две сделки, альянсам мерсеров и портных, бакалейщиков и виноторговцев, пивоваров и хозяев постоялого двора. Еще более поразительны ситуации, когда врач торговал шерстью, ткач продавал пшеницу, цирюльник покупал партию меха у скорняка, художник, создающий штандарт Ланкастеров, ссужал деньги мерсеру[18]. Разнородность профессий, объединявшихся в одну компанию, разнообразие товаров, которыми они торговали, являлось обычной практикой того времени[19].

Несмотря на кратковременность таких союзов, вокруг наиболее богатых и имеющих вес в городском управлении купцов, ремесленников создавался круг постоянных лиц. Его состав порожден процессами подчинения «большими» гильдиями «малых», отношениями зависимости. В такие союзы входили и чиновники местного самоуправления, королевские чиновники, их клиентура, в том числе с дворянскими титулами. Лондонские купцы встречались почти с каждым типом джентльмена в бизнесе или других внешних отношениях[20]. Такие «гроздья» доверенных и составляли основу горизонтальных связей, прежде всего в городской среде. Значительная доля в них отводилась родственникам, клеркам, джентри.

Так, племянница Генри Чайчела, архиепископа Кентерберийского, дочь его брата-бакалейщика Уильяма, в одном из браков была замужем за стюардом примаса церкви, сквайром Джоном Дареллом[21]. Среди друзей-партнеров мерсера Уильяма Эстфельда, его окружения - Джон Фрей, главный барон казначейства в 40-е годы, Ричард Коудрей, бывший секретарь Генриха V, барон казначейства Николас Диксон, сделавший неплохую карьеру Томас Хезли, один из двух клерков короны в канцлерстве, получивший рыцарский титул и имевший связи с графом Стеффолком, епископ Линкольнский, его душеприказчик, олдермены, судьи Суда королевской скамьи[22]. В сделках бакалейщика Томаса Ноуллза постоянно фигурируют сквайр Джон Хотофт, выходец из Небуорта в Гертфордшире, где купец приобрел один из маноров, Николас Уоттон, сукноторговец[23].

Наиболее часты в роли скрепляющих элементов таких связей - джентльмены, сквайры, чиновники. Примеров этому немало. Первый из них - этапы жизни и деятельности рыцаря Роджера Фениса, имя малоизвестное в истории страны.

Происхождением он был, очевидно, из Сессекса, его родным поместьем можно считать манор Херстмонсэ, недалеко от Певенси на побережье Ла-Манша. В маноре имелся замок. Кроме Сессекса, владения Роджера располагались в Кенте, Эссексе, Беркшире и Оксфордшире, в окрестностях Саутгемптона. Земли на правах фьефа он сдавал Уильяму Чейну, королевскому судье и его родственникам, позже Роберту Бонвелю, клерку. Его брат-сквайр Джеймс вступил в деловые отношения со сквайром и рыцарем с челядью в своем маноре в Оксфордшире[24]. Интересны его связи с семейством Пэлхем из Эссекса. Доход этой рыцарской фамилии исчислялся суммами до 600 ф.ст. в год[25]. Рыцарь Джон Пэлхем вместе со своим кузеном и наследником в 20-х-30-х гг. обладал многими сеньориальными правами Роджера в его родном Херстмонсэ, постепенно возвращая их Фенису. Интересно, что право принятия присяги на верность, фуа, Пэлхем оставил у себя[26]. Очевидно, Роджер Фенис, а также родственник Уильям Фенис, входили в круг людей Пэлхема. Последний же состоял в окружении лорда Эрпингхема, констебля замка в Дувре и старшины так называемого Семипортья[27]. Некоторые из окружения Пэлхема (советник Уильям Прествик и другие) входят в число партнеров Роджера в операциях с движимым имуществом, в списке которого крупный рогатый скот, долговые обязательства жителя Сассекса, заморские товары, с которыми оперирует и его брат-сквайр Джеймс и, очевидно, родственник Ричард Фенис[28]; сотрудничают с Фенисами представители известных рыцарских фамилий Ботилеров, Бьючемпов. Сквайр Джеймс Фенис в 1446 г. назван уже рыцарем и вместе со своим сыном Уильямом оказывает покровительство одному из внуков графа Арундела в его споре с Вестминстерским аббатством в одном из маноров Кента[29].

Общность, созданная прежде всего на основе соседских связей и предпринимательском интересе, укреплялась выполнением различных должностных обязанностей Фенисами в местном и центральном аппаратах управления. Роджер входит в различные королевские комиссии - от контроля за выполнением закона о присяжных заседателях, выморочных правах короны в Сессексе, формирования отрядов для похода во Францию до отправления обязанностей мирового судьи в том же Сессексе и многих других. В ранге королевского рыцаря получил опеку замка в Порчестере, он же - главный стюард герцогини Ланкастерской в различных графствах[30].

Джеймс Фенис, брат Роджера, сквайр, а с 1446 г. рыцарь, не уступал на служебном поприще старшему отпрыску семейства. Мировой судья в Серри и Сессексе, чемберлен финансового ведомства, констебль Рочестера, стюард земель герцога Уорвика в Кенте и Сассексе[31]. От лорда Эрпингхема унаследовал должность констебля замка Дувра и старшины Семипортья; королевский чемберлен, королевский советник, казначей королевства, входил в число людей герцога Глостера[32] , в конце жизни носил титул лорда Сей. Жизнь и деятельность братьев Фенис представляется тем самым примером локальных сетей на юге Англии, о которых упоминалось выше, их связей с центром.

Другим типом связей внутри социальной общности является случай, когда не столь явно прослеживаются отношения различных статусов и положений, но выделяется фигура одного-двух индивидов, скрепляющих социальные связи. Примером может служить фамилия Броукэсов. Род имел гасконское происхождение (в сделках Броукэсов, вероятно, не случайно упоминание имени Гасконец - клерка Джона, рыцаря Уильяма, семейство имело держание и другие интересы в Кале)[33]. К началу XV в. семейство находилось в опале. Она связана с

тем, что хотя основатели клана воевали вместе с Эдуардом Черным Принцем, служили при дворе Эдуарда III, но в начале 1400 г. сквайр Уильям Броукэс оказался замешанным в антиланкастерском мятеже. Уже в ноябре того же года ему вернули конфискованные поместья, представители дома отличились в походах Генриха V во Францию[34]. Однако прежнего успеха и положения род уже не достиг.

Для нас интересно частое упоминание в текстах сделок Броукэсов имени Джона Читтерна. Он связан с епископом Солсбери, служил каноником кафедрального собора в Солсбери[35]. Его связи с братьями Броукэс - Бернардом-старшим и Бернардом-младшим, сыном последнего – Уильямом - устойчивы[36]. Сам Читтерн входит в окружение могущественного дома Хангерфордов, вместе с ним, в частности, бейлиф Нью Сейрема в Уилтшире. В Сейреме Читтерн имеет во владении держание с двумя коттеджами[37].

Эти скупые данные ярко высвечивают один из «узлов» локальных сетей в лице Джона Читтерна - клирика, грамотного клерка. Он вращается в среде заметных фигур общества, не забывая о своих интересах. К сожалению, после 1408 г. его имя исчезает со страниц документов (упомянута в 1414 г. лишь его дочь)[38].

Мужская линия всех трех известных поколений семейства Керью, выходцев из графства Серри, представлена одним именем - Николас. Николас-дед был сквайром, умер в 1438 г. Его сын, сквайр Николас (1405-1458 г.) из Беддингтона (Серри), депутат парламента от этого тауна в 1439-1440 г. Внук, Николас Керью, королевский сержант, стал констеблем Саутгемптона в ноябре 1457 г., в возрасте 21 года[39].

Все три поколения входят в систему густых социальных связей южных графств Англии и Лондона. Николас-дед предпринимательскими отношениями связан с мерсером Джоном Миддлтоном, представителем верхушки этой корпорации, с Джоном Мартином, одним из судей Суда королевской скамьи[40]. Николас-сын ходил в друзьях Генри, герцога Экзетера, имел ленные связи с Томасом, графом Арунделом[41]. Его вдова Мерси связана деловыми отношениями с Джоном Фреем, главным бароном казначейства в 40-е гг., с Генри Фроуиком из верхушки мерсеров и другими. Имя Николаса-младшего перекликается с именем рыцаря Роджера Фениса, которому он передал во владение в 1435 г. все свои земли, ренты, повинности в Серри[42]. В дальнейшем связи с Фенисами, очевидно, окрепли. В феврале 1454 г. некая вдова Элизабет внесла в городской суд столицы иск об узурпации ее прав на одно из держаний в Лондоне против сквайра Николаса Керью, рыцаря Ричарда Фениса и других[43].

В данном случае сквайры стали тем слоем, который связывал купцов и клириков, придворных и джентри. Оставаясь жителями провинции, занимая различные должности в местном управлении (исчитор в Гемпшире, Уилтшире, другие комиссии), констебль Саутгемптона[44] Керью стали одной из ячеек тех сетей, которые обеспечивали существование и функционирование общественной жизни страны в этом регионе.

Карьера Томаса Хезли иная. Этапы его жизни - клерк, один из двух клерков короны в канцлерстве, «джентльмен», сквайр. Родом из Оксфордшира, он вошел в систему канцлерства при Генрихе IV[45] , был назначен одним из двух клерков короны в 1415 г., должность, которую он занимал до самой своей смерти в 1449 г.[46] В начале карьеры был близко связан с Томасом Чосером делами в родном графстве и позже с зятем Чосера, знаменитым Уильямом де ля Полем, графом Сеффолком[47]. В деловых отношениях являлся партнером судей Суда

королевской скамьи и епископа Норича[48]. Через своего кузена Уильяма Годинга сотрудничал с Джоном Кемпом, архиепископом Йоркским, Хемфри, графом Стаффордом, с тем же графом Сеффолком[49]. С последними сотрудничал и Уильям Прествик, советник лорда Эрпингхема, упоминавшегося выше, связанного с Фенисами и Пэлхемами. Избирался депутатом парламента от Миддлсекса, связан с графом Уорвиком[50]. Неудивительны его связи с лондонскими олдерменами, мерсерами, сукноторговцами, рыботорговцами, бакалейщиками[51]. Этот опытный чиновник, джентри из Оксфордшира, в качестве клерка, свитского, душеприказчика, входившего в окружение магнатов - графов Стаффорда, Сеффолка, ставший в конце жизни рыцарем[52] - яркая узловая фигура в густой сети отношений в столице и окрестностях.

Те же горизонтальные связи прослеживаются и на примере с джентльменами, в частности, в судьбе Джона Лаута. Он - выходец из глубинки, из Линкольншира. Его родители Симон и Элис жили в тауне Лаут, обладали какими-то землями в нем и его окрестностях[53]. По всей вероятности Джон был тем мелким лендлордом, чье положение позволяло ему считать себя джентльменом, когда он оказался в Лондоне. Впервые он так и назван в 1435 г.[54] Но этот мелкий землевладелец занимал не последнее место в органах самоуправления родного графства, в соседнем Йоркшире. Он привлекался к сбору «пятнадцатины» и «десятины» в графстве Йорк, раскладке сбора, в том числе на главный город графства. В конце 20-х гг., возможно, является одним из двух шерифов Йорка. В 1434 г. ему вместе с другими членами комиссии поручена организация выборов депутатов парламента от столицы графства[55].

По всей вероятности, в тот год, когда в документах впервые назван джентльменом, в 1435 г., он появился в столице, неизвестно, в каком качестве, но с этого года фиксируются его партнерские связи в предпринимательских делах с высокопоставленным чиновником канцлерства Ричардом Коудреем, бывшим секретарем Генриха V, клерком его Совета, обладателем грозди бенефициев и в 30-е годы являвшегося клерком архидьякона Линкольна[56]. Кроме Коудрея, он сотрудничает с довольно известными своей деловой хваткой чиновниками канцлерства Уильямом Хиллом и Ричардом Селби. В 1439 г. он доверенный, атторни, кентского рыцаря[57]. В 1441 г. при посредничестве Уильяма де ля Поля, графа Сеффолка, он вместе с другим «джентльменом» из Линкольншира вошел в состав комиссии по опеке земель йоркширского рыцаря, пока сын последнего не достигнет совершеннолетия и не сочетается браком (деньги на свадьбу дает граф)[58].

В конце 1436 г. впервые назван клерком канцлерства[59] и до конца десятилетия, очевидно, закрепляется в этом органе управления. В одной из сделок от апреля 1437 г. он сотрудничает с Ропфоном Кромвелом, главным бароном казначейства, и с высокопоставленным чиновником королевской канцелярии Николасом Уимбишем; сделка, между прочим, касалась прав владений на земли в Лауте, его окрестностях и «где-либо в Линкольншире»[60]. Очередной поворот в его жизни приходится на 1447 г. В январе месяце он назван прихожанином церкви в Лауте, входя в братство девы Марии. В сентябре расстается с держаниями, когда-то находившимися у его родителей, хотя и сохранил какие-то связи с их новым владельцем. Входит в окружение виконта Бьюмонта. К концу жизни, оставаясь жителем Линкольншира, имел права на недвижимость и ренту в Кингстоне-на-Гулле (Йоркшир) и в Йорке[61].

Таким образом, Джон Лаут, являясь долгое время чиновником королевского ведомства (и только под конец жизни вернувшись на родину), имеет немалые

ресурсы и солидный статус в провинции. Он относится к тому типу профессионалов, которые служили церкви и государству, короне и подданным, в городе и поместье, связывали своими интересами, интересами своих патронов столицу и графства.

Череда имен, должностей, статусов, положений, прошедших перед читателем, дает многомерную картину социального развития английского общества первой половины XV в. Едва ли приходится говорить о единообразии отношений индивидов, принадлежащих к различным социальным группам. Часто индивид, принадлежащий к конкретной страте, выполняет многочисленные социальные роли. Социальное взаимодействие индивида и номенклатуры его партнеров, содержание, тип и направленность социальных обменов позволяет составить довольно полное представление о круге его общения.

Предложенные подходы дают весьма многое для воссоздания реального контекста социальной жизни средневекового человека, всего множества ассоциативных и корпоративных общностей, определявших своеобразие средневековой европейской цивилизации. Антропологически ориентированная социальная история в поисках «социальной индивидуальности» абстрактного общественного человека позволяет выйти на новый уровень в исследовании конкретного субъекта истории и его социального жизненного пространства, в объяснении его повседневного поведения и способа включения индивидуальной деятельности в коллективную.

---

[1] Репина Л.П. Человек в системе социальных коммуникаций: новые подходы и методы исследования //Общности и человек в средневековом мире. Москва-Саратов. 1992. С.23-24.

[2] В этом отношении недооцененным осталось известное исследование С.Трэпп по купеческому сословию средневекового Лондона, вышедшее в Чикаго в 1948 г. (выходные данные книги см.ниже).

[3] . Репина Л.П. Указ.соч. С.25.

[4] SR. II. Lnd.,1816. P.171.

[5] См.: Storey R.L. Gentleman-bureaucrats//Profession, vocation and culture in Medieval England/Ed. by C.H.Clough – Liverpool. 1982.

[6] Dyer Ch. Standards of living in the Later Medieval Ages. Social change in England, c.1200-1500. – Cambridge.1989. P.16.

[7] CCR, H VI, V,417.

[8] SR. - II, 243.

[9] См.: Золотов В.И. Избирательные законы 1429 г. и 1445 г. в Англии// Власть и политическая культура в средневековой Европе..1992.

[10] См.: Harriss G.L. Introduction//McFarlane K.B. England in the Fifteenth Century. Collected Essays - Lnd.,1981. P.XI.

[11] Storey R.L. Op.cit. P.98.

[12] Storey R.L. Op.cit. P.99; Appendix.

[13] Stubbs W. The Constitutional History of England. V.II. – Oxford. 1883. P.566,569.

[14] См.: Thrupp S. The Merchant Class of Medieval London – Chicago. 1948. P.230-231.

---

[15] Griffiths R.A. Public and Private Bureaucracies in England and Wales in the Fifteenth Century// TRHS, 5th ser.V.30, 1980. P.126.

[16] Griffiths R.A. Op.cit. P.121.

[17] Bennet M. Careerism in Later Medieval England//People, politics and community in the Later Middle Ages/Ed.by Rosenthal J.T. - Richmond-Glouchester, 1987. P.36.

[18] Thrupp S. Op.cit. P.5-6, 8-11.

[19] Thrupp S. The Grocers of London. A Study of Distributive Trade// Studies in England Trade in the Fifteenth Century/Ed. E.Power and M.Postan - Cambridge, 1933. P.285, 204, 268, 279.

[20] Thrupp S. The Merchant Class ... P.256.

[21] Ibid. P.330.

[22] Griffiths R.A. Op.cit. P. 113, 127, 128; Storey R.L. Op.cit. P. 97,99, 106, 107.

[23] CCR, HIV, IV,V. P. 313; Roskell J.S. The Commons and their Speakers in English Parliaments, 1376-1523 - Manchester, 1965. P.203; idem. The Commons in the Parliaments of 1422 - Manchester, 1954. P.91; CPMR,IV,161; CCR,HVI,III,261.

[24] CCR,HVI,II, 45,45-46; I,345.

[25] Farlane K.B. Parliament and «Bastard Feudalism»//TRHS, V.26.1944. P.67.

[26] CCR, H VI,III,192; II,364. Сэр Джон Пэлхем имел также доходы от плантаций рапса в районе Певенси. Летом 1428 г. он - первый душеприказчик сэра Томаса Эрпингхема - Roskell J.S. The Commons ... P.209,211.

[27] CCR, H VI,II, 93, 171; CPR, H IV, II, 66; H VI, I, 359. Семипортье - 7 портов на побережье Ла-Манша, в том числе Дувр, имеющих важное стратегическое значение (Ромни, Гастингс, Хит, Дувр, Сэндвич, Рай, Уинчесли).

[28] CCR, H VI, II, 46, 93; III, 123; I, 345.

[29] CCR, H VI, IV, 440-441. Джон Арундел и два его сына, сменяя друг друга, с 1397 по 1442 гг. представляли в парламенте Корнуолл. – Mc. Farlane K.B. Op.cit. P.66.

[30] CPR, H VI, I, 193, 299, 302, 468, 552, 570-571,5.

[31] CPR, H VI, III, 234, 245; IV, 158, 83, 445.

[32] CPR, H VI, V, 87, 336, 473, 590, 63, 78, 296, 390, 45.

[33] CCR, R II, III, 623.

[34] Roskell J.S. The Commons ... P.156, 89.

[35] CCR, R II, V, 374; III, 456.

[36] CCR, R II, III, 266, 623; H IV, III, 93; R II, III, 262; H IV, III, 494.

[37] CCR, H IV, III, 87.

[38] CCR, H V, I, 118.

[39] CCR, H V, II, 222; Wedgwood J.C. History of Parliament. Biographies of the Members of the Common House, 1439-1509 - Lnd.,1936. P. 55,156.

[40] CCR, H V, I, 360; H VI, II, 189.

[41] Wedgwood, History... P.156.

[42] CCR, H VI, IV, 433; V, 100-101.

[43] CPM R, V, 137-138.

[44] Wedgwood, History... P. 155-156.

[45] CCR, H IV, IV, 97/1410 г./; H V, 123; H VI, I, 127, 212, 72, 447; II, 102-103, 109, 286-287, 290, 39; H VI, I, 452.

[46] CPR, H VI, I, 362; H VI, III, 188; Storey R.L. Op.cit. P.97.

[47] CPR, H VI, I, 330; II, 156, 336, 346; IV, 130; Storey R.L. Op.cit. P.107.

[48] CCR, H VI, I, 127, 447; II, 39. Уильям Олневик, епископ Норичский, хранитель Малой печати, секретарь Генриха V. - Roskell J.S. The Commons... P.75, 111.

[49] CCR, H VI, III, 40.

[50] Storey R.L. Op.cit. P. 106.
[51] CCR, H VI, II, 157-158, 290; I, 127; II, 102-103, 72; II, 109; H V, II, 216; H VI, I, 212. Сукноторговец Филипп Моупэс - олдермен, близок ко двору - Wedgwood, 519.
[52] Storey R.L. Op.cit. P. 106.
[53] CCR, H VI, V, 48-49.
[54] Ibid., II, 358.
[55] CPR, H VI, I, 277-278, 251.
[56] Griffiths R.A. Op.cit. P. 127; CCR, H VI, II, 358.
[57] CCR, H VI, III, 57; CPR, H VI, III, 344.
[58] Calendar op the Fine Rulls. V. XVII, P. 191.
[59] CCR, H VI, III, 109, 267.
[60] Ibid., 116.
[61] CPR, H VI, V, 81; CCR, H VI, V, 48-49, 412, 384.

Т.Б. Меркулова

НОРТУМБЕРЛЕНДСКАЯ ВОЙНА 1461-1464 гг.

Для первых лет правления Эдуарда IV характерными являются попытки эмигрировавших главарей ланкастерской партии возобновить в широких масштабах потухшую было гражданскую войну. Для достижения этой цели они пытаются комбинировать заговоры внутри страны с внешней военной интервенцией. Уже зимой 1461-1462 гг. в восточных графствах создается заговор. Во главе его стояли граф Оксфорд, лорд Эубри (Aybrey) - его сын, эссекский рыцарь Джон Тэденхем, местные сквайры Джон Монтгомери и Уильям Тириел, а также аббат сеффолкского монастыря Бэри и некий Томас Портер из Норфолка. Заговорщики предполагали во время подготавливаемого похода Эдуардом IV на север поднять восстание в его тылу и, приняв в эссекских портах десант герцогов Экзетера и Сомерсета, ударить на него «и с правого фланга, и с левого, и в спину одновременно». Но их корреспонденция, направленная в Шотландию, была выдана их поверенным - неким Клоктеном - королю Эдуарду, и тот вовремя обезвредил заговор, арестовав его главарей и обезглавив их одного за другим на тауэрском эшафоте в последнюю декаду февраля 1462 г[1].

Столь же неудачными были для ланкастерцев и попытки вторжения извне. Местом их нападений и главным районом военных действий 1462-1464 гг. явилось графство Нортумберленд, преимущественно его северо-восточные районы, соприкасавшиеся с Северным морем и шотландской границей. Здесь в руках противников йоркистов находились в 1461 г. прибрежные крепости Бамборо, Дунстенборо и Алник, а также расположенные близ рубежей с Шотландией - Ньюард, Уэртворт. Главной ставкой короля был в эти дни город и порт Бервик, проданный ланкастерцами шотландской короне. Но положение этих крепостей было непрочным. Наемные гарнизоны их уже много месяцев не получали денег и таяли от дезертирства. В течение лета 1462 г. они все сдались

«на условии сохранения жизни, чинов, лошадей, имущества и оружия их гарнизонов»[2].

Королева Маргарита, однако, неутомимо вела интриги во всех заинтересованных английскими делами государствах. Она в течение весны и лета 1462 г. посетила шотландский королевский двор, двор герцога Бретани, пожаловавшего ей значительную сумму денег, дважды была у французского короля, не был забыт и Филипп, герцог Бургундии[3]. К осени на деньги французского короля и бретанского герцога был набран вооруженный отряд из наемников-французов, насчитывающий 2000 человек[4], во главе которого встал престарелый ветеран Столетней войны, отставной сенешаль Нормандии, стяжавший себе известность грабежом Сэндвича - Пьер де Бриз, фигура весьма одиозная для избавителя королевского трона от узурпатора. В октябре месяце этот отряд высадился на нортумберлендском берегу. Штурмом был захвачен Бамборо, из-за недостатка продовольствия сдался Алник. Но успех ланкастерцев был недолговечным. 3 ноября Эдуард IV с большим войском выступил из Лондона на север. Надежды на поддержку дворян северных графств не оправдались, и слабые, блокированные превосходящими силами врага гарнизоны капитулировали один за другим и «6 января сдался последний Алник»[5]. Эти неудачи вызвали разложение среди руководящей верхушки ланкастерских эмигрантов. Появились многочисленные перебежчики, униженно искавшие прощения и милости у своих недавних врагов.

Переметнулись на сторону Эдуарда IV герцог Сомерсет, возглавлявший гарнизон Бамборо, и Ральф Перси[6]. Стремясь претянуть к себе и других магнатов ланкастерской партии, Эдуард IV возвратил им земли и титулы. Перси был назначен командиром захваченных крепостей Бамборо и Дунстанборо, а Сомерсет получил в подарок от короля годовую ренту в 2.000 марок[7]. « Он спал вместе с королем в одной постели много ночей, а его людям доверялась охрана жизни короля в пути»[8]. Таким образом, в начале 1463 г. король Эдуард IV владел всей Англией, исключая крепость Харлех в северном Уэльсе[9]. Но военные неудачи зимней кампании не остановили ланкастерцев.

В мае 1464 г. военные операции в Нортумберленде возобновились. Пользуясь уходом с Уорвиком последних отрядов южного ополчения, Ральф Перси и Ральф Грей, вновь возвратившиеся в лоно вассалов Генриха VI, передают северные крепости в руки войск Пьера де Бриза. Летом довольно значительные силы во главе с самим Генрихом VI пересекают Нортумберленд, форсируют Тайн и вторгаются в земли даремского епископства. Столица епископства и крепость Норхем оказываются осажденными наступающими войсками. Но не получив поддержки среди местного населения, эта авантюра кончается так же быстро, как и началась. Приближение с юга отрядов лорда Монтегю и Уорвика заставляет малочисленные дружины ланкастерской партии поспешно ретироваться за р.Тайн к своим опорным крепостям на границе с Шотландией[10].

В августе Маргарита со свитой в 200 человек вновь выезжает из Шотландии на европейский континент просить пополнения для своих истощившихся финансов. В то же время Эдуард принимает энергичные меры, чтобы лишить противную партию поддержки внешних сил. Его посольство ведет в Сент-Омере переговоры о заключении перемирия с Францией. Английские отряды под руководством Уорвика вторгаются с суши в пограничные шотландские районы (Laughmabon, Tedworth, Galoway), а флот Вустера появляется у восточных берегов страны, имея целью побудить двор королевы Шотландии отказаться от

поддержки эмигрантов. И хотя результаты морской экспедиции оказались ничтожными, так же как, впрочем, и сухопутной[11], все же они побудили шотландское правительство начать переговоры о мире и послужили опасным предостережением для ланкастерцев, которые сделали еще одну отчаянную попытку повести против Эдуарда IV «большую войну». В Уэльсе активизируется граф Пембрук, Сомерсет поднимает мятеж среди дворянства Ланкашира и Чешира, на его сторону переходит также составленный из верных ему людей гарнизон Ньюкасла.

Силы мятежников концентрируются в южных районах Нортумберленда, пытаясь, помимо всего прочего, помешать шотландскому посольству проехать в Йорк, где должны были состояться переговоры с правительством Эдуарда IV. Но малочисленность собравшихся сил и несогласованность действий командиров привели весной 1464 г. ланкастерцев к быстрому военному разгрому. 25 апреля отряд Ральфа Перси был разбит лордом Монтегю в сражении при Хедлей-Мур, а месяцем позже он же, усилив свои войска ополчениями центральных графств, настиг мятежников в лесистой местности Хексем на берегу р.Тайн. Не приняв боя, люди их отряда рассыпались по лесу, пытаясь спастись, но это удалось немногим. Приводимый Грегори список содержит 30 фамилий захваченных и казненных в течение мая в различных городах северной Англии главарей ланкастерской партии, в их числе был и Сомерсет.

В июне на севере появился со своим войском, оснащенным осадной артиллерией, король, и Алник, Бамборо, Дунстанборо вместе с другими северными фортами в третий и последний раз были заняты йоркистами. Ланкастерский мятеж на севере был потушен, из Уэльса последние отряды ланкастерцев бежали в Харлех и за море[12]. За успешные военные операции Монтегю получил титул герцога Нортумберленда[13]. Бежавший из-под Хексема с несколькими слугами Генрих VI беспомощно и одиноко скитался по глухим округам Ланкашира, где и был захвачен в июле 1465 г.[14]

Осенью был подписан мир на 15 лет с Шотландией и перемирие с Францией[15]. Это знаменовало собой конец нортумберлендской войны. «Таким образом, - пишет автор «Краткой латинской хроники», - укрепилась ветвь Эдуарда на троне и почти совсем была уничтожена сила и войско Генриха VI»[16]. Эта война не может быть названа гражданской войной. Здесь Эдуард IV и его сторонники боролись, опираясь на поддержку всей страны, против внешних сил - Шотландии, Франции, Бретани, првительства которых давали Маргарите наемников, деньги, а также полководцев, чтобы затянуть изнурявшую Англию междоусобную войну. Иноземный характер последних интервенций ланкастерцев и совершенно ничтожная социальная база заговорщиков внутри страны делали эту войну безнадежной авантюрой для ее инициаторов. Внутреннее разложение, ренегатство руководителей ланкастерской партии, недовольство широких слоев населения ее политикой, опора на внешних врагов Англии - вот что обнажила эта война. Она была сугубо локальной, концентрируясь на узкой прибрежной полосе Нортумберленда и Уэльса, и все попытки в 1462-1464 гг. Маргариты и ее сторонников раздвинуть ее территориальные рамки, придать ей характер большой войны времен Ладлоу и Уэйкфилда потерпели крах. Ланкастерские эмигранты оказались полными политическими банкротами, лишившимися в конце рассматриваемого периода поддержки даже со стороны иностранных государств, наиболее заинтересованных во внутреннем ослаблении Англии. Наоборот, в течение ближайших трех лет после окончания «нортумберлендской» войны новая

йоркская династия получила признание своей легитимности со стороны большинства государств Европы (1465-1467 гг.)

---

[1] Brief Notes. Three fifteenth Century Chronicles. - Ed.I.Gairdner. - L.1880. - Pp.162-163; Brief Latin Chronicle. Three fifteenth Century Chronicles. - Ed.I.Gairdner. - L.1880. (далее - B.L.Ch.). P.175; W.Worcester. Annales rerum anglicanum. Wars of the English in France. - V.II. Part 2. - P.779.

[2] W.W. - Pp.779.

[3] W.W. - Pp. 779-780.

[4] Cotton Vittelius A-XVI. Chronicles of London. - Ed.Ch.L.Kingsford. - Oxf.1905. - P.177; W.W. - P.780.

[5] W.W. - P. 780; Warkworth I.Chronicle of the First Thirteen Years of the Reigns of the Kings Edward IV. - Ed. J.A. Hollivel. L. 1839.

[6] Gregory's Chronicle. The Historical Collection of a Citizen of London. - Ed.I.Gairdner. - L.1876. - P.219.

[7] Warkworth. - P.3.

[8] Gregory. - P.219.

[9] Warkworth. - P.3.

[10] Gregory. - P.220; W.W. - P.782; Stow I. Annales of England. - L.1601. - P.621.

[11] B.L.Ch. - P.177; Stow. Annales. - P.691; Gregory. - P.221.

[12] Gregory. - Pp.224-227; W.W. - P.782; B.L.Ch. - Pp.172-177.

[13] Gregory. - Pp.226-227.

[14] Gregory. - P.232.

[15] Gregory. - P.224; Foedera. - Ed.Th.Rymer. - V.XI. - L.1708. - P.532

[16] B.L.Ch. - P.179.

В.П. Митрофанов

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ВОСТОЧНОЙ АНГЛИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVI-НАЧАЛЕ XVII вв.

В отечественной и английской историографии давно замечено своеобразие восточных и северо-восточных графств в социально-экономическом плане[1]. Аграрный переворот, который в это время полным ходом шел в королевстве, был затруднен здесь рядом факторов, к числу которых прежде всего относится сильная заболоченность почв региона и следовательно невозможность интенсивного земледелия и овцеводства на них. Кроме того, в этом регионе было еще достаточно много крепких крестьянских общин со слабой феодальной зависимостью от лордов маноров. К тому же здесь сохранилось немало

коронных земель. В королевских манорах была значительная прослойка фригольдеров и коттеров. Основным видом хозяйственной деятельности местных крестьян было скотоводство, птицеводство, рыболовство, различные промыслы[2]. Несмотря на то, что освоение заболоченных территорий началось еще с XIII в., но и в середине XVI в. огромные массивы земель оставались по-прежнему заболоченными или затопляемыми разливами рек и морскими приливами[3].

Диссолюция монастырей в этом регионе имела отрицательные последствия для возведенных ранее защитных и дренажных сооружений, которые на протяжении веков традиционно ими поддерживались.

Очередной этап огораживаний вызвал большой спрос на землю среди буржуазии и нового дворянства[4]. В то же время английская монархия начинает активно искать возможности расширения пахотных земель, с тем, чтобы как-то сдержать падение зернового производства и роста цен на хлеб. Увеличить пахотные площади в то время в Англии было возможно или за счет реконверсии части пастбищ в пахоту, или за счет осушения и улучшения огромных массивов болот и фенов в восточных и северо-восточных графствах. Первый путь был достаточно трудным и действия в этом направлении первых Тюдоров были малоэффективными[5]. Поэтому второй путь представлялся правительственным кругам более привлекательным, поскольку сулил не только расширение пахоты за счет осушения болот, но и получение прибыли в казну от улучшенных земель в самих королевских манорах.

Первые попытки реализации этих целей предпринимает правительство Эдуарда VI и Марии Тюдор. Как известно, что в 1552 г. была создана специальная комиссия во главе с Дж.Бартоном, которая должна была тщательно изучить возможность осушения заболоченных территорий в пяти восточных графствах[6]. Очевидно эта комиссия дала толчок осушительным работам и уже в этом году было сделано больше, чем за многие предыдущие годы[7].

Правительство Марии Тюдор учло итоги работы этой комиссии и первые опыты в осушении болот и поэтому приняло специальный закон по осушению, положивший начало целой серии аналогичных законов Тюдоров, а затем и Стюартов. Интересно, что этот закон прежде всего запрещал под угрозой тюремного заключения разрушать и засыпать дренажные сооружения в Норфолке и Кембриджшире[8]. Предприниматели по осушению брались под охрану закона. Принятый закон носил общий характер и в нем еще не были сколь-нибудь разработаны меры поощрения предпринимателей, способы разрешения конфликтов между ними и лендлордами, крестьянами и т.д. В целом активность правительства Марии Тюдор в осушении болот и фенов восточных графств была крайне слабой.

Более энергичную политику в отношении проведения осушения болот восточных графств предпринимает кабинет Елизаветы I Тюдор. Начало этому положила отправка в восточные графства специальной комиссии в 1562 г. Она организовала начало работ по осушению Истлендской долины. Причем, к этому бизнесу допускались не только английские предприниматели, но и иностранные, в основном, из числа нидерландских иммигрантов[9]. Источники свидетельствуют о напряженной ситуации, сложившейся в этом регионе. Происходили бесконечные судебные тяжбы между местными землевладельцами, крестьянами и осушителями. Население восточных графств отказывалось в массовом порядке платить деньги для финансирования работ. Тем не менее правительство Елизаветы встает на путь финансирования осушителей за счет

сбора денег с местных жителей. На этой почве усиливается конфронтация правительственных чиновников с местным населением.

Между тем предпринимательский интерес к Восточной Англии возрастает в 1570-е гг. Отдельные предприниматели-осушители добиваются патентов на проведение дренажных работ. Эти патенты выдавались в целом на довольно выгодных для предпринимателей условиях. Так, например, в 1574 году Тайный совет выдал патент двум джентри на осушение земель в приморской береговой полосе около Квинсборо (графство Кент) - «в таких размерах, какие они сочтут возможным». Впоследствии эти земли предполагалось использовать для «доброго землепашества» и поэтому на постройку защитных сооружений им выдавалась денежная ссуда[10].

Поскольку для проведения осушительных работ требовались довольно значительные денежные суммы, то предприниматели начинают объединяться в компании. Первоначальный капитал в таких компаниях складывался не только из паевых взносов их членов, но и пополнялся денежными сборами с местного населения, собираемыми королевскими чиновниками, хотя и с большим трудом. Подобных компаний осушителей было немного. Так, в 1576 г. образовалась компания из 6 предпринимателей. Сферой ее деятельности должны были стать затопляемые и заболоченные земли в районе реки Уисбич на острове Или. Им разрешалось привлекать к работам местное население[11]. Однако к 1579 г. (сроку, определенному патентом - В.М.) эта компания не добилась каких-либо реальных результатов.

Образование некоторых компаний осушителей было санкционировано особыми парламентскими актами. Так, в 1563 г. такая компания была образована в Кенте из 6 человек с монопольным правом на осушительные работы в двух приходах графства. Однако работы затянулись и в установленный срок не были выполнены и тогда ее полномочия в 1572 г. были продлены на 8 лет. Но и этого срока оказалось недостаточно и в 1581 г. был принят новый парламентский акт, в очередной раз продливший их монополию еще на 2 года. Заодно новый акт гарантировал членам компании получение половины всех осушенных земель[12]. Это были очень выгодные для осушителей условия, но и по истечению двух лет они тем не менее не выполнили работы. Тогда в очередной раз их монопольное право на осушительные работы продлили на 6 лет. К тому же им обещали еще 1/8 из второй половины осушенных земель и освобождение от налогообложения на 7 лет[13]. Кроме этого, правительство брало на себя обязательство урегулировать возможные споры с местными землевладельцами. Эта «кентская» кампания осушителей, пожалуй, самая длительная по времени существования. Более 20 лет она пыталась провести улучшения земель в двух приходах графства. И если бы не поддержка со стороны правительства вряд ли им удалось бы существовать так долго. Лишь к концу 1580-х гг. эта компания закончила работы, но вскоре оказалось, что защитные сооружения сделаны некачественно, а местные власти не следили за их состоянием.

В 1560-1580 гг. претендентов на проведение осушительных работ, судя по календарям государственных бумаг, было не слишком много[14]. «Осушительный бум» начинается с 90-х гг. На наш взгляд, это было следствием нового этапа огораживаний и аграрной политики Елизаветы. Началась настоящая погоня за получением патентов на право осушения. В предпринимательских кругах появились грандиозные проекты по осушению и улучшению огромных площадей заболоченных земель и земель, затопляемых разливами рек и приливами моря. Так, в 1593 г. некий Хемфри Бредли направил лорду Берли проект осушения

земель в Норфолке, Сеффолке, Линкольншире, Кембриджшире, Нортгемптоншире, Гантингдоншире. Он доказывал, что сделать это в принципе нетрудно, ибо фены там расположены выше уровня моря. По его мнению, для этого необходимо 700-800 человек рабочих и 5 тысяч фунтов стерлингов. Автор проекта обещал выполнить все работы за считанные месяцы, и королева тогда сможет ежегодно получать 40 тысяч фунтов стерлингов дохода от осушенных земель. Последний момент был весьма привлекательным для королевы, испытывавшей как известно, постоянную нужду в деньгах. Бредли предлагал Елизавете принять специальный закон, который бы стимулировал предпринимательство в области осушения заболоченных земель посредством гарантий двойных и тройных прибылей. Он выражал готовность сообщить имена богатых джентльменов, пожелавших заняться этим делом «на разумных условиях»[15]. Были и другие подобные предложения, поступавшие в лондонский кабинет[16].

Однако, несмотря на заманчивость таких предложений со стороны потенциальных осушителей, Елизавета и ее кабинет не спешили принять их и тем более оказывать немедленное содействие их претворению в жизнь. Очевидно одной из главных причин медлительности правительства было постоянное, непрекращающееся сопротивление местного крестьянства. Другая причина - существование феодальной собственности на землю, в том числе и заболоченную. Из-за этого невозможно было начать осушительные работы, не сломив сопротивление крестьян и не уладив отношений с их лендлордами. Отрицательную роль играла и пресловутая монопольная система, не допускавшая конкуренции между предпринимателями-осушителями.

Все отмеченные негативные факторы можно видеть на примере деятельности одного из крупнейших предпринимателей по осушению сквайра Т.Ловелла. В 1590 г. он организовал компанию осушителей из 20 человек. Правительство обещало передать его компании за работы 10885 акров осушенных ими земель в местечке Кловелл Кросс[17]. Цель правительства Елизаветы состояла в том, чтобы включить осушенные земли под пахоту, а Т.Ловелл заверял королевских чиновников в том, что будет всемерно способствовать «изобилию зерна и других благ для общинников»[18]. В компанию Т.Ловелл входили не только джентри, но и лондонские торговцы. Тайный совет рекомендовал комиссарам по осушению оказывать им всяческое содействие. Королевские чиновники должны были заключить с компанией выгодный для короны договор, в котором следовало оговорить взаимоотношения между предпринимателями, с одной стороны, и лордами и держателями их земель - с другой. Королевские чиновники должны были проследить, чтобы обе стороны вложили в осушительные работы определенные суммы денег. Тайные советники полагали, что это будет гарантией успешного выполнения работ. Однако когда все эти предписания начали осуществлять, то оказалось, что местные крестьяне не желают, чтобы их земли осушали. Разразился конфликт, который опять-таки пришлось улаживать Тайному совету и властям графства. Вновь была отправлена депеша членам комиссии по осушению, в которой тайные советники просили их добиться «доброго согласия» между спорящими сторонами и убедить подрядчиков начать работы, обещав, что они не встретят больше сопротивления со стороны «дурно настроенных лиц»[19].

Помимо собственных денежных средств компания настойчиво стремилась заполучить деньги с местных крестьян под видом того, что строят сооружения для защиты их земель от наводнений. Но эта забота об «общем благе» мало

помогала в выколачивании денег с крестьян, которые наотрез отказались платить. Тогда предприниматели вновь направили прошение в Тайный совет, доказывая, что для местных жителей большой ущерб причиняют наводнения и т.п.[20] Очевидно, компания расчитывала на более действенную поддержку правительства в преодолении пассивного сопротивления крестьян.

Практика деятельности подобных компаний показывала, что без прочной законодательной основы предпринимателям невозможно преодолеть все многочисленные препятствия и провести осушительные работы. В свою очередь правительство тоже убедилось в том, что необходим новый закон об осушении, так как старые законы уже не отвечали потребностям момента.

К началу парламентской сессии 1597/1598 гг. в правительственных кругах созрела идея такого закона, который должен был регулировать отношения разных сторон, а так же гарантировать соблюдение интересов короны. Было представлено сразу два подобных законопроекта. Один из них предусматривал проведение осушительных работ и строительство защитных сооружений от разливов рек и морских приливов в Норфолке[21]. Этот билль был необходим для компании осушителей, действовавших в этом графстве, которая уже вложила в дело 1 тысячу фунтов стерлингов. Там же работала и правительственная комиссия по осушению, которая регулярно информировала Лондон о ходе работ. Члены комиссии должны были проследить, чтобы улучшенные земли не обращались бы под пастбища[22].

Второй билль касался Кембриджшира, Гантингдоншира, Нортгемптоншира, Линкольншира, о-ва Или и опять же Норфолка. После прохождения через все парламентские процедуры он стал называться «Билль по осушению 300 тысяч акров болот и топей на о-ве Или, в графствах Кембридже, Нортгемптоне, Линкольне, Норфолке и Сеффолке»[23]. Текстов законопроектов не сохранилось, поскольку в итоге обсуждения парламентом они не были приняты. Видимо в них предусматривалось сохранение монопольной системы, против чего как раз были настроены многие члены палаты общин. Правительство в свою очередь не стало настаивать на их принятии, поскольку на этой сессии очень остро шло обсуждение многих других биллей, и в частности, двух законопроектов об огораживаниях. А в этом вопросе правительство не желало уступать и настаивало на их принятии.

Отклонение биллей по осушению тем не менее не приостановило роста предпринимательства в этой сфере. Более того, даже наблюдается некоторая активизация осушителей. Они начинают добиваться включения своих кандидатур в комиссии по осушению. По-прежнему, разливы рек, наводнения используются как повод для новых прошений на проведение осушительных работ в том или ином месте. По-прежнему, предприниматели просят финансовой помощи у государства[24]. И опять-таки весьма показательна деятельность компании Т.Ловелла в местечке Кловелл Кросс. Там крестьяне упорно отказывались оплачивать дренажные работы. Не помогали ни угрозы, ни штрафы. Кроме того, дело осложнялось появлением конкурентов. На осушение в этих местах претендовали ряд джентри из соседних графств. Обе стороны посылали жалобы друг на друга в Тайный совет. Характерно, что и тем и другим удалось включить своих людей в комиссии по осушению. В одном из своих посланий тайные советники прямо отмечали, что лишь немногие из членов комиссий не имеют выгод от этого дела. Попытки властей примирить спорящие стороны не увенчались успехом. Показательно, что комиссия по осушению, в компетенции которой был Линкольншир и Нортгемптоншир обложили

денежными сборами на осушительные работы ряд селений Кембриджшира и о-ва Или[25]. Компания Т.Ловелла в конце концов не сумела максимально дешево провести работы и разорилась, потерпев убыток в 12 тысяч фунтов стерлингов[26].

Положение предпринимателей по осушению осложнялось еще вмешательством в этот вид бизнеса некоторых титулованных особ. Так, например, в конце XVI в. включается в это дело граф Линкольн. Причем, как лендлорду ему было гораздо легче сломить сопротивление общинников, с интересами которых он фактически не считался. Он относился к числу тех осушителей, которые пользовались «дурной славой» у местного населения. Ему принадлежало немало маноров в восточных графствах. Интересно, что он сумел каким-то сомнительным образом заверить королеву в том, что большинство населения согласны на проведение осушительных работ. Нетрудно ему было перетянуть на свою сторону членов комиссии по осушению, чтобы использовать их против наиболее строптивых крестьян. Однако и в этом случае общинники не отступали и продолжали оказывать сопротивление осушителям.

Сложившаяся ситуация вновь заставила правительство в парламентскую сессию 1601 г. внести не прошедший в прошлую сессию билль по осушению. При его обсуждении в палате лордов к прежним графствам, попадавшим в сферу действия законопроекта добавили еще графства Кент и Дарем[27]. Дебаты по этому законопроекту, предполагавшему начать осушение сотен тысяч акров заболоченных земель в целом ряде графств были довольно значительными. На этот раз билль прошел. Принятый закон, как справедливо отметила В.В.Штокмар, предоставлял право лордам маноров огораживать заболоченные общинные угодья[28]. Однако для этого требовалось согласие большинства общинников и не причинение ущерба соседним землям[29]. Очевидно это было отражением того факта, что в предпринимательство включились лендлорды. Так известно, что этим занимался помимо Линкольна и граф Бедфорд. Последний даже активно привлекал к себе французских и голландских специалистов по осушению болот[30].

Принятый закон отразился и в плане усиления нажима предпринимателей на неуступчивое крестьянство. Это опять-таки хорошо видно на примере компаний Т.Ловелла, действия которой вызвали восстание крестьян в начале апреля 1603 г. Восставших возглавил некий Томас Уэлс. Крестьянн засыпали дренажные канавы, избивали рабочих компании. Они грозились «похоронить» и самого Т.Ловелла в одной из дренажных канав, покалечить и перебить его людей, если те посмеют продолжать работы. Источники умалчивают, каким образом властям удалось подавить это восстание. Известно лишь, что крестьянский лидер Т.Уэлс писал письма королеве, в которых просил не позволять компании захватывать общинные земли. Кроме того, крестьяне собирали деньги на содержание вооруженного отряда для защиты своих земель от посягательств осушителей. В конце концов дело это разбиралось в суде Звездной палаты, где Т.Уэлс был признан зачинщиком, а компания получила подтверждение от парламента на право продолжения работ[31].

В парламентскую сессию 1604 г. рассматривался еще один законопроект по осушению, но не нашел поддержки у членов палаты общин[32].

В 1605 г. ряд богатых и влиятельных лиц, как например, главный судья лорд Дж.Попем, главный барон казначейства Т.Флеминг, несколько олдерменов и богатых торговцев Лондона создали свою компанию по осушению болот в Кембриджшире на площади в 300 тысяч акров. Предполагалось, что за это они

получат 130 тысяч акров. Однако компания не осилила столь грандиозный проект и разорилась.

О росте предпринимательской активности в деле осушения свидетельствует записка, поступившая в правительственные круги, в которой автор приводит ряд аргументов в пользу издания нового закона об осушении выражает согласие на 1/8 часть всех осушенных и улучшенных земель в качестве вознаграждения компаниям осушителей[33]. Дело в том, что в начале XVII в. в восточных графствах появилось немало иностранных предпринимателей, желавших заняться осушением. Так, например, в 1606 г. два француза предложили Якову I Стюарту свои услуги в осушении болот[34]. Иностранцам можно было расчитывать на получение разрешения лишь в том случае, если они предложат короне более выгодные условия, чем их английские конкуренты. Видимо так и поступили эти французы, ибо комиссия по осушению заключила с ними договор. Однако это вызвало недовольство английского населения и они направили в Лондон петицию от имени «жителей западного Кембриджшира, в которой высказывались против включения их земель в проект по осушению, так как «они не нуждаются в помощи иностранных предпринимателей»[35]. Правительство Якова не пошло навстречу их прошению. Комиссия продолжила работу, составила подробный перечень строительства необходимых дренажных сооружений, определила места, где они должны быть построены и т.п. Согласно подписанному договору французским предпринимателям выделялось 12 тысяч акров из 300 тысяч, которые они должны были осушить[36]. Это значительно меньше, чем обычно просили англичане.

Осушить 300 тысяч акров болот, не затронув интересов многочисленных крестьян и лендлордов, было невозможно. Массовые конфликты при этом были неизбежны. Все это правительство не могло не понимать. Если кабинет Елизаветы стремился осуществить этот проект на легитимной основе, имея на то санкцию парламента в виде статута по осушению 300 тысяч акров земель в восточных графствах, принятие которого добивалось в 1597/1598 гг., то кабинет Якова, видимо, решил обойтись без санкции парламента. Однако выполнить это было непросто. Летом 1607 г. в восточных графствах опять развернулось массовое сопротивление крестьян действиям осушителей. Они сносили изгороди, засыпали дренажные канавы и т.п. Кроме того, местные джентри, видя, что корона по сути дела отдала их земли иностранцам, сами стали в массовом порядке огораживать болотистые земли согласно статуту 1601 г. и тем самым не давали возможности иностранным предпринимателям проводить на них осушительные работы. Правительство не смогло тогда активно вмешаться в ситуацию в восточных графствах, так как все лето и осень 1607 г. занималось умиротворением восставших крестьян в Центральной Англии. Единственное, что оно смогло сделать - это внести на парламентскую сессию очередной законопроект по осушению. Вместо прежнего законопроекта об осушении тысяч акров были внесены два других гораздо более скромных по масштабам. Один из них «Акт относительно дренажа болот в Кенте» носил частный характер и касался англичанина У.Барелла. В нем регулировались отношения этого предпринимателя с землевладельцами заболоченных земель. Предприниматель должен был провести работы до 15 октября 1609 г. За это ему причиталось половина всех осушенных земель. Он был обязан затем следить за состоянием дренажных сооружений в течение года. Для ремонта дренажных сооружений ему разрешалось в неограниченном количестве использовать растущий там тростник

и камыш. Все осушенные земли освобождались от уплаты субсидий на семь лет. После окончания работ королевские чиновники должны произвести земельный раздел между предпринимателями и землевладельцами. О крестьянских общинных землях и судьбах самих крестьян в акте ничего не говорилось, а значит молчаливо санкционировалась их эвикция. Владельцы осушенных земель обязаны были лишь сохранить проходы и проезды[37]. Закон, таким образом, закладывал предпосылки последующих огораживаний в этом регионе.

Другой акт тоже носил частный характер. Он касался двух других английских предпринимателей из числа джентри, сферой действия которых были болотистые земли острова Или. Срок их полномочия определялся 7-ю годами. За проведение осушительных работ на 6 тысячах акров им полагалось 2/3 на условиях свободного сокажа и освобождения от субсидий. Этот акт также не оговаривал судьбы крестьянских угодий и самих крестьян. С этого времени кабинет Якова начинает проводить более активную политику в области осушения. В парламентскую сессию 1609/1610 гг. в палате общин был поднят вопрос об отмене акта по осушению фен и низменных земель на острове Или и в графствах Кембридже, Гантингдоне, Сеффолке. Перевесом всего в семь голосов акт был сохранен и передан для вторичного чтения[38]. Кроме того, рассматривался еще и акт об осушении болот в Норфолке и Сеффолке. Он прошел все процедуры обсуждения и был принят парламентом. Акт предоставлял широкие полномочия королевским комиссиям по осушению, вплоть до заключения в тюрьму и наложения штрафа на лиц, препятствовавших осушительным работам. В законе закреплялась сложившаяся ранее практика сбора денежных средств на организацию работ с местного населения. Шерифы и мировые судьи должны были подчиняться комиссиям по осушению в этих делах[39].

В восточные графства регулярно посылались комиссии, которые столь же регулярно информировали Лондон о ходе осушительных работ, столкновениях и спорах предпринимателей с землевладельцами и крестьянами[40].

Продолжали возникать и новые, даже еще более грандиозные проекты по осушению. Так, в Кембриджшире появился проект по осушению 500 тысяч акров болот[41]. По всей видимости правительство сдержанно относилось к подобным суперпроектам. Вместе с тем оно тщательно контролировало и направляло деятельность комиссий по осушению, посылая им подробнейшие инструкции, а заодно комиссаров заверяли, чтобы они не опасались судебных тяжб против них со стороны местных землевладельцев[42].

Продолжалась практика выдачи патентов на осушительные работы. В 1618 г. был выдан патент сроком на 21 год неким Т.Мурею и Т. Потту с правом сбора средств на осушительные работы. Выдавались и патенты иного рода. Один иностранец в 1617 г. получил патент на изобретение по расчистке русел рек и дренаж прилегающих к ним земель. Однако оговаривалось, что это изобретение он может применять только с разрешением комиссаров по осушению[43].

В ходе работы комиссии по осушению порой сталкивались между собой, ибо среди них, как отмечалось, было немало заинтересованных лиц. В таких случаях из Лондона направлялся особый представитель, который собирал всех комиссаров и улаживал разногласия между ними[44]. Вместе с тем в кабинет Якова I Стюарта продолжали поступать предложения от предпринимателей. Например, в июле 1619 г. такое предложение поступило от английских предпринимателей У.Эйлоффа и Э.Томаса, которые выражали готовность заняться осушением коронных земель в семи восточных графствах. В качестве

вознаграждения они просили передать им в держание все улучшенные ими коронные земли за ренту 4 п. с акра. Получив на это согласие короля, они начали работы, но столкнулись с мощным крестьянским сопротивлением. Как оказалось, далеко не все земли, которые они намерены были осушить, являлись на самом деле коронными. Местная комиссия по осушению решила эти споры очень просто, постановив, что с некоронных земель устанавливается плата за их осушение в размере 20 шил. с акра. Платить деньги должны были лица, получавшие выгоду от осушения болот. В случае отказа уплачивать искомую сумму эти улучшенные земли передавались в распоряжение комиссаров по осушению[45]. Такой вердикт должен был заставить местных крестьян признать свои земли коронными.

Предприниматели довольно активно взялись за дело. Уже в 1620 г. они вложили 2400 ф.ст. и интенсивно проводили осушительные работы, хотя по-прежнему возникала масса препятствий[46]. Очевидно предприниматели захотели изменить условия договора и в 1620 г. поставили вопрос о том, что за проведение работ в Кембриджшире, на о-ве Или, Сеффолке, Норфолке, Линкольншире им предоставили бы от 1/8 до 1/2 всех осушенных земель. Таким образом, не довольствуясь чисто символической рентой в 4 п., они стремились заполучить часть осушенных земель в полную частную собственность. Однако местные жители были против этого. Королевские комиссии и даже сам король вынуждены были считаться с их мнением[47]. Потерю земель местных лендлордов компенсировали значительными выплатами. Так одному лендлорду в Линкольншире в 1620 г. причиталось 161 ф.ст. 3 ш. 6 п. за утрату его права собственности на осушенные болота[48]. Из-за массового отказа населения платить деньги за осушительные работы темпы работ начали снижаться. Тогда власти восточных графств начали искать другие источники финансирования. Например, решили отчислять определенный процент от экспорта и импорта товаров[49].

Сложность и трудность процесса осушения сопровождались постоянными тяжбами в судах. Отразилось это даже в общественном мнении того времени. Появились стихи-памфлеты против осушителей, обращенные к монарху, памфлеты-»антипроекты» осушению. В 1623 г. один анонимный автор в своем стихотворном письме-памфлете королю доказывал невозможность осушения. Он считал, что они полезны обществу своим обилием птиц, рыбы, торфа и т.п. Убеждал он короля и в том, что предприниматели-осушители действуют на местное население с помощью колдовства, что они хотят слишком большого вознаграждения и что они вообще не смогут завершить работы из-за непредвиденных препятствий[50]. В другом любопытном документе под названием «Антипроект» говорилось о дезинформации членов парламента со стороны предпринимателей о состоянии заболоченных территорий. По его мнению, они сгущают краски, утверждая, что там сплошная трясина, гиблое место и т.п., и в них поэтому мало ценности. Автор, напротив, утверждал, что это далеко не так. Там разводят лошадей, выращивают много кормов для скота и содержат скот молочного направления. Поэтому там много навоза для удобрения полей и пастбищ. Из восточных графств поступает немало продовольствия в Лондон и в северные регионы королевства. Восточные графства поставляют корма для скота во многие другие графства. К тому же обширные запасы ивы, камыша, осоки столь велики, что обеспечивают занятие промыслами многих бедняков. Автор предупреждал и о том, что многочисленные крестьяне-коттеры, обитавшие на болотах, в случае их осушения превратятся в нищих[51].

Видимо эти и другие подобные документы появились как противовес многочисленным проектам по осушению, поступавших королю. Противники осушения стремились убедить короля сохранить «статус кво» в восточных графствах, ибо это, по их мнению, в интересах государства. Однако по всей видимости король мало прислушивался к подобным советам, ибо никакой реакции с его стороны на эти советы не последовало.

В итоге деятельности компаний осушителей во второй половине XVI-начале XVII в. в восточных графствах Англии было осушено и улучшено десятки тысяч акров земли. Практически все эти улучшенные земли оставались в сфере феодальной собственности, о чем свидетельствует установление на них улучшенных и обычных рент.

Крестьяне были недовольны тем, что осушение болот не только коренным образом меняло их жизненный уклад, но и приводило к утрате их держаний, огораживаниям. Поэтому неудивительно, что во время буржуазной революции середины XVII в. они, воспользовавшись ситуацией, разрушили многие дренажные сооружения и часть этих земель вновь превратились в болота.

Джентри были недовольны вмешательством в предпринимательство по осушению отдельных аристократов, политикой короны, что толкало их в ряды оппозиции в начавшихся событиях буржуазной революции.

---

[1] Архангельский С.И. Аграрное законодательство английской революции. М.1940; Он же. Крестьянские восстания в Англии в 40-50-е гг. XVII в. М.1960. С.94; Штокмар В.В. Экономическая политика английского абсолютизма в эпоху его расцвета. Л.1962; Тревельян Дж. Социальная история Англии. Пер. с англ. М.1957. С.168-171, 245-248.

[2] Тревельян Дж. Указ.соч. С.168-170.

[3] Авдеева К.Д. Внутренняя колонизация в Англии в XI-XII вв. Л.1973. С.54-55.

[4] Савин А.Н. Английская деревня в эпоху Тюдоров. Спб. 1906; Он же. Английская секуляризация. Спб. 1904.; История крестьянства в Европе. Эпоха феодализма. Под ред. Удальцовой З.В. М.1986. С.34-35.

[5] См.: Семенов В.Ф. Огораживания и крестьянские восстания в Англии в XVI в. М.1949. С.224-226.

[6] Calendar of State Papers. Domestic series. Vol. 1547-1580. L.1856. ed.by Everet Green. P. 42,46. (в дальнейшем - CSPD).

[7] Dugdale W. The History of Imbanking and Drayning. L.1662.

[8] SR 2 and 3 Phil. and Mary. C.19.

[9] CSPD. 1547-1580. P.201.

[10] Acts of Privy Council of England. (далее - APC) Vol.7. L.1893. P.290.

[11] Ibid.V.9. L.1894. P.134. Vol.10. L.1895. P.321. CSPD. 1547-1580. P.523.

[12] SR.23. Eliz. C.13.

[13] Ibid..27. Eliz. C.27.

[14] CSPD. V. 1581-1594. P.334.

[15] CSPD. 1591-1594. P.334.

[16] Ibid. P.207.

[17] Местечко Кловелл Кросс расположено на стыке 4-х графств (Нортгемптон, Линкольн, Кембридж, Гантингдон). - Lindly K.Fenland Riots and English Revolution. L.1983. P.33.

[18] Historical Manuscripts Comission. Calendar of the manuscripts of Marquis of Salisbury. Part 8. L.1892. (в дальнейшем - HMC Sal.) P.299.

[19] APC. V.7. P.274-76.

[20] HMC Sal. P. 243.

[21] A Compleat Journal of the Notes, Speeches and Debates, Both of the House of Lords and House of Commons throughout the Whole Reign of Queen Elizabeth. D'Ewes. L. 1693. P.563. (В дальнейшем: Journal).

[22] APC. V.27. P.367-368.

[23] D'Ewes. Journal. P. 594, 595.

[24] APC V. 1598-1599. P.323.

[25] Ibid. P.678.

[26] Dugdale W. Op.cit. P.207.

[27] D'Ewes. Journal. P.657, 600, 687.

[28] Штокмар. Указ.соч. С.20.

[29] SR 43. Eliz. C.11.

[30] Тревельян. Указ.соч. С.245-246.

[31] Lindly K. Op.cit. P.34.

[32] Ibid. P.35.

[33] CSPD 1603-1610. P.290.

[34] CSPD 1623-1625. P.536.

[35] Ibid. P.290.

[36] Ibid. P.316.

[37] SR. Jac.I C.8.

[38] Ibid. C.13. Great Britain. Parliament. Journal of House of Commons. L. 1852. v.I. P.380.

[39] Ibid. P.411.

[40] SR. V.4. P. 1174-1178.

[41] CSPD 1603-1610. P.336. 1611-1618. P.200, 536, 554.

[42] Ibid. P.550.

[43] Ibid. 1603-1610. P. 536, 359, 403, 386. 1611-1618. P. 403, 552.

[44] Ibid. 1611-1618. P.535, 489.

[45] Ibid. 563, 374.

[46] Ibid. P. 65-66, 74, 80, 86.

[47] Ibid. P.193.

[48] Ibid. P. 141, 180, 196.

[49] Ibid. P.171.

[50] Ibid. P. 260.

[51] Ibidem.

В.А. Евсеев

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ЛОНДОНА В XVI-XVII вв.

Период XVI-XVII вв. имел для Лондона исключительное значение. Необычайный рост столицы в это время был наиболее поразительной чертой развития английского городского общества. Именно в эту эпоху Лондон занял особое положение в стране. Город стал центром общеевропейского значения и оказал колоссальное влияние на экономическую, социальную и политическую жизнь страны.

В современной отечественной историографии Лондоном эпохи Тюдоров занимались ряд исследователей. Статьи Е.В.Кузнецова[1] были посвящены в основном структуре и деятельности компании купцов-авантюристов Лондона в XV-XVI вв. Много места в труде М.М.Ябровой[2] уделено также развитию внешней торговли Лондона в XV - первой половине XVI в., ее новым формам и направлениям. Большое внимание Лондону времен Елизаветы I уделено в работе В.В.Штокмар[3]. Исследовательница, опираясь на свидетельства очевидца той эпохи Джона Стоу, дает яркую картину жизни столицы в тюдоровский период: ее экономики, социальной структуры и, особенно, быта горожан. Однако достижения отечественных специалистов весьма скромны - особенно по сравнению со сделанным английскими историками.

Опираясь на материалы новейших англоязычных исследований по Лондону, мы постараемся определить роль столицы в экономической жизни страны в XVI-XVII вв.

Лондон доминировал в городской иерархии Англии еще в XIV в., когда он в 3 раза превосходил по населению своих ближайших соперников - Йорк и Бристоль, в которых было по 10-12 тыс. жителей, и находился в одном ряду с крупными европейскими городами - Кельном или Гентом[4]. Лондон являлся крупнейшим портом страны и находился в центре международных торговых путей, будучи тесно связанным со странами Западной Европы. Кроме того, он был развитым ремесленным центром. В XV в. в столице отмечено существование свыше 100 ремесленных специальностей[5]. Наконец, Лондон находился в тесной связи с органами центрального управления и королевским двором, которые там же и располагались.

Отличительным аспектом развития столицы в тюдоровский период был рост его населения. Большинство современных исследователей приводят следующие цифры роста жителей столицы: в 1520 г. - 50-60 тыс.человек; в 1600 г. - 185-215 тыс.; в 1633 г. - 340 тыс.; в 1670 г. - 475 тыс.; в 1700 - 575 тыс[6] , т.е. за два столетия его население увеличилось в 10-12 раз. Ни в одном из крупных европейских городов не наблюдалось такого бурного роста. В 1550 г. Лондон занимал 17-е место среди европейских городов по численности населения, в 1600 г. - 4-е, а в 1700 - 1-е место, став крупнейшим городом Западной Европы. Особенно бурно росли окраины Лондона - Степни, Уайтчепел на востоке и Вестминстер на западе. Например, за 75 лет с 1530 по 1605 гг. население окраин выросло с 15 до 115 тыс., т.е. более чем в 7 раз, а сам город в 2 раза - с 35 до 75 тыс[7]. В середине XVI в. восточные окраины столицы были еще сельскими, с небольшими промышленными и городскими чертами. Даже в начале XVII в. приход Степни в Ист-Энде, в котором проживало 12-13 тыс.человек, состоял из многочисленных деревень[8]. Ярким доказательством демографического бума на окраинах Лондона являются свидетельства Дж.Стоу

в его книге «Обзор Лондона 1598 и 1603 гг.», где он отмечает занятие свободных участков и строительство домов за стенами города[9].

Толчком для демографического развития Лондона стала Реформация: на секуляризованных землях города стали селиться иммигранты. В результате резко выросла рента за землю, которая шла новым светским владельцам. С конца XVI в. обозначились основные районы проживания: бедноты - на востоке, знати - на западе столицы.

Демографический рост Лондона шел в основном за счет естественного прироста всей страны и в отдельные периоды поглощал половину его. Смертность в столице превышала рождаемость на 1,5% в год[10]. Крайняя антисанитария, периодические голодовки, эпидемии - все это определяло высокий уровень смертности, особенно среди детей. Например, эпидемия 1603 г. унесла жизни примерно 40 тыс. горожан, т.е. почти половины всего взрослого населения[11]. Однако доля жителей Лондона в населении всей страны постоянно росла. В 1520 г. она составляла 2,25%, в 1600 г. - 5%, в 1700 г. - 11,5%, а на остальные города Англии приходилось соответственно 3; 3,25 и 5,5%[12].

Пополнение населения Лондона шло из разных частей страны. С конца XV в. произошли принципиальные изменения в типе и масштабе миграции. Если в классическое средневековье миграция обычно состояла из детей зажиточных родителей, становящихся учениками городских гильдий, то в XVI-XVII вв. большинство мигрантов были бедняками, которые шли в Лондон в надежде найти работу или подаяние, переполняя небольшие обители бедных приходов или незаконно поселяясь в пригородных трущобах. Именно пауперы составляли основную часть миграционного потока, который к концу XVII в. достиг 8-10 тыс.человек в год[13].

Однако продолжала существовать и традиционная миграция, хотя она стала занимать меньшую долю. Это те, кто приходил в ученичество, надеясь подняться по социальной лестнице до статуса фрименов. Допуск в большие ливрейные компании Лондона был очень труден, хотя дети некоторых зажиточных родителей туда попадали. Больше шансов было устроиться в мелкие ремесленные цехи. Из 3780 мальчиков, записанных в мелкие гильдии в 1562 - 1640 гг. только 678 (18%) были рождены в Лондоне, а из 1590 новых фрименов, зарегистрированных в 1690 г., только 317 (20%) были лондонцами[14]. В середине XVII в. в Лондоне насчитывалось около 20 тыс. учеников: 40% из них пришли с Севера и Мидленда[15].

Говоря об экономическом развитии Лондона, в первую очередь следует выделить зарубежную торговлю, которая еще в классическое средневековье стала важным сектором деловой жизни города. Издревле и до конца XIV в. основой английского экспорта была шерсть. Постепенно шерсть была заменена сукном из восточной и юго-западной Англии. Сукно вывозили через Лондон. Эта тенденция была поддержана и усилена в конце XV - начале XVI вв.[16] Суконторговля способствовала аккумуляции богатств в городе, обеспечивала необходимые финансовые ресурсы, особенно в XV - первой половине XVI вв. Финансовая мощь города возросла многократно в конце XVII в., когда появился Английский банк. Например, в 1524 г. Лондон заплатил 8262 ф. налога[17], а крупнейший провинциальный город Англии - Норидж - 1704 ф.[18], т.е. почти в 5 раз меньше. В середине XVII в. это соотношение увеличилось до 25 раз[19]. Богатые купцы Лондона сумели организовать могущественные компании, которые способны были обеспечить правительству заемы и получить взамен политическую поддержку и гарантии их торговых привилегий. Все торговые

компании от Компании купцов-авантюристов, появившейся в начале XV в., и до Ост-Индской и Африканской компаний, возникших в начале XVII в., были монополизированы лондонцами, и их политика диктовалась лондонскими членами[20].

В результате этих факторов уже в начале XVI в. быстро выросла доля Лондона в зарубежной торговле, которая стала перемещаться из провинциальных портов в столицу в погоне за преимуществами Лондона. Уже в 1500 г. большая часть экспорта сукна шла через столицу, а в середине XVI в. эта доля достигла почти 90%[21]. В течение XVI в. экспортные пошлины в Лондоне увеличились с 57 до 87% национального сбора[22]. Новые направления торговли появились в конце XVI - начале XVII вв.: Россия, Балтика, Средиземноморье, Атлантика, южная и восточная Азия, где Лондон также имел почти полную монополию. Только в торговле с Ирландией Лондон не доминировал. В последней преобладали порты западного побережья - Бристоль, Честер и другие. Таким образом, Лондон доминировал в торговле с Европой и другими странами в течение всего периода XVI-XVII вв. Только в конце XVII экспорт сукна из Эксетера и Гулля стал достигать значительных размеров: Бристоль и Ливерпуль стали расширять торговлю с американскими колониями. Тем не менее абсолютные размеры и стоимость лондонской торговли продолжали расти. К 1700 г. в ее руках было 62,5% экспорта национальной продукции, 84% реэкспорта и 84% импорта[23].

Не меньшее значение для Лондона, кроме заморской, имела и внутренняя торговля. В начале XVII в. из 140 олдерменов столицы почти половина была занята в местной торговле[24]. Важность этого направления была очевидна. Еще в XIV-XV вв. Лондон установил тесные связи с центральными графствами, а в XVI-XVII вв. эта торговая сеть еще больше укрепилась и расширилась, охватив большую часть королевства. В торговле местными товарами преимущество Лондона было меньшим, но все же выросло к концу XVII в., поскольку улучшились транспортные возможности речных и сухопутных путей, связывавших столицу с основными провинциальными городами. Многие промышленные товары и продукты шли через прибрежную торговлю. Эти каботажные плавания были в основном в направлении портов Восточного побережья: Ньюкасла, Гулля, Ярмута и Колчестера. Меньшая часть таких плаваний приходилась на Запад, а именно в Бристоль и Честер[25]. Развивался и сухопутный транспорт (новые повозки, дороги, мосты и т.п.). Его возможности за период 1500-1700 гг. выросли в 3 или 4 раза[26]. Однако большинство грузов внутренней торговли Лондона перевозилось более дешевым речным и каботажным транспортом.

Важной особенностью торговли Лондона являлась не только многочисленность его купцов, но и их богатство. Почти 2/5 олдерменов, избранных в первой четверти XVII в., имели состояние в 20 тыс. ф. и более[27]. Эти богатства были накоплены не только от заморской, но и от внутренней торговли. В провинции же состояния, составляющие более 10 тыс.ф., были очень редки до 1700 г., за исключением состояний некоторых удачливых купцов Бристоля и сукноделов Юго-Запада[28].

Конечно, количество торговцев относительно всего населения Лондона было невелико. Однако они предоставляли значительное количество рабочих мест для обслуживания их контор, складов и рынков: Блэквелхолл - для сукна, Лиденхолл - для кож и др. К концу XVII в. торговлю обслуживала 1/4 часть рабочей силы столицы[29].

В лондонском порту в конце XVII в. существовало 19 специализированных гаваней по приему продовольствия, стройматериалов, сырья для городской промышленности и более всего угля, чей импорт вырос в 15 раз с 1580-х гг. до конца XVII в.[30] Рост морской торговли стимулировал судостроение, которое стало бурно расти с конца XVI в. по берегам Темзы в крупных и мелких доках[31]. Тоннаж кораблей, принадлежащих Лондону, вырос с 12300 т в 1582 г. до 35 тыс.т. в 1629 г., и до 150 тыс.т. в 1686 г., т.е. более чем в 12 раз, а количество моряков увеличилось в 10 или более раз, достигнув 12 тыс. человек. К ним следует добавить около 10 тыс. рабочих, занятых в погрузочно-разгрузочных работах, ремонте и обеспечении кораблей[32]. Доля населения, чья занятость косвенно зависела от порта, конечно, была еще больше, и, без сомнения, торговое мореплавание и связанные с ним отрасли являлись ведущим сектором городской экономики.

Колониальная торговля вызвала к жизни новые отрасли производства, в частности, сахароварение, которое еще в середине XVI в. возникло на восточной окраине Лондона[33]. В то же время продолжали процветать старые ремесла, производящие предметы роскоши - их продукция пользовалась растущим спросом среди многочисленной знати и богатых купцов Лондона. Большая часть этих ремесел имела небольшой уровень производства в столице, но во многих случаях эти ремесленники занимали монополию в снабжении национального рынка. С появлением новых видов роскоши преимущество Лондона стало преобладающим. Например, в 1568 г. начали изготавливать венецианское стекло, но его производство до второй половины XVII в. ограничивалось только рамками Лондона[34]. Шелка, часы, кареты в XVI в. также производились только в столице.

Следует отметить вклад иммигрантов-иностранцев в торгово-промышленный успех города. Во второй половине XVI- первой половине XVII в. их количество постоянно росло. Например, в 1567 г. их было около 2700 человек: из них - 2 тыс. фламандцев и более 400 французов, а в 1579 г. число иммигрантов удвоилось, достигнув 5 тыс. человек[35].

В Лондоне, конечно, продолжали существовать и обычные отрасли массового промышленного производства: текстильщики, кожевники, металлисты и строители. Однако в начале XVII в. сукноделы и металлисты пострадали, встретив конкуренцию со стороны новых промышленных центров, где зарплата ниже, а объемы производства больше[36]. Портные были разбросаны по всему Лондону и составляли 1/5 всех ремесленников[37]. Кожевенное производство в столице было хорошо развито: в XVII в. в городе производилось 10% всей кожи в стране[38]. Такой большой объем этого производства в Лондоне объясняется еще и тем, что столица являлась главным рынком торговли скотом, которая составляла 16,4% от общенационального объема[39]. В результате огромного потребления мяса Лондон был основным поставщиком сырых шкур, и он же потреблял значительную их часть. Кроме того, город экспортировал эти шкуры.

Ремесленные гильдии Лондона испытывали те же процессы, что и в провинциальных городах и даже в более резкой форме. Многие из них переходили под покровительство крупных ливрейных компаний, которые контролировали рынки сырья и сбыта для ремесленников. Например, на рубеже XV-XVI вв. лондонские кожевники попали под контроль компании торговцев кожами[40].

Размещение промышленности в столице имело свои особенности. Из-за высокой стоимости рабочей силы, земельной ренты, муниципальных и цеховых

ограничений производство переходило на окраины, где было предложение рабочей силы иммигрантов, отсутствие регулирования и вода для некоторых отраслей, которые нуждались в ней. Например, в 1614 г. 3000 кожевников находились вне стен столицы, располагась на окраинах, и только 40 человек остались внутри города[41]. Некоторые ее отрасли мигрировали в провинцию, где можно было сократить производственные издержки, благодаря близости сырья и более дешевой рабочей силы. Например, трикотажное производство перешло в Ноттингемшир и соседние графства, обувщики - в Нортгемптоншир, а шелкоткачество - в северный Эссекс[42]. Однако это были исключения. Лондон продолжал оставаться не только крупнейшим торговым городом в стране, но и таким же промышленным центром.

Строители в городе всегда имели поле для своей деятельности, несмотря на прокламации городских властей и акты правительства против застройки быстро растущих окраин в конце XVI в.[43] В начале XVII в. на северных и северо-восточных окраинах столицы выросли кирпичные и черепичные мастерские, в которых работало большинство неквалифицированных иммигрантов. Их количество особенно увеличилось в последней трети XVII в. после Великого пожара 1666 г., уничтожившего 13200 домов и 48 церквей[44].

В столице появились сотни гостиниц, пивных, трактиров, кофеен, где были заняты тысячи людей. Сфера обслуживания стала еще одним быстро растущим сектором городской экономики - это разнообразные обслуживающие занятия. Увеличение объема судебных дел вызвало рост числа юристов. Тем более, что столица являлась центром королевских судов и различных судебных палат. Например, количество жалоб в палату Королевской скамьи в XVI в. увеличилось в 10 раз[45], а число адвокатов, записанных в Суде Общих жалоб, выросло за период с 1578 по 1633 гг. с 342 до 1383 человек[46], т.е. в 4 раза. Нет сомнений, что лондонские юридические службы были доходным делом в рассматриваемый нами период. Увеличилось количество и других умственных профессий (врачей, учителей, писцов, аптекарей и т.п.).

Образ жизни в столице стал привлекать многих провинциалов. В XVI в. все большее число представителей провинциальной элиты приобретало и арендовало дома в столице. В 1597 г. 118 представителей знати и дворян постоянно проживали в Лондоне, и большинство из них на западной окраине города, а в 1630-е гг. около сотни пэров и несколько сотен джентри жили в столице[47]. Здесь они тратили от 1/3 до 1/2 доходов со своих поместий, находящихся в провинции[48]. Такой большой наплыв дворян в столицу беспокоил правительство: частично по политическим причинам, частично из-за перенаселенности и по экономическим аспектам: правительство было обеспокоено падением спроса на местную продукцию со стороны провинциальных джентри. Поэтому Яков I в 1617 г. издал указ (Карл I повторил его в 1632 г.), по которому все дворяне, не имевшие собственных домов в Лондоне, должны были вернуться в свои поместья[49]. Однако строительство фешенебельных особняков не прекращалось до начала революции, и оно возобновилось в Уэст-Энде во время Реставрации[50].

Развитие Уэст-Энда, где находились королевский двор и парламент с концентрирующейся вокруг них правящей элитой, подчеркивало социальную и имущественную сегрегацию внутри большого Лондона. Владельцы дворцов Уэст-Энда имели доход 3 или более тыс. ф. в год, а иммигранты-рабочие и моряки Ист-Энда только несколько шиллингов в месяц[51]. Исследование Р.Грэссби[52] показывает, что примерно 5% фрименов Лондона, умерших в 1678-

1693 гг., имели состояние более 5 тыс.ф., а такие крупнейшие торговцы, как Д.Бэнс и И.Чилд, - более 100 тыс.ф. За этой узкой элитой шла большая группа фрименов с состоянием 1-5 тыс.ф., которые бы стояли на верхушке торговой элиты большинства провинциальных городов. За ними - горожане с менее 100 ф., но в основе имущественной пирамиды стояло большинство ремесленников и рабочих, живущих в перенаселенных окраинах. Эта резкая имущественная дифференциация отражалась на топографии расселения в городе. Существовали богатые центральные приходы и бедные, располагавшиеся на окраинах. Социальная напряженность являлась следствием имущественной и социальной поляризации. Голодные бунты учеников и рабочих были постоянной заботой правительства в XVI-XVII вв.[53]

В XVII в. столица переросла административные и политические границы, концентрировавшиеся в старом городе. Центральные приходы управлялись лучше, чем периферия. Городской магистрат не делал попыток расширить свою юрисдикцию на новые окраины на севере, востоке и западе столицы. В результате, значительная часть Лондона управлялась союзом приходских, манориальных и местных властей графства Миддлсекс.

Итак, рост Лондона является одним из важных аспектов тех изменений, которые происходили в английском обществе XVI-XVII вв. Одним из первоначальных факторов его бурного развития была та разнообразная экономика, которая существовала в городе в XIV-XV вв. Уже тогда она занимала более сильные позиции, чем большинство ее провинциальных конкурентов. По стандартам средневековой Европы Лондон в конце XV в. считался крупным городом второго ранга, не сравнимым с Парижем, Римом, Неаполем или Миланом. Через два века он стал самым крупным городом Западной Европы.

---

[1] Кузнецов Е.В. Лондонская гильдия торговцев тканями //СВ. Вып. 31, 1968; он же, «Купцы-авантюристы» Лондона (страницы ранней истории) //Проблемы разложения феодализма и генезиса капитализма в Англии. Горький, 1980.

[2] Яброва М.М. Зарождение раннекапиталистических отношений в английском городе (Лондон XIV – начала XVI вв.). Саратов, 1984.

[3] Штокмар В.В. Очерки по истории Англии XVI века. Л., 1957.

[4] Самаркин В.В. Историческая география Западной Европы в средние века. М., 1976. С. 105.

[5] Patten J. English Towns, 1500-1700. Folkstone,1978. P.183.

[6] Palliser D. The Age of Elizabeth. L.,1984. P.203,213; Patten J. Op.cit. P.102,103,106; Clarkson L.A. The Pre-industrial economy of England, 1500-1750. L.,1971. P.47.

[7] Palliser D. Op.cit. P.214.

[8] Patten J. Op.cit. P.123.

[9] Stow J. Survey of London. L.,1956. P.126,161,163.

[10] Patten J. Op.cit. P.133.

[11] Clark P., Slack P. English Towns in transition, 1500-1700. L.,1976. P.63.

[12] Wrigley E. People,Cities and Wealth. Ox.1987. P.162.

[13] Clarkson L. op.cit. P.32; Patten J. Op.cit. P.133.

[14] Patten J. Op.cit. P.133.

[15] Clark P., Slack P. Op.cit. P.64.

[16] Ibid.

[17] Patten J. Op.cit. P.101.
[18] Hoskins W. Local History in England. L.,1959. P.167.
[19] Clay C. Economic Expansion and Social Change: England 1500-1700. Cambridge,1984 V.I. P.197.
[20] Ibid. P.199.
[21] Gould D. The Great Debasement. Oxford,1970. P.120,136.
[22] Palliser D. Op.cit. P.279.
[23] Clay C. Op.cit. V.I. P.200.
[24] Clark P., Slack P. Op.cit. P.66.
[25] William T. English coasting trade, 1660-1750. Manchester,1938. P.203-207.
[26] Charters J. Internal trade in England, 1500-1700. L.; Basingstoke,1977. P.41.
[27] Stone L. The Crisis of the Aristocrasy, 1558-1641. Oxford,1965. P.585-586.
[28] Clay C. Op.cit. V.I. P.201.
[29] Davis R. The Rise of English Shipping Industry in the 17-th - 18-th centuries. L., N.Y.1962. P.156,390.
[30] Coleman D. Industry in Tudor and Stuart England. L.,1975. P.47.
[31] VCH of Middlesex. L.,1911. V.2. P.132.
[32] Davis R. Op.cit. P.25, 33-35, 58-60.
[33] VCH of Middlesex. V.2. P.130.
[34] Clay C. Op.cit. V.I. P.209.
[35] Trease G. London. A concise history. L.,1975. P.95.
[36] Clark P., Slack P. Op.cit. P.68.
[37] Ramsay G. The City of London in the International Politics at the accession of Elizabeth Tudor. L.,1975. P.12.
[38] Clarkson L. Op.cit. P.93.
[39] Charters J. Op.cit. P.21,31.
[40] Coleman D. Op.cit. P.21.
[41] Unwin G. Industrial Organisation in the I6-th and 17-th centuries. Oxford,1904. P.128.
[42] Plummer A. The London Weavers Company. L.,1972. P.8-9.
[43] Например, по акту 1593 г. было ограничено строительство новых домов в городе и на окраинах и запрещено проводить огораживания общинных земель радиусом в 3 мили от городских стен.
[44] Clay C. Op.cit. V.I. P.208.
[45] Stone L. Op.cit. P.240.
[46] Clark P., Slack P. Op.cit. P.68.
[47] Palliser D. Op.cit. P.212; Clay C. Op.cit. V.I. P.205.
[48] Clark P., Slack P. Op.cit. P.70.
[49] Trease G. Op.cit. P.128.
[50] Stone L. Op.cit. P.385,398.
[51] Clark P., Slack P. Op.cit. P.69.
[52] Grassby R. The personal wealth of the business community in the 17-th century England//EcHR 1970. V.XXII. N2.
[53] Clark P., Slack P. Op.cit. P.71.

Ю.Е. Ивонин

НАЦИЯ И ГОСУДАРСТВО ВО ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ АНГЛИЙСКОГО АБСОЛЮТИЗМА

В политической жизни Западной Европы XVI в. определяющее место занимала борьба трех тенденций в государственном и международном развитии:

) к формированию национальных государств, представленным прежде всего Англией и Францией; 2) к сохранению феодального строя в форме наднациональной всеевропейской универсальной монархии под властью династии Габсбургов; 3) к локальной государственности, характерной для территориальных княжеств и городов-государств Италии и Германии. Процесс формирования национальных государств в форме абсолютных монархий вызвал к жизни новые межгосударственные отношения, пришедшие на смену господствовавшим ранее отношениям между феодальными владетелями. В основу их был положен «государственный интерес» как высший принцип внутренней и внешней политики. В условиях господства феодальных монархий «государственный интерес» неизбежно отождествлялся с дворянско-династическими интересами как интересами господствующих социальных и политических группировок в целом. Вместе с тем во внешней политике феодальных монархий в большей или меньшей степени чувствуются интересы поднимающейся буржуазии[1].

Естественно, что в условиях формирования национальных государств как в их непосредственной внешнеполитической деятельности, так и в политической теории, начинают возникать представления о роли нации и государства во внешней политике, их соотношении и т.д. Формирующиеся национальные дипломатии прямо или косвенно ставят во главу угла защиту интересов национальных государств. С этой точки зрения весьма показательным является пример Англии. Доминировавшие ранее в ее внешней политике дворянско-династические интересы постепенно, но достаточно отчетливо, начинают уступать место интересам национальным[2].

В многочисленных работах английских и американских историков, посвященных различным сюжетам внешней политики Англии XVI-начала XVII вв., вопросу о теоретической модели внешнеполитической концепции английского абсолютизма уделяется мало внимания. В зарубежной историографии вообще утвердилось мнение, отмечавшееся в отечественной литературе, что становление Англии как европейской, а затем и мировой державы связано с периодом царствования Елизаветы I, прежде всего с ее политикой мира[3]. Именно интерпретации, можно даже сказать, рекламе традиционной английской политики «равновесия сил», обусловленной островным положением страны и ее недостаточным военным потенциалом, посвящена большая часть этих работ. Посредничество Англии в отношениях между Францией и Габсбургами во времена Генриха VII и Генриха VIII, антииспанская политика Елизаветы I, склонность к компромиссам Якова I объясняются по большей части личными интересами и настроениями монархов. Место нации и государства во внешнеполитической концепции английского абсолютизма в существующей специальной литературе намечено лишь в самых общих контурах[4].

Отдельно следует сказать о работах ведущего в Англии специалиста по английской внешней политике XVI в. Р. Уэрнема, выпустившего три книги по этим сюжетам. В книге «Формирование елизаветинской внешней политики 1558-1603 гг.» Уэрнем подчеркивает, что в главных своих направлениях внешняя политика Англии была внешней политикой самой королевы Елизаветы[5]. Но затем Уэрнем конкретизирует свое главное положение и тем самым смягчает впечатление от его односторонности. Он замечает, что национальная политика Англии формировалась равным образом как политическими и экономическими обстоятельствами, как волей королевы или советами ее приближенных, так и интересами торговли или религии[6]. В своей последней книге Уэрнем, прямо

нигде об этом не говоря, сместил акценты от личной политики королевы Елизаветы к политике английского государства, в чем можно усматривать влияние этатистских представлений[7]. Они серьезно сказываются и на последних публикациях в солидных английских исторических журналах[8].

Раннее по сравнению с другими государствами усиление национальных интересов во внешней политике Англии и их зачастую неосознанное выражение монархами в политической практике объясняется стремительным развитием капиталистических отношений в стране. Выразителем интересов нации и государства в политической идеологии того времени, как правило, выступал парламент, но на практике монополией на политическую власть обладала абсолютная монархия, и только в конце царствования Елизаветы I, когда укрепились капиталистические элементы, начался конфликт между монархией и парламентом[9].

В написанном в начале XVI в. трактате Эдмунда Дэдли «Древо государства» настойчиво проводится мысль об укреплении власти короля в английском государстве. Согласно взглядам Дэдли, «общее благо» жителей страны может быть достигнуто только волей монарха ..[10] Отсюда напрашивается мысль о выражении королем в своей политике, в том числе и внешней, интересов государства и нации, т.е. «common-wealth». В середине 50-х гг. XVI в. при воцарении на английском престоле происпански настроенной католической королевы Марии Тюдор, в английском обществе усилились тираноборческие идеи. Распространение этих идей свидетельствовало о развивавшемся в XVI в. в рамках абсолютистского государства процессе образования английской буржуазной нации[11]. Политическая мысль Англии от Фортескью до Понета и Гудмена хорошо показывает, что в период образования и развития абсолютной монархии значительная часть как дворянства, так и буржуазии была прямо заинтересована в торжестве сильной королевской власти в стране[12]. Немудрено, что для них понятия нации, государства и короля в политике могли прямо идентифицироваться.

Создание англиканской церкви (Ecclesia Anglicana) сопровождалось подчеркиванием национального характера[13].

Рассмотрим несколько небольших упоминаний о принципах внешней политики английского абсолютизма, которые содержатся в произведениях исторического жанра, а также в некоторых других произведениях современников, докладных записках, письмах. В первую очередь следует упомянуть «Английскую историю» итальянского гуманиста Полидора Вергилия, долгое время жившего в Англии. Характеризуя внешнюю политику Генриха VII, Полидор отмечает, что этот король опасался одновременно быть втянутым во внутренние и внешние войны и был убежден, что, будучи свободным от внешних войн, сможет быть лучше подготовленным к любым внутренним мятежам[14]. Это и понятно, поскольку большая часть его царствования прошла в атмосфере непрерывных йоркистских мятежей и антиналоговых народных выступлений[15].

Одним из родоначальников английской политики «равновесия сил», как известно, является Генрих VII. Чем же определялись основы этой политики, во всяком случае, ее причины во время царствования этого короля? Интересное объяснение этого вопроса предложил в начале XVII в. великий английский философ Ф. Бэкон, автор «Истории царствования Генриха VII». Бэкон писал о Генрихе VII: «Воинскую славу он любил, но не ее результаты, ибо одна война делала его богаче, а другая беднее: им владел тайный страх перед собственным народом, которому он мог вложить в руки оружие»[16]. Бэкон, оценивая события

международной жизни конца XV - начала XVI вв., выступает как сторонник государственной централизации[17], демонстрирует глубокое понимание внешнеполитической концепции английского абсолютизма. Примечательно, что Бэкон видел, как экономические интересы отдельных слоев общества оказывали влияние на внешнюю политику английской монархии.

Рассмотрим еще одно свидетельство современника, на этот раз анонимного. В 1535-1536 гг. был написан анонимный трактат «Как реформировать королевство», одна из главных идей которого заключалась в том, что для процветания королевства следует расширить торговлю с иностранцами, вытеснить нидерландские сукна из Германии, сократив тем самым приток испанской шерсти в Северную и Центральную Европу, вследствие чего увеличатся доходы королевства и его подданных[18]. Любопытно, что эти идеи находились в русле высказанных еще в 1523 г. в речи в парламенте планов крупнейшего государственного деятеля Англии в 30-х гг. XVI в. Кромвеля. Собственно, в этих планах торговля занимала основное место в обосновании политики «равновесия сил»[19]. Здесь место нации и государства во внешнеполитической концепции прослеживается достаточно четко.

Но на практике рецидивы типично феодально-династической внешней политики в действиях Генриха VII и Генриха VIII встречались очень часто. Это обстоятельство мы неоднократно подчеркивали в монографии об англо-габсбургских отношениях конца XV- первой половины XVI вв.[20] На эту же черту политики Генриха VIII в отношении Франции обратил внимание и английский историк С.Ганн в статье «Французские войны Генриха VIII», опубликованной в 1987 г. в сборнике «Происхождение войны в Европе раннего нового времени» под редакцией Дж.Блека. Он отметил, что в это время сохранялись многочисленные независимые феодальные анклавы, само существование которых толкало крупные государства на экспансию или провоцировало неожиданные войны. В этих ситуациях Генрих VIII выбирал войну, хотя войны приносили ему мало приобретений, скорее они были для него средством приобретения рыцарской славы. Конечно, он вел борьбу за расширение власти своей династии, но над ним также витали тени рыцарственных предков[21].

Весьма интересна программа внешней политики Англии, составленная незадолго до смерти Генриха VIII королевским секретарем Уильямом Пэджетом. Согласно его докладной записке главным направлением дипломатии Лондона должно было стать поддержание соперничества между Францией и Империей, тем более, что ни одну из соперничавших сторон Пэджет не рассматривал как надежного союзника Англии. Пэджет также считал, что, хотя протестанты Германии и Балтийского региона просят о помощи для борьбы с Империей, союз с ними может привести к заключению антианглийского альянса Франции и Империи. Следовательно, по мнению Пэджета, наилучший для Англии внешнеполитический курс должен был состоять в поисках согласия между императором и протестантскими князьями и помощи англичанам со стороны императора в случае нападения Франции на Булонь. Согласно докладной записке Пэджета, Англии также необходимо стремиться усилить германских князей, чтобы обеспечить базу для возможного союза с ними, если император отвергнет английские предложения[22]. Хотя в этом документе прямо и не говорится об интересах нации и государства, сама по себе его направленность достаточно очевидна в смысле защиты интересов не просто монархии, а нации и государства во внешней политике страны.

Как раз осуществление этих принципов и помогло во второй половине XVI в. Елизавете сочетать интересы нации, государства и монархии в своей внешнеполитической деятельности. Елизавета I Тюдор была прагматиком до мозга костей и не смешивала государственную политику с религией и тем более не ставила религию на первое место, а государство на второе[23]. Вместе с тем основные принципы внешней политики не были определены ни в теории, ни на практике, что порождало не только у испанского короля Филиппа II, австрийских Габсбургов, но и римского папы Пия IV иллюзии относительно возможности заключения династического брака между Елизаветой и кем-либо из католиков-Габсбургов, а также возможности возвращения английской королевы в лоно католической церкви[24].

В первом же внешнеполитическом документе, составленном главой елизаветинского правительства сэром Уильямом Сесилем, отмечалась необходимость обеспечения безопасности всех земель королевства, которым могли угрожать Франция и Шотландия. Английское правительство попыталось привлечь к своей шотландской политике и Нидерланды. Однако Государственный Совет Нидерландов, находившийся под влиянием Филиппа II, признал такой шаг нежелательным и не служащим интересам страны, поскольку мог нарушить торговлю и ловлю сельди в Северном море. Надежды Елизаветы на поддержку Испании против Франции оказались напрасными, поскольку брак Филиппа II и Елизаветы Валуа подразумевал примирение между испанской и французской монархиями. В этой ситуации правительству Елизаветы пришлось вырабатывать новый внешнеполитический курс, который в основных чертах определился в 1561-1562 гг. Он основывался на поддержке внутренних беспорядков в странах-противницах и соседях с тем, чтобы те не могли вмешиваться в дела Англии[25]. Полностью новым его, правда, не назовешь, поскольку политика «равновесия сил» времен Генриха VIII во многом исходила из этих же принципов. В политике Елизаветы наиболее последовательной была поддержка протестантов в других странах Европы. Эта политика была не только оборонительной, как могло бы показаться на первый взгляд, но и диктовалась экспансионистскими устремлениями нового дворянства и буржуазии[26].

Елизавета рассматривала мятеж против королевской власти как посягательство на богом установленный порядок. Но политические задачи диктовали свои условия, поэтому отношение Елизаветы к кальвинистам в Нидерландах, Франции и Шотландии было достаточно сложным. Государственные интересы, разумеется, стояли здесь на первом плане. Английская королева стремилась максимально ослабить своих врагов и в то же время поставить протестантов в зависимость от своей помощи, оказываемой ею в самые критические для них моменты. Кроме того, английское правительство не хотело терять традиционные экономические связи в Нидерландах. Испанское же военное присутствие в этой стране беспокоило Елизавету. Кроме того, Елизавета выступала иной раз в качестве арбитра при возникновении конфликтов между различными ветвями протестантизма. Образцом такой дипломатической линии можно считать, например, ее обращение к курфюрсту Людвигу Пфальцскому в августе 1577 г. с призывом способствовать примирению лютеран и цвинглиан в Германии[27].

Примером практического осуществления приоритетного положения нации и государства во внешнеполитической концепции английского абсолютизма второй половины XVI в. является политика Англии в Юго-Восточной Европе, довольно подробно освещенная А.И.Сычем[28].

Любопытен и такой эпизод. Посланный Елизаветой ко двору императора Рудольфа II для участия в военных действиях против турок Томас Орундел проявил себя храбрым воином. Император даровал ему титул графа. Королева не хотела, чтобы ее подданные принимали титулы от иностранных государей, и предложила Оруделу отказаться от титула. Тот написал Уильяму Сесилю (графу Берли), что если бы королеве самой пришлось отказаться от этого титула, это могло бы произвести неблагоприятное впечатление на германских князей. Пришлось Елизавете написать императору письмо с объяснением своего отношения к этому делу[29].

Ярчайшим образцом осуществления на практике единства понятий «нация» и «государство» во внешней политике Англии конца XVI в. является англо-испанское соперничество и особенно момент с историей поражения испанской Армады 1588 г. Но об этом слишком много написано как в зарубежной, так и в отечественной литературе. Поэтому обратимся еще к одному интересному сюжету.

Как умная и проницательная правительница, Елизавета, естественно, должна была заботиться об утверждении своего имиджа в народе. Будучи незамужней, что в те времена считалось для правительницы и королевы чем-то из ряда вон выходящим, она создавала культ «королевы-девственницы и матери»[30]. Важным шагом на пути создания культа королевы-защитницы национального единства была речь Елизаветы перед ее войсками в Тилбери в то время, как испанская Армада 1588 г. находилась у берегов Англии. Этот сюжет получил интересную интерпретацию в статье американской исследовательницы Сюзан Фрай. 8-9 августа 1588 г. королева появилась перед спешно набранной сухопутной армией в Тилбери, когда еще не было известно, что Армаду сносит морскими ветрами к Шотландии. Там она произнесла пламенную речь, оставшуюся в двух опубликованных в XVII в. вариантах (1612 и 1614 гг.). Поскольку сам оригинальный текст не сохранился, наиболее полным и правдоподобным считается опубликованный в 1654 г. вариант в виде письма некоего доктора Шарпа герцогу Бекингему, когда тот отправлялся в 1623 г. на переговоры в Испанию о заключении брака между будущим королем Карлом I и испанской инфантой. Содержание письма как бы символизировало героический протестантизм Елизаветы как пример в деле защиты веры и нации. Но еще в 1612 г. был опубликован первый вариант речи Елизаветы при Тилбери, издателем которого был Лей. Анализируя оба текста, американская исследовательница приходит к выводу о том, что последующие поколения историков и биографов Елизаветы создали миф о Елизавете в Тилбери, символизирующий растущую военную и политическую мощь Англии. Речь в Тилбери стала идеальным поводом для того, чтобы связать образ Елизаветы с поражением Испанской Армады и создать миф о том, что девственность Елизаветы сделала ее неуязвимой перед угрозой натиска мужского войска, а ее добродетель стала ассоциироваться с процветанием Англии во время ее царствования. Интерпретация образа Елизаветы при Тилбери, замечает Фрай, варьировалась в различные времена в зависимости от обстоятельств. Для антироялистов XVII в. защитники монархии преподносили Елизавету как носительницу национального единства. Вспомнили образ Елизаветы при Тилбери и во время Второй Мировой войны[31].

К концу XVI - началу XVII вв., особенно при первых Стюартах, вследствие внутренних политических процессов, когда потребности социального развития английского общества вступили в противоречие с абсолютной монархией,

наблюдается смещение акцентов в теоретическом обосновании внешней политики английского абсолютизма. Уже в речах и теоретических работах Якова I заметна тенденция к укреплению власти короля, выходящей за рамки абсолютизма. Поэтому даже во внешнеполитической фразеологии этот король опускал понятия нации и государства[32]. Например, в письме спикеру Палаты общин от 3 декабря 1621 г. Яков I совершенно откровенно указывал, что «настоящим мы предписываем вам уведомить палату от нашего имени, что никто из ее членов отныне не может присваивать себе права вмешиваться в дела относительно нашего управления ...»[33]

Внешняя политика не только на практике, но и в теории становится исключительно прерогативой одного короля, что свидетельствует, если исходить из особенностей развития английского абсолютизма, скорее о его кризисе.

Таким образом, нация и государство занимали известное место во внешнеполитической концепции английского абсолютизма во время его зарождения и расцвета, отражая тем самым процесс возникновения английской нации. Можно даже говорить об их отождествлении. В то же время, когда интересы абсолютной монархии и поднимающихся классов буржуазии и нового дворянства пришли в противоречие, во внешнеполитической концепции английского абсолютизма, во всяком случае, в ее теоретическом обосновании, уже не находилось более места для понятий нации и государства.

---

[1] Нарочницкий А.Л. О теории и методологии истории международных отношений // Вопросы истории, 1979, № 2. С.66 ; Сказкин С.Д. Международные отношения в Европе в конце XV - первой половине XVI в. // Сказкин С.Д. Из истории социально-политической и духовной жизни Западной Европы в средние века. М.1981. С.141-145; Ивонин Ю.Е. Имперская идея и проблема государственности в Западной Европе XVI в. // Вопросы истории. 1993. № 6.

[2] Ивонин Ю.Е. Становление европейской системы государств. Англия и Габсбурги на рубеже двух эпох. Минск. 1989. С.180,185.

[3] Демин О.Б. Из предыстории становления внешней политики Англии нового времени // Проблемы новой и новейшей истории. М.1979. С.182.

[4] Merriman R. Life and Letters of Thomas Cromwell. Vol.I. Oxford.1902. PP.214; Fowler E. English sea power in the early Tudor period 1485-1588. Ithaka; N.Y.1965. PP.19-20; Slavim A. The precarious balance. English government and society. N.Y.1973. PP.105-106,200; Elton G. England under the Tudors. L.1956; Mackie J. The earlier Tudors 1485-1588. Oxford.1957; Morris C. The Tudors. L.1970; Bindoff S. Tudor England. Harmondworth.1977; Wernham R. Before the Armada. The Growth of Englisn Foreign Policy 1485-1588. L.1966. PP.11-12,22; ejusdem. The making of elizabethan foreign policy 1588-1603. Berkeley; Los Angeles; L.1980. PP.22; ejusdem. After the Armada. Elizabethan England and the struggle for Western Europe 1588-1595. Oxford.1985.P.VII; Crowson P. Tudor foreign policy. L.1973. P.7-8,74,158,160.

[5] Wernham R. The Making ... P.4.

[6] Ibid. P.22.

[7] Wernham R. After the Armada ...; Doran S. Religion and politics at the court of Elizabeth I: the Habsburg marriage negotiations of 1559-1567 // The English Historical Review. Vol.CIV, N 413, 1989; Horie H. The lutheran influence on the elizabethan settlement, 1558-1563 // The Historical Journal, 1991, N 3; Sutherland N. The origins of the Thirty Years war and the structure of european policy // The English Historical Review, N 424, 1992.

[8] Каменецкий Б.А. Идейно-политическая борьба в Англии в 30-х-50-х гг. XVI в. (К вопросу об идеологической стороне генезиса капитализма). // Средние века, вып.40. М.1976. С.136.

[9] Каменецкий Б.А. Идейная борьба в Англии в период кризиса абсолютизма (конец XVI-начало XVII в.) Политико-юридический аспект // Средние века. Вып.43. М.1980. С.166.

[10] Кантемирова Т.А. Общественно-политические взгляды Э.Дэдли. - Ученые записки Горьковского университета. Вып.88. Ч.1 (серия историко-филологическая). Горький. 1988. С.127,142; Сапрыкин Ю.М. Эдмунд Дадли и его идеи реформы церкви в Англии. //Культура эпохи Возрождения и Реформация. Л.1981. С.213.

[11] Сапрыкин Ю.М. От Чосера до Шекспира: этические и политические идеи в Англии. М.1985. С.124.

[12] Там же. С.91.

[13] Ивонин Ю.Е. О характере Реформации Генриха VIII. // Проблемы социальной структуры и идеологии средневекового общества. Вып.3. Л.1980. С.91-92.

[14] The Anglica Historia of Polydore Vergil, ed. by D.Hay. L.1950. P.59.

[15] Кузнецов Е.В. Народные восстания в Англии последних лет XV века. // Научные доклады высшей школы. Исторические науки. 1959. № 1. С.150-171.

[16] Bacon's History of the reign of king Henry VII. Cambridge. 1889. P. 46.

[17] Карев В.М. К вопросу о взглядах Френсиса Бэкона на английскую историю /история и политика в «Истории Генриха VII»/. // Средние века. Вып.38. М.1975. С.273-275.

[18] Tudor economic documents, ed. by R.Tawney and E.Power. Vol.III. L.1924. P.115-129.

[19] Lipson E. The economic history of England. Vol.I. L.1947. P.581-582, 589; Wilding P.Thomas Cromwell. L.; Toronto. 1935. P.123.

[20] Ивонин Ю.Е. Становление ... С.32,34, 53-54, 180.

[21] Gunn S. The french wars of Henry VIII // The origins of wars in early modern Europe/Ed. by J.Black. Edinburgh. 1987. P.29,47.

[22] См. Jordan W. Edward VI: the young king. The protectorship of the duke of Somerset. L.1968. P.230-231.

[23] Black J. The reign of Elizabeth. Oxford. 1945. P.21.

[24] См.подробнее Ю.Е:Ивонин. Становление. С.166-173.

[25] Демин О.Б. Из предыстории ... С.185-186.

[26] Там же. С.196.

[27] Kouri E. Elizabethan England and Europe: forty unprinted letters from Elizabeth I to protestant powers // Bulletin of the institute of historical research. Special supplement. N. 12. November 1982. P.32-33.

[28] Сыч А.И. Английская дипломатия и страны Восточной и Юго-Восточной Европы в конце XVI в. // Средние века, вып. 54. М. 1991. С.151-168.

[29] The letters of queen Elizabeth I / Ed. by G.Garrison. L.1968. P.242-243.

[30] Levin C. Power, politics and sexuality: Images of Elizabeth I // The politics of gender in early modern Europe / Ed. by J.Brink, A.Coudert and M.Horowitz. Kirksville. 1989. P.95-100.

[31] Frye S. The myth of Elizabeth at Tilbury // The sixteenth century journal.1992. N 1.

[32] Каменецкий Б.А. Идейная борьба ... С.172-173.

[33] Лавровский В.М. Сборник документов по истории Английской буржуазной революции XVII в. М.1973. С.90.

Е.В. Кузнецов, Г.Ш. Сагателян

НОНКОНФОРМИЗМ И ТОЛЕРАНТНОСТЬ В ТРУДАХ ТОМАСА БРАУНА

Книги подобно людям имеют свою судьбу. Как и люди, многие из них в начале жизни испытывают всеобщие внимание и любовь, а позднее их постигает холод всеобщего забвения. Типичным примером может служить небольшая англоязычная книжечка с латинским названием «Религия врача» (Religio Medici). Сейчас она не имеет читательского спроса. Однако так было не всегда. Книга вышла в Лондоне в 1642 г. без имени автора («анонимно»). Ее ожидал редкий успех. В том же году вышло ее второе издание. На следующий год - третье, исправленное, на титульном листе которого уже красовалось имя автора - Томас Браун (1605-1682). В короткий срок она была переведена на французский, немецкий, голландский, латинский языки. В многочисленных отзывах одни называли автора полукатоликом, другие причисляли его к «забывшим бога» богохульникам типа Ванини и Кампанеллы, третьи превозносили его терпимость, кротость и благоразумие[1].

Как часто бывает, крайние оценки следует отбросить. Миропонимание автора «Религии врача» вполне коррелируется, пожалуй, только со старшим по возрасту соотечественником Эдвардом Гербертом, лордом Чербери (1581-1648), уже довольно давно и прочно занявшим место в поле внимания религиоведов не только Запада, но и нашей страны[2]. Э.Герберт первый сформулировал полно и четко основные философские положения «деизма», который, признавая бога-творца («первопричина всего сущего»)[3] , лишает его функций «промыслителя», каждодневно корректирующего земные дела и мирскую жизнь.

В отличие от Герберта Браун был типичным представителем английской буржуазной интеллигенции. Молодость он провел не на полях сражений, а в учебных аудиториях и за письменным столом. Он изучал юриспруденцию, медицину, древние и новые языки, богословие в Англии, Франции, Италии. После получения в 1633 г. степени доктора медицины в Лейденском университете он прочно осел в древнем Нориче на востоке Англии, где счастливо и безбедно прожил до конца своей жизни, занимаясь врачебной практикой.

Браун предпочитал не вмешиваться в политическую борьбу, был лоялен к сильным мира сего и сочувствовал казненному Карлу I. Роялистские симпатии Брауна были оценены Карлом II, который пожаловал ему титул сэра. Любовь к науке, вера в творческие силы человеческого разума, которыми проникнуты его лучшие книги, сочетаются в нем с благоразумной осторожностью филистера.

Браун - единомышленник Герберта, хотя пути их к деизму различны. Браун - ученик Кардано, Парацельса и Галилея; многолетние занятия медициной и другими естественными науками дисциплинировали его ум, пробудили трезвое отношение ко всему, с чем он сталкивался в жизни. Теоретический багаж Герберта скуднее, но зато за его плечами большой опыт политика. Но и тот, и

другой равно чувствуют фальшь существующих вероучений, их вред для прогресса человеческого общества. Характерно, что в начале своей книги Браун роняет слова, которые мог бы сказать и его старший современник Гоббс: «Христианская церковь утратила свою «прирожденную красоту», дискредитировала себя из-за «дурных склонностей принцев, гордости и жадности прелатов и фатальной коррупции времени.»[4] Поэтому, по мнению Брауна, нужно реконструировать веру на основе принципов разума. Впрочем, он оговаривает, что признает и Священное писание, и предписания «святой англиканской церкви». Это осторожное «признание» не мешало практическому уму Брауна сомневаться в целесообразности веры в страшный суд и Воскресение. В этом вопросе он делает шаг вперед по сравнению с Гербертом: ад не страшит его и он отважно оправдывает Эпикура, Лукиана, Макиавелли и даже автора «Трактата о трех обманщиках», ибо взгляды этих мыслителей отнюдь-де не принадлежат к атеистическим доктринам. Проявляя такое малопонятное для верующего снисхождение к врагам религии, Браун внимательно следит за текстом Библии, не упуская случая продемонстрировать те или иные ее нелепости. В вопросе о происхождении человека Браун также склонялся к точке зрения античных философов, отвергая басни, изложенные в Библии.

Характерна для его взглядов проповедь религиозной терпимости. Прямым отзвуком окружающей его действительности звучат слова Брауна: «Каждая секта хочет занять ворота небес, вытеснить прочь другие»[5]. Браун протестует против избранности, исключительности приверженцев христианской религии и призывает быть милосердным к иноверцам и язычникам. От открыто пишет о том, что посещал католическую церковь, молился с католиками и даже «за них». В условиях той ненависти к католицизму, которую старательно культивировали у своей паствы англиканская церковь и многочисленные руководители сект, это выступление, бесспорно, делает честь мужеству Брауна.

Можно считать произведение Т. Брауна первым серьезным обсуждением проблем религиозной и религиозно-конфессиональной исключительности. Он выступает с идеями толерантности (терпимости). Для человека нашего времени они звучат привычно. О них уже немало опубликовано и будет публиковаться в различных (в том числе популярных) изданиях. Движимые идеями экуменической толерантности, представители различных религий, внутрирелигиозных конфессий выступают вместе по актуальным политическим и социальным вопросам. Однако, судя по «тиражным» показателям «Религии врача», в веротерпимости нуждались и многие люди (в первую очередь - интеллигенция) тех далеких годов XVII столетия, когда религиозная нетерпимость на большой земле Европы (Тридцатилетняя война) и малом острове (Великобритания), в заморских колониях, была парадигмой общественного бытия.

Т. Браун остался верен своим благородным и прогрессивным убеждениям до конца жизни. Свидетельством тому еще один его труд, «Pseudodoxia epidemica» (в вольном переводе - «Эпидемия ложного мнения»)[6]. Книга эта также имела успех, хотя и не столь большой, как первая. Известен ее немецкий

перевод 1650 г., французский 1733 г. В восьми главах книги английский врач убедительно и ярко развивает идеи своего великого соотечественника Ф.Бэкона, а также французского мыслителя П.Гассенди. Браун четко отграничивает теологические догмы и религиозные убеждения от «истин разума». От стремится искоренить сохранявшиеся еще в культурном обществе схоластические представления. Поэтому резко критикует Аристотеля, противопоставляя ему Эпикура, его здравую мораль. Интересна его мысль, что схоластическая тупость от сатаны, а светлый разум передовых идеологов его времени - божественный дар. Он позволяет себе сомневаться в некоторых положениях христианской традиции, основанных на библейских текстах. А с другой стороны, атеизм для него «величайшая ложь», но не преступление ... Пройдет совсем мало времени и Джон Голанд, опираясь на юридическую уловку своего предшественника, сделает шаг дальше и объявит атеизм - истиной.

Заканчивая, следует сказать, что книги Т. Брауна - один из эпизодов победного шествия рационализма. Богатство идей, тонкая логическая игра, которую они демонстрируют, дают надежду на внимание к ним в недалеком будущем.

---

[1] Mauthner F. Der Atheismus und seine Geschichte im Abendlande. B.II. - Stuttgart und Berlin. - 1922. - S. 391-392.

[2] См. любой справочник по атеизму 80-х гг. Например: Атеистический словарь. – М.1983. - С.532.

[3] См. подробнее: Кузнецов Е.В. Английский деизм//История свободомыслия и атеизма в Европе. Под ред.Н.П.Соколова. - М.1966. - С.106 и др.

[4] Brown Th. Religio Medici. - Cambridge.1952. - P.5.

[5] Brown Th. Religio Medici. - Cambridge.1952. - P.3.

[6] Перевод предложен Т.Г.Минеевой.

Г.В. Воронкова

ВОПРОСЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ В АНГЛИЙСКОМ ПАРЛАМЕНТЕ 90-Х ГГ. XVII В.

Данная тема мало изучена в отечественной историографии. Однако ее значение не только познавательное: ведь деятельность английского парламента при Вильгельме III Оранском интересна с точки зрения исторического опыта одной из ведущих капиталистических стран, для которой первое десятилетие после «славной» революции 1688 г. было трудным временем выбора пути экономического развития, борьбы между частно-предпринимательским и государственно-монопольным началами.

Ранее предпринятое нами исследование английского законодательства по вопросам внешнеторговой политики того времени позволило сделать некоторые выводы, важные для понимания борьбы в парламенте[1]. В частности, нам представляется существенным то, что доминирующим в тех законах было начало государственного протекционизма.

Источниками для изучения данной проблемы послужили материалы дебатов в Палате общин, тексты «протестов» и протоколы Палаты лордов[2]. В британской историографии до сих пор имеет хождение старая концепция о партиях «двора» и «страны» как истоках будущих вигов и тори, в том числе применительно ко времени Вильгельма III[3]. Не ставя себе задачи полного освещения этой проблемы и ее решения, мы постараемся проследить лишь некоторые моменты внутрипарламентской борьбы и рассмотрим материалы, касающиеся проектов оздоровления денежной системы, поощрения сукноделия и регулирования морской торговли.

Финансы и денежная система были предметом неоднократного обсуждения в обеих палатах парламента. В условиях войны с Францией, требовавшей все больших расходов, неизбежно вставал вопрос о наведении порядка в финансах, особенно в стандарте монеты, и преодолении инфляции, о поиске новых источников пополнения государственной казны.

Впервые после «славной» революции этот вопрос обсуждался в парламенте в 1690 г. Билль «Против экспорта золота и серебра и о переплавке монеты королевства», пройдя через Палату общин, в декабре поступил к лордам.[4] Интересно, что и на этой стадии продолжалась борьба между сторонниками и противниками билля, находившимися за стенами Вестминстера, но обращавшимися в палату лордов. Это были лондонские купцы и ювелиры. Информация протоколов скупа, однако ясно: по петиции купцов были заслушаны адвокаты обеих сторон. Противники билля (купцы) пытались доказать, что снижение курса серебряной монеты облегчит ее вывоз из страны, а это принесет большую выгоду для внешнеторговых операций[5]. В пользу билля выступили ювелиры[6] , хотя их аргументы не приведены. Во втором чтении билль рассматривался на комиссии всей палаты, к нему решили добавить некоторые статьи, но затем он был отложен по неясным причинам.

Однако нерешенность этого вопроса заставила парламент снова обратиться к нему в 1694-1695 гг. Тяжелыми последствиями торговле и государственной казне грозило стремительное падение курса английской серебряной монеты, которая в течение многих лет портилась, подвергалась обрезке. Но это зло держалось в секрете от общества, в то время как реальная стоимость пятифунтовой монеты упала до 40 шиллингов, т.е. в 2,5 раза[7]. В

январе 1694 г. стало ясно, что откладывать этот вопрос дальше нельзя: затягивалась война на континенте, был потерян ценный флот Левантийской компании[8]. Комиссия, созданная Палатой общин, внесла ряд предложений по обновлению монеты, находившейся в обращении. Суть была в том, чтобы собрать всю порченую монету и перечеканить ее на полноценную. Для обеспечения этого дела предлагались хорошо продуманные и решительные меры: предусматривалось возместить людям разницу при обмене, ввести наказание за нарушение обмена и порчу монеты, за вывоз из Англии слитков золота и серебра и т.д.

Палата общин пренебрегла этим докладом. Возможно, это связано с позицией части купечества, заинтересованного в спекулятивных сделках за рубежом, т.к. п.14 «Доклада» предусматривал наказание за подделку иностранных знаков на вывозимых из Англии слитках[9].

Лишь по инициативе Палаты лордов 19 марта 1694 г. появился билль «О предотвращении фальсификации и порчи монеты, находящейся в обращении в королевстве»[10]. После прохождения через обе палаты он был принят и стал законом, причем общины только после лордов обратились к ранее представленному докладу комиссии. Однако этим не был решен вопрос о целесообразности и способе перечеканки монеты. Он дискутировался снова в период с ноября 1694 г. по февраль 1695 г.[11] При этом в Палате общин отчетливо выявились две позиции. В публикации парламентских материалов У.Коббета эти группировки называются партиями «страны» и «двора», хотя не уточняется их состав.[12] Суть их позиций состояла в следующем.

Так называемая партия «страны» резко выступила против перечеканки монеты. Они мотивировали это тем, что страна истощена войной и положение народа ухудшится, если забрать серебро на перечеканку, а торговля встанет из-за недостатка платежных средств. Будет подорвана основа государства, и дело может дойти до крайнего возмущения народа, что является огромным риском.

Партия «двора», которую представлял канцлер казначейства Чарльз Монтегю, настаивала на скорейшем проведении перечеканки. Их аргументы были достаточно убедительными: если не провести эту меру, то пострадает денежный обмен за границей, а это отразится на содержании там английской армии. Монтегю считал опасным и массовый выброс голландцами на рынок подешевевшей английской монеты: ведь соседи не вернут ее англичанам по той цене, по которой берут. Только проведение перечеканки монеты могло, по его мнению, укрепить государство и заставить врагов пойти на более выгодные для Англии условия мира и поднять авторитет английского парламента.

Позиция «двора» победила, и решение о необходимости сбора и перечеканки монеты было принято. Это свидетельствует, на наш взгляд, о победе той части господствующего класса, которая была связана с госаппаратом, поставками армии и т.п., а не с частным предпринимательством.

Решение, принятое общинами 10 декабря 1694 г., закрепляло эту победу. В одном из выступлений было заявлено, что «народ переживет потерю резаных денег». Вскоре было принято обращение к королю, явно подтверждавшее связь проблемы с содержанием армии за границей. Поскольку оно шло за счет вывоза английской монеты и закупок в местах дислокации, то общины поставили вопрос о необходимости снабжения армии непосредственно из Англии и, соответственно, об освобождении этих вывозимых товаров от акциза и пошлин. Вильгельм III в ответ заверил, что это уже делается, и так будет дальше[13]

«Билль о регулировании чеканки монеты», подготовленный канцлером казначейства, проходил через палату общин в декабре 1694 г. и был принят без особых осложнений. Он предусматривал новый займ для создания фонда компенсации лицам, приносящим монету для перечеканки. Палата общин приняла решение собрать для этой цели 1,2 млн.ф.ст., хотя ранее речь шла только об 1 млн.ф.ст., за счет введения налога на жилье сроком на 7 лет[14].

Однако этим проблемы не кончились: краткий срок, установленный для сбора и перечеканки монеты, привел к угрозе паралича торговли. Поэтому 9 января 1695 г. общины приняли решение о дополнительных мерах поощрения сдачи порченой монеты. Так, вводилось вознаграждение за доставку полноценной монеты, серебра, разрешение платить налоги порченой монетой. В виде билля это решение прошло через Палату общин, только был добавлен запрет вывоза и переплавки монеты в слитки[15].

Казалось бы, дебаты в Палате общин решили вопрос окончательно, и лордам только осталось утвердить билль. Но этого не произошло. В Палате лордов страсти разгорелись не меньше. Билль оброс поправками, с которыми не согласилась Палата общин. Лорды внесли статью о необходимости приведения в порядок национальной монеты, но решили не настаивать на ней[16]. Однако пять пэров выразили особое мнение: данную статью надо оставить, так как общины позаботились лишь о части обращавшейся монеты - которая пойдет в уплату налогов, - а не обо всей массе, которая имеет хождение в королевстве. Этим пэры стремились подчеркнуть большую заботу о нуждах народа, чем, по их мнению, проявили общины.

Другое расхождение между лордами и общинами было по вопросу об экспорте монеты. В дополнительной статье лорды предложили узаконить его и освободить от пошлин, оформлять монету как обычный товар. Однако, ввиду сопротивления общин, решили не настаивать на этом. И снова двое пэров - граф Рочестер и граф Мальборо - высказали протест уступчивости своей палаты. Они стремились доказать необходимость свободного вывоза серебряных денег, мотивируя это возросшими расходами на армию, находящуюся за границей. Они считали, что перелить монету в слитки, разрешенные к вывозу, было бы пагубно для нации[17]. Они как будто не слышали решение общин о снабжении армии из Англии и обещания самого короля.

Итак, размежевание по денежным вопросам было в обеих палатах, причем победившая в данном вопросе партия «двора» Палаты общин не была поддержана всеми лордами. Рочестер, Мальборо и др. объективно содействовали, так называемой, партии «страны», которая, прикрываясь заботой о народе, преследовала собственные интересы. Ведь свободный вывоз монеты был выгоден тем, кто прикрывал свои спекулятивные операции за границей поставками английской армии.

В работах британских историков[18] победа Чарльза Монтегю, его назначение в 1697 г. первым лордом казначейства, создание в 1694 г. Английского банка представлены как победа вигов (хотя возражения этих «вигов» были не по сути, а по методам достижения цели). В этом случае виги отождествляются с партией «двора». Наверное, вряд ли уместно применять к этому периоду типичные для XVIII века понятия «вигов» и «тори». Государственный протекционизм во внешней торговле Англии в сочетании с мощным налоговым прессом создавали неустойчивость политических группировок, присущих обеим палатам. Вероятно, более приемлема в данном случае точка зрения Грэйвса и Силкока [19] о том, что при голосовании по разным вопросам эти группировки складывались заново.

Интересным материалом для размышления являются протоколы Палаты лордов. Правда, там отсутствуют тексты самих биллей и петиций, поступавших в палату. Но их содержание можно установить по окончательному тексту закона или косвенно. Обычно приводятся аргументы Палаты лордов в спорах с общинами по тому или иному вопросу. Мы попытались несколько систематизировать информацию о прохождении через Палату лордов некоторых биллей экономического содержания, касающихся внешней торговли, налогов, промышленности с апреля 1689 г. по декабрь 1691 г.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что одни билли проходили и утверждались быстро, без поправок и дискуссий, а другие проходили с трудом, вызывали споры в Палате лордов и между двумя палатами, возвращались на доработку в Палату общин (как рассмотренный выше билль о перечеканке монеты). Обычно в таких случаях в Палату лордов поступало много петиций от частных лиц или корпораций, заинтересованных в утверждении или отклонении билля, уже прошедшего через Палату общин. Наконец, в редких случаях (дважды) билли отвергались Палатой лордов сразу, на первом чтении.

Таким образом, веками отлаженная парламентская процедура дает возможность определить, какие вопросы экономической политики были наиболее острыми и злободневными для английского общества тех лет. В какой-то мере можно проследить и общественно-политические противоречия.

К первой группе относятся билли, которые шли легко и без поправок. Это билли об установлении акцизного сбора с продажи спиртных напитков (пива, эля, ликеров), о предоставлении королю субсидии от бочечного и пофунтового сборов, о продаже имущества лиц, не уплативших своевременно ренту, о предотвращении ввоза крученого шелка, о предоставлении королю сборов с ост-индских и некоторых других товаров, ввезенных после 25 декабря 1690 г., о продлении некоторых актов о ввозных пошлинах на вина, уксус, табак[20].

Возможно, причина быстроты и легкости их прохождения (3-5 дней) в том, что эти законопроекты были в основном продолжением прежней стюартовской экономической политики, полный отказ от которой был немыслим и нецелесообразен. Акцизный сбор всегда являлся одной из важнейших статей государственного дохода, независимо от политического строя и обстановки. Так, при Карле II он составлял 27-36 %, при Якове II - 40 %, а при Вильгельме III - в среднем 23 % дохода казны[21]. Билль, ограничивавший ввоз крученого шелка, также воспринимался как естественная защита молодого английского шелкоткачества, ориентированного на сырье из стран Востока, точнее Леванта. Остальные билли носили оттенок чрезвычайности, что было естественно в условиях войны с Францией. К тому же, под обложение попадали колониальные и восточные товары, ввозимые монопольными компаниями, зависимыми от государственной поддержки. Парламент не реагировал бурно на ущемление интересов монополистов, так как уже готовился поставить в 1691 г. вопрос об изменении характера ост-индской торговли со всей серьезностью.

Вторая группа биллей, вызвавших проволочки, споры, конфликты, - представляется более важной. Эти билли касаются экспорта выделанной кожи, таможенных пошлин с кофе, чая и шоколада, запрета торговли с Францией, предотвращения вывоза шерсти и поощрения английского сукноделия, государственного регулирования цен на уголь, производства белой бумаги, поощрения производства качественного спирта, а особенно - приостановки действия одного из положений стюартовского Навигационного акта 1661 г.

Особенно интересным является прохождение биллей, касавшихся главной отрасли английской промышленности - сукноделия и статей Навигационного акта.

Два билля, касавшиеся сукноделия, проходили через Палату лордов в августе 1689 г. Первый назывался «О лучшем предотвращении вывоза шерсти и поощрении сукноделия в королевстве»[22]. Он поступил из Палаты общин и впервые читался 10 августа, а через два дня после второго чтения был вынесен на рассмотрение комиссии. Запрет вывоза сырой шерсти из Англии был традиционной протекционистской мерой с XIV в. Он периодически возобновлялся, несмотря на все политические бури в Англии. Однако буржуазная революция создала наиболее благоприятные условия развития этой отрасли по капиталистическому пути, что, естественно, вновь побудило парламент законодательно подтвердить запрет вывоза шерсти. Но текст билля вызвал бурную реакцию со стороны торговых компаний и частных лиц. 15-17 августа в палате лордов читались петиции нескольких торговых компаний - Русской (или Московской), Гамбургской, Восточной и даже Африканской. Первые три компании прислали своих адвокатов для отстаивания торговых интересов. 16 августа палата лордов приняла ряд поправок к законопроекту, в том числе - об освобождении вышеназванных компаний от действия этого закона[23]. Возможно, разрешение небольшого вывоза шерсти в Прибалтику, Россию, Африку не пугало правящие круги Англии, так как в тех местах не было перспективы появления опасной конкуренции английскому сукноделию. Пока не поддается объяснению разрешение вывозить шерсть в германские земли.

В исправленном виде билль был возвращен Палате общин, которая приняла его, и 20 августа он был окончательно утвержден Палатой лордов и королем, став законом[24].

Параллельно рассматривался другой билль - «Об обязательном ношении шерстяной одежды в королевстве 6 месяцев в году»[25]. Его прохождение было очень драматичным. Билль поступил к лордам 13 августа 1689 г. На первом же чтении Палату лордов «забросали» петициями заинтересованные корпорации и лица. Очень резко протестовали против билля прядильщики и ткачи шелковых материй, ведь для них такой суперпротекционизм в пользу сукноделов был равноценен гибели. К ним присоединились мерсеры[26]. Все просили выслушать их прежде, чем билль станет законом, и прислали в Палату лордов своих адвокатов. Однако вопрос этот был столь болезненным, что петиционеры не ограничились законными средствами защиты своих интересов. В тот же день лорды были встревожены шумом толпы, собравшейся около Вестминстера с протестом против этого билля. Лорды высокомерно ответили бейлифам и цеховым старшинам, что разберутся в данном вопросе сами, а толпе следует разойтись по домам и заниматься своими делами. За возбуждением народа они увидели только интриги враждующих партий.

Такой ответ лишь больше накалил обстановку. Люди не расходились. 17 августа лорды пошли на компромисс, заслушав представителей ткачей и мерсеров и рассмотрев петиции шляпников из разных графств. В то же время палата лордов распорядилась «отогнать наемные банды от Вестминстера». Но, видимо, лорды не решились на крутые меры, а петиционеры напряженно ждали результата. И 19 августа 1689 г. во втором чтении билль «Об обязательном ношении шерстяной одежды ...» был отклонен лордами единогласно[27].

В этой истории примечательно следующее. Билль поступил к лордам, будучи принятым палатой общин. Следовательно, в Палате общин были очень

хорошо представлены интересы сукноделов - отрасли с наиболее развитым капиталистическим началом. Для цехов, изготавливавших другие ткани, оставался последний шанс выжить, не сокращая производства - задержать билль на последнем этапе, т.е. в Палате лордов. Действительно, аристократия не решилась идти на открытый конфликт с народом, хотя и склонялась первое время в пользу сукноделов. Возможно, политическая стабильность представлялась лордам важнее интересов развития ведущей отрасли английской промышленности.

Не менее интересной и волнующей была судьба билля «О приостановлении на время войны с Францией части Навигационного акта и части Акта об экспорте зерна, которые предписывают английским кораблям плавать с английскими экипажами»[28]. По всей вероятности, такая проблема возникла из-за привлечения значительной части моряков торгового флота в военный и нехватки количества матросов на торговых судах. Действительно, Навигационный акт 1661 г. ограничивал количество матросов-иностранцев 1/4 экипажа. Нужда судовладельцев в рабочих руках заставляла нанимать иностранцев нелегально, даже укрывать их от преследования закона. А это мешало поддержанию английской морской торговли, и без того подорванной войной.

Лорды получили этот билль из Палаты общин 23 декабря 1690 г. и впервые читали его. 29 декабря состоялось второе чтение, но возникшие разногласия заставили лордов передать билль на рассмотрение комиссии. С 30 декабря 1690 г. по 2 января 1691 г. эта комиссия заслушала мнение комиссаров флота и ассоциации лоцманов. Главным камнем преткновения стал вопрос о процентном соотношении англичан и иностранцев в экипажах английских судов. Сначала члены комиссии решили ограничиться 50-процентным соотношением. Но палата в целом их не поддержала, почему и были заслушаны лоцманы и комиссары флота. Билль вернули на доработку, решив временно (пока он не прошел) не допускать укрывательства иностранных моряков и заставлять судовладельцев брать столько английских матросов, сколько иностранцев - в качестве меры предосторожности. 2 января 1691 г. Палата лордов, наконец, постановила, что экипажи судов могут на 3/4 формироваться из иностранцев. С этой поправкой билль на следующий день был отослан в Палату общин[29]. Общины приняли все поправки лордов кроме одной - относительно меры наказания за укрывательство нанятых иностранных моряков: общины настаивали на 6-месячном тюремном заключении без права освобождения виновного на поруки. По этому вопросу 5 января возникла дискуссия между обеими палатами. От имени Палаты лордов граф Рочестер доказывал, что штраф в 10 ф.ст. как наказание предпочтительнее тюрьмы, так как штрафные суммы пойдут в казну и на помощь бедным. А это будет стимулировать доносительство и заставит моряков работать, а не бездельничать в тюрьме. Дискуссия прошла безрезультатно, так как парламент вскоре разошелся на каникулы[30].

На первый взгляд, эти парламентские дебаты могут показаться мелочью. Но если учесть, что за ними стояли интересы заморской торговли Англии и безопасность торгового флота, то этот билль никого не мог оставить равнодушным. Аристократия, конечно, защищала торговлю, но больше заботилась о цене этой защиты. С трудом она согласилась допустить иностранных матросов в английские экипажи и в то же время хотела извлечь максимальную выгоду из преследования нарушителей закона.

Итак, первые, наиболее трудные и ответственные годы после «славной» революции стали проверкой способности новых политических сил и старой

аристократии принимать трезвые решения, адекватные политической и экономической ситуации.

Несомненна склонность обеих палат к жестокому протекционизму и максимально возможному государственному регулированию торговли и промышленности. Но эта тенденция не всегда могла быть реализована, примером чего является прохождение биллей «Об обязательном ношении шерстяной одежды ...» и «О приостановлении части Навигационного акта ...». Компромиссное решение Палаты лордов в первом случае показывает ее нежелание и боязнь открытого конфликта с народом - будь то цеховые корпорации или мелкие кустари. Во втором случае обе палаты с разных сторон подошли к вопросу о защите государственных интересов: общины предпочитали полицейские и административные меры защиты торгового флота, лорды же подходили с позиций интересов государственного фиска.

---

[1] Воронкова Г.В. Законодательство английского парламента по вопросам внешнеторговой политики конца XVII века//Проблемы английской истории/Межвуз.сборник науч.трудов. - Н.Новгород,1992. - С.123-132

[2] Great Britain. Parliament. A collection of the parliamentary debates in England. Vol.3 (1694-1703). - London,1739; Great Britain. Parliament. House of Lords. Journals of the House of Lords. V.14 (1685-1691). - London, s.d.

[3] См. Stone L. The results of the English revolutions of the 17th century//Three British revolutions: 1641, 1688, 1776/Ed. by J.G.A.Pocock. - Princeton univ. press, 1980. - P.23-108.

[4] Journals of the House of Lords. - P.673 (далее - J. of L.).

[5] Ibid. - P.581.

[6] Ibid. - P.584.

[7] A collection of the parliamentary debates in England. - V.3. - P.39.

[8] Потери оценивались палатой общин примерно в 1 млн. ф.ст. - См. Jarrett D. Britain 1688-1815. - London,1965. - P.90, n.1.

[9] A collection of the parliamentary debates in England. - V.3. - P.40.

[10] Ibid.

[11] Ibid.- P.46-52.

[12] Ibid.- P.49

[13] Ibid.- P.50.

[14] Ibid.

[15] Ibid.- P.51.

[16] Ibid.- P.423-424.

[17] Ibid.- P.425.

[18] Roberts C. Schemes and undertakings: A study of English politics in the 17th century. - Columbus: Ohio state univ.press,1985.

[19] Graves M., Silcock R.H. Revolution, reaction and the triumph of conservatism: English history, 1558-1700. - Auckland, 1984.

[20] J. of L. - P. 280-600.

[21] 21. English Historical Documents. V.VIII (1660-1714)/Ed. by A.Browning, L.Eyre, Spottiswoode, 1966. - P.330-332, 335, 338-339.

[22] J. of L. - P. 307 – 308, 313.

[23] Ibid. –P. 313.

[24] Ibid. –P. 317.

[25] Ibid. –P. 310 – 316.

[26] Действовавшая в Англии с XIV в. компания торговцев дорогими импортными тканями (шелком, бархатом и т.п.), состав экспорта которой определялся конъюнктурой рынка.

[27] English Historical Documents. V.VIII. - P.316.

[28] Ibid. P. 603 - 617

[29] Ibid. P. 614.

[30] Ibid. 617.

Л.И.Ивонина

ЭКСПЕДИЦИЯ ВИЛЬГЕЛЬМА III ОРАНСКОГО В АНГЛИЮ И ПОЗИЦИЯ ФРАНЦИИ

В зарубежной историографии дипломатическая подоплека экспедиции Вильгельма Оранского в Англию изучена достаточно подробно и интересно. Это прежде всего касается книг и статей, посвященных Славной революции 1688 г., Вильгельму III и его времени. Многие из них непосредственно освещают борьбу Вильгельма III с Людовиком XIV, причем авторы склонны утверждать, что карьера Вильгельма была бы невозможна без борьбы с французским королем[1]. Среди литературы последних лет особо следует выделить коллективную монографию под редакцией Дж.Израэля, выход которой был приурочен к 300-летию Славной революции. В ней проблеме соотношения Славной революции, экспедиции Вильгельма Оранского и французской дипломатии уделено немало места, посвящены отдельные разделы книги, написанные Дж. Израэлем, В.Троостом и др.[2] Отечественные историки этих вопросов не затрагивали, за исключением, пожалуй, нескольких страниц в монографии Ю.В.Борисова, посвященной дипломатии Людовика XIV. Но выводов практически никаких не было сделано, противоречия между Вильгельмом Оранским и Людовиком XIV рассматриваются лишь в плане франко-голландских взаимоотношений и конфессиональных проблем[3].

Истоки англо-французских противоречий после 1688 г. в значительной степени связаны с франко-голландскими отношениями предшествующего периода. Не было для Людовика XIV более ненавистного ему правителя в Европе, нежели статхаудер Соединенных Провинций Вильгельм Оранский.

К середине XVII в., когда по мирному договору в Мюнстере 1648 г. Испания, потерпевшая поражение в годы Тридцатилетней войны, признала Республику Соединенных Провинций, последняя находилась в зените своего могущества. Она превзошла другие страны Европы в экономическом развитии, владела обширной колониальной империей, господствовала в международной торговле. Однако после окончания гражданских войн в Англии и экономической и политической стабилизации во Франции после Фронды международная ситуация изменилась отнюдь не в пользу Голландии. Буржуазное развитие Англии, освободившейся от оков абсолютизма, резко ускорилось, что привело к экономическому соперничеству между двумя буржуазными государствами. В результате двух англо-голландских войн экономике Соединенных Провинций был нанесен значительный ущерб, а самой ей пришлось потесниться на европейском и мировом рынках в пользу Англии. Новая угроза исходила и от Франции Людовика XIV, стремившегося расширить свою гегемонию в Европе военными средствами. В 1672 г. Франция вовлекла Англию в новую, третью войну против Голландской республики. Армия Людовика XIV внезапно вторглась в пределы Голландии, что поставило страну в критическое положение. Все надежды на спасение были обращены на принца Вильгельма Оранского - уравновешенного и веселого молодого человека, до сих пор пребывавшего в забвении и не высказывавшего своих истинных чувств и стремлений. Его родителями были Мария Стюарт, дочь казненного английского короля Карла I, и статхаудер Республики Соединенных Провинций Вильгельм II Оранский, предпринявший неудачную попытку монархического переворота в июле 1650 г. и

умерший за восемь дней до рождения сына 27 октября того же года. Нового статхаудера не избирали двадцать лет, а республику возглавлял Ян де Витт, искусно лавировавший между европейскими державами, но не сумевший предотвратить постепенное понижение роли Голландии в международных делах[4].

В июле 1672 г. Генеральные Штаты Голландии провозгласили молодого принца статхаудером, главнокомандующим голландской армией и адмиралом флота. Умение сообразовываться с ситуацией, выработанное в детские и отроческие годы, пригодилось Вильгельму на всю жизнь. Пришлось прибегнуть к крайним мерам. Статхаудер приказал затопить часть голландской территории, что позволило остановить наступление французов. Он развил бурную дипломатическую деятельность, заключив договоры с Бранденбургом (1672), а также с Австрией и Испанией (1673). Ряд поражений, нанесенных адмиралом де Рейтером объединенному франко-английскому флоту, способствовали выходу Англии из войны в 1674 г. В августе того же года Вильгельм выиграл свою первую большую битву при Сенеффе, что весьма укрепило его авторитет, ибо французской армией командовал знаменитый принц Конде. В 1674 г. французы ушли с голландской территории, но продолжали держать позиции на Рейне и во Фландрии. В апреле 1677 г. Вильгельм Оранский потерпел поражение под Сент-Ожероном, но компенсировал это удачной женитьбой на старшей дочери герцога Йоркского, впоследствии короля Якова II, Марии. Последнее обстоятельство давало ему шансы претендовать на английский трон. Заключение союза с Англией, а также победа у Сен-Дени в 1678 г. способствовали окончанию войны с Францией и заключению в августе 1678 г. мирных договоров в Нимвегене, в результате которых в проигрыше оказалась испанская сторона. Сам же статхаудер Голландии был убежден, что это лишь первая его война с Людовиком XIV, и оказался прав[5].

В лице Вильгельма Оранского, оказавшего столь успешное сопротивление французской армии, Людовик XIV приобрел теперь опасного противника, ибо не собирался оставлять своих притязаний на Нидерланды. Именно с этого времени вплоть до 1688 г. можно говорить о существовании в европейской политике своеобразного треугольника: Англия-Голландия-Франция. Англию и Голландию теперь крепче связывали династические узы, но столь же тесная, хотя и другого рода, зависимость существовала между Англией и Францией. Английские монархи Карл II и Яков II Стюарты для борьбы с буржуазной оппозицией искали помощь за границей и прежде всего у Людовика XIV. Франция регулярно предоставляла английским королям денежные субсидии. Этим Людовик XIV почти на тридцать лет вывел Англию из активной и самостоятельной политики на континенте, но после 1677 г. ему трудно было заставить Лондон повернуть оружие против Республики Соединенных Провинций[6].

Не подлежит сомнению, что Вильгельм Оранский предугадал постепенный, но неуклонный упадок Голландии, не могущей выдержать одновременно экономического соперничества с Англией и территориальных притязаний Франции. За маской внешнего спокойствия этот молодой человек скрывал честолюбивые замыслы. Он отнюдь не был королем, принявшим «приглашение» своих английских друзей помочь им в создании «свободного парламента». Напротив, его экспедиция на Альбион и воцарение на английском престоле были результатом планов, вынашиваемых в течение многих лет. Эти планы, очевидно, сформировались в том же 1677 году после женитьбы на Марии Стюарт. Анализ политической ситуации в Англии только укрепил его стремления, поскольку как

Карл II, так и Яков II, несмотря на происшедшие перемены, стремились к расширению своих прерогатив в ущерб интересам парламента и страны[7].

Экспедиция Вильгельма Оранского в Англию отнюдь не была авантюрой, как считают ряд исследователей[8]. Она была тщательно продумана и дипломатически подготовлена, дабы обеспечить себя от возможного противодействия Франции. А оно было неизбежным, но весь вопрос в том, насколько оно было эффективным. Сразу же после окончания франко-голландской войны Людовик XIV послал в Гаагу графа д'Аво с целью поддерживать отношения с республиканцами, чтобы отдалить Вильгельма Оранского от государственных деятелей Голландии. Французский король хотел использовать разногласия между республиканцами, имевшими торговые связи и желавшими сохранения мира с Францией, и оранжистами, выступавшими за союз с Англией и создание мощной антифранцузской коалиции. Французскому послу удалось восстановить правителей Амстердама против политики статхаудера, вследствие чего вопрос о ратификации Генеральными Штатами англо-голландского союза затянулся. Но под давлением Вильгельма Оранского голосами депутатов только пяти провинций решение о ратификации было принято, подобным образом был ратифицирован и договор между Голландией и Швецией, определивший размеры взаимной помощи войсками[9].

Но внимание Людовика XIV сейчас отвлекло другое - его взоры обратились на восток, к австро-турецким делам. И здесь Людовик XIV совершил первую из своих ошибок, поначалу обернувшуюся триумфом, но впоследствии - поражением. Воспользовавшись тем, что турецкий султан предпринял поход на Вену, он начал войну с Габсбургами, отодвинув другие дела на задний план. В 1681 г. французские войска заняли Страсбург, затем ряд земель в Испанских Нидерландах и Люксембург. 15 августа 1684 г. в Регенсбурге представители Франции, Испании и Империи подписали перемирие на двадцать лет, по которому Франция получала Страсбург, Люксембург и ряд территорий в Испанских Нидерландах.

Хотя европейское равновесие и осталось неустойчивым, 1684 год явился кульминацией европейской политики Людовика XIV[10]. Этот год, по иронии судьбы, явился также и пиком расцвета французского абсолютистского государства вообще. Но вершина - это всегда начало падения. В следующем 1685 г. покинет свой пост Кольбер, с именем которого связано экономическое процветание Франции, в 1686 г. будет создана Аугсбургская лига, в войне с которой Людовик XIV впервые ничего не приобретет.

В середине 80-х гг. французский король совершил также другую свою ошибку, названную впоследствии «ошибкой века» - отменил Нантский эдикт. Этот акт имел широкий резонанс во всей Европе, и весьма неблагоприятные и в экономическом, и в политическом отношениях последствия для Франции. Осенью 1685 г. Людовик XIV запретил кальвинистское вероисповедание во Франции и начал преследования протестантов. Французский монарх взял на себя роль защитника католицизма во всей Европе, в связи с чем у него возникли разногласия даже с престолом Св.Петра. Тысячи гугенотов вынуждены были покинуть родину. Напряженность во франко-голландских отношениях резко возросла, поскольку преследованиям подвергались и протестанты иностранного происхождения.

Оппозиционный Вильгельму Амстердам, ранее связанный торговыми отношениями с Францией, теперь перешел на сторону статхаудера. «Пятая колонна» Людовика XIV в Голландии исчезла. Сложившиеся условия умело

использовал статхаудер и его окружение. В Нидерландах развернулась антифранцузская агитационная кампания, Соединенные Провинции приняли от 50 до 60 тысяч бежавших из Франции гугенотов. Офицеров Вильгельм Оранский брал к себе на службу. Они имели высокие оклады и давали присягу сражаться повсюду, куда бы ни послало командование, и против любого противника без исключения. Одним из французов был Дюмон де Бостак, нормандский дворянин-гугенот. После отмены Нантского эдикта он эмигрировал в Голландию и поступил на службу к Вильгельму Оранскому, с которым участвовал в экспедиции в Англию и Ирландию. Дюмон де Бостак оставил очень ценные мемуары обо всех этих событиях[11].

«Ошибка века» резко повредила Людовику XIV в международном плане. Репутация статхаудера Соединенных Провинций непрерывно возрастала, протестанты всех стран видели в нем защитника истинной веры и «нового Давида»[12].

Растущие аппетиты Франции заставляли лидеров европейских стран полагать, что Вильгельм Оранский, заняв английский трон, станет мощным противовесом Людовику XIV, как оно и получилось впоследствии. Участники Аугсбургской лиги, созданной в 1686 г. под покровительством Папы Римского Иннокентия XI, - Австрия, Испания, Швеция, ряд немецких и итальянских княжеств - предприняли решительные действия против Франции лишь после Славной революции 1688 г.

Собственно, к высадке Вильгельма Оранского на английских берегах Европа была готова. За месяц до экспедиции, в октябре 1688 г. польский посол в Гааге докладывал своему правительству, что Европа накануне одного из наиболее замечательных событий в ее истории, и что «голландцы убеждены, что они не будут столь несчастливы в своих планах атаковать английский берег, подобно Филиппу II Испанскому»[13]. Практически со всеми противниками Людовика XIV у статхаудера Соединенных Провинций имелись договора о нейтралитете, либо о союзе и взаимопомощи. Во второй половине 80-х гг. были подписаны соглашения с Бранденбургом и Савойей, что обеспечило поддержку и нейтралитет ряда немецких и итальянских государей[14].

Честолюбивые замыслы Вильгельма Оранского и его борьба против гегемонии Франции в Европе гармонично переплетались. Не подлежит сомнению, что он сыграл решающую роль в организации оппозиции Людовику XIV. Но пока Вильгельм был статхаудером республики Соединенных Провинций, он медлил. Причина этому - позиция Англии, политика которой зависела от Франции. В случае войны с Аугсбургской лигой Англия могла стать союзницей французского короля, а сомнений в ее военно-морской силе ни у кого не возникало. В начале 80-х гг. Вильгельм настойчиво уговаривал Карла II Стюарта вступить в антифранцузскую коалицию, но получил отказ. В 1685 г. он предпринял атаку на Якова II, три раза посетив Англию, но последний, охваченный манией возродить католицизм в Англии, тем более не мог так поступить[15]. Начинать войну против Франции, не нейтрализовав Англию, было небезопасно. Но нейтрализация Англии как раз и заключалась в устранении Якова II, почти целиком зависящего от милостей французского монарха.

Агентура Людовика XIV работала на высоком уровне, и он не мог не знать о планах статхаудера Голландии.

Как ни занят был французский король австро-турецкими делами, он непрерывно слал тревожные письма в Лондон. Людовик XIV подчеркивал, что Яков II и его министры не ощущают нависшей над ними опасности[16]. В Версаль

ежедневно поступали сведения о проготовлениях Вильгельма. В сентябре 1688 г. посол Аво сообщал, что у статхаудера 70 военных кораблей и 500 вспомогательных судов, и что «принято решение высадить десант в Англии с личным участием принца Оранского»[17].

Людовик XIV заявил, что он предоставит деньги и военную помощь в распоряжение Якова II в любой момент. Но английский король уже ничего существенного не мог предпринять - он оказался у себя в стране в полной политической изоляции. Против него уже давно был подготовлен заговор, виги и тори в парламенте объединились и только ожидали прибытия Вильгельма Оранского. К тому же сам Яков, в прошлом друг статхаудера, до самой высадки, очевидно, сомневался, что его зять отважится лишить его престола.

Тем не менее он все же принял превентивные меры. В памяти англичан были еще свежи воспоминания столетней давности, предмет их гордости, - разгром испанской Непобедимой Армады в 1588 г. Филипп II Испанский намеревался тогда высадиться в Дувре, соединившись с армией Александра Пармского, и англичане знали об этих планах. В окружении Якова II полагали, что голландцы пойдут с востока, это им ближе и удобнее. Поэтому была организована защита городов и портов на юго-восточном побережье Англии. Голландский статхаудер поступил неожиданно: 15 ноября 1688 г. флотилия в составе 500 военных кораблей с 40 000 пехоты и 5 000 всадников на борту появилась у юго-западных берегов Англии. После высадки в гавани Торбей Вильгельм III Оранский был провозглашен регентом королевства и начал свое триумфальное шествие на Лондон. Королевские войска не оказали никакого сопротивления вторжению. Главнокомандующий английской армией Джон Черчилль, впоследствии герцог Мальборо, министры, члены королевской семьи перешли на сторону Вильгельма Оранского. В конце января 1689 г. парламент избрал последнего вместе с женой Марией Стюарт на престол Великобритании[18].

Яков II и его жена бежали во Францию. Новый король сам разрешил им покинуть пределы Англии. Окрыленный первыми победами, Вильгельм ожидал полного успеха военной кампании и быстрого ее окончания. Но Людовик XIV еще рассчитывал использовать ограниченного и безвольного Якова II в своих интересах, поскольку сторонников свергнутого монарха среди представителей земельной аристократии и католиков было еще достаточно. Наибольшее сопротивление Вильгельму Оранскому оказали в Шотландии и Ирландии. В начале 1689 г. в битве при Калликранки предводитель восставших шотландских кланов разбил войска Вильгельма III. Но единичные успехи якобитов не могли изменить ситуацию[19].

Французский король сделал ставку на Ирландию. Это было ему стратегически удобнее, да и недовольных новым королем-узурпатором здесь было больше. Свергнутый монарх получил 50 000 экю единовременно и по 50 000 франков ежемесячно. В феврале 1689 г. Людовик XIV отправил Якова II в Брест, оттуда французская эскадра направилась к ирландским берегам. Советником Якова был бывший французский посол в Гааге Аво. Он предлагал бывшему королю оставить обученную армию - 20 000 пехотинцев, 3 000 кавалерии и 2 000 драгун, а остальных 30000 человек , в основном крестьян, необученных фанатиков, потрясавших палками вместо ружей, отправить по домам. Яков II отказался, в результате чего стал командовать не поддающейся приказам толпой. Активных военных действий так и не было предпринято.

Окончательное сопротивление в Шотландии и Ирландии было подавлено к началу 1691 г.[20]

Важнейшим результатом Славной революции стало значительное усиление международных позиций Англии. С 1689 по 1714 гг. она приняла участие в двух войнах европейского масштаба, в которых ее главным противником выступала Франция: 1689-1697 гг. - в войне аугсбургской лиги, 1701-1714 гг. - в войне за испанское наследство. Основной целью внешней политики Вильгельма III, как и до экспедиции, было ограничение французской гегемонии в Европе, но после 1688 г. англо-французский конфликт стал одним из важнейших узлов международных противоречий на континенте. Выступая на заседаниях парламента, английский король иногда даже преувеличивал французскую угрозу для Англии, что давало возможность вытянуть больше субсидий у палаты общин[21].

До 1688 г. ситуация в Европе благоприятствовала осуществлению французской гегемонии. Но Славная революция и воцарение Вильгельма Оранского лишили французского короля всех выгод его «финансовой дипломатии». К тому же расчеты Парижа расправиться с австрийскими Габсбургами руками турок не оправдались. К концу XVII века турки были оттеснены за Дунай. Вильгельм Оранский, став английским королем, превратился в фактического главу Аугсбургской лиги. Людовик XIV, не признав его законным монархом Англии, начал войну против него и всей Европы. Война длилась девять лет, войска лиги терпели поражение на суше и одерживали победы на море, в основном благодаря объединенному англо-голландскому флоту. Во время войны Вильгельм III открыто поощрял каперство и пиратские нападения на французские корабли. Он лично выдавал каперские свидетельства капитанам английского флота, а если последние возвращались без добычи, то им надлежало отправиться в плавание снова. Война закончилась Рисвикским миром 1697 г., по которому Людовик XIV впервые ничего не приобрел, и к тому же признал Вильгельма III Оранского английским королем.

Но французский монарх не сложил оружия и стремился взять реванш. После смерти в 1700 г. бездетного Карла II Испанского и провозглашения испанским королем внука Людовика XIV Филиппа Анжуйского, французский король стал управлять сразу двумя державами. Людовик XIV ввел свои войска в Испанские Нидерланды, отказался от признания Вильгельма III Оранского английским королем и объявил, что единственным претендентом на английскую корону может быть только сын умершего во Франции Якова II. Надежды Версаля на признание последнего наследником бездетного Вильгельма III рухнули еще после Рисвикского мира[22]. На заседании английского парламента в сентябре 1701 г. Вильгельм заявил о необходимости сделать все возможное, чтобы защитить Англию и мир в Европе. Он лично руководил подготовкой стратегического плана военных действий. В начале 1702 г. со стороны Англии и Голландии была объявлена война Франции, но Вильгельму III не суждено было следить за ходом военных действий и принимать участие в подписании мирных соглашений. Возвращаясь с прогулки, он упал с лошади, через восемь дней простудился, в результате чего скончался 8 марта 1702 г.[23] Однако победы герцога Мальборо на полях сражений, получение экономических привилегий и Гибралтара по Утрехтскому миру 1713 г. являются в значительной степени заслугой Вильгельма Оранского, ставшего английским королем и выработавшего внешнеполитическую линию Альбиона после Славной революции.

[1] Macaulay G.Histoire du regne Guillaume III pour faire suite a l'Histoire de la revolution de 1688. Paris. 1857-1861. T.1-IV; Pinkham L.William III and the respectable revolution. Cambridge (Mass.). 1966; Robb N. William of Orange. A personal portrait. 1674-1702. L.1966; Baxter S. William III. L.1966; Grovestins B. Guillaume III defenseur et soutien de l'independance de l'Europe contre la puissance de Louis XIV. Paris. 1850.

[2] Anglo-Dutch Moment. Essays on the Glorious Revolution and its World Impact/Ed. by J.Israel. Cambridge.1991.

[3] Борисов Ю.В. Дипломатия Людовика XIV. М.1991.

[4] Baxter S. William III. P.89-108.

[5] Robb N. William of Orange. P.92-111.

[6] Grovestins B. Guillaume III. P.29.

[7] Robb N. Op.cit. P.121.

[8] Anglo-Dutch Moment ... P.300.

[9] Борисов Ю.В. Ук.соч. С.162-163.

[10] Grovestins B. Op.cit. P.46.

[11] Memoires d'Issac Dumont de Bostaquet... Paris. 1968. P.9-17.

[12] Baxter S. Op.cit. P.IX.

[13] Anglo-Dutch Moment ... P.335-336.

[14] Ibid. P.299,388.

[15] Ibid. P.332.

[16] Борисов Ю.В. Цит.соч. С.170.

[17] Там же. С.171.

[18] Anglo-Dutch Moment ... P.335.

[19] Memoires d'Issac Dumont ... P.21.

[20] Ibid. P.17-20.

[21] Thomson M.Parliament and foreign policy//William III and Louis XIV. L.Liverpool.1968. P.133.

[22] Thomson M. Louis XIV and William III. 1689-1697//William III ... P.48.

[23] Baxter S. Op.cit. P.383-399.

К Р. Кобрин

АНГЛИЙСКАЯ ИСТОРИЯ НА СТРАНИЦАХ ПРОВИНЦИАЛЬНОГО СБОРНИКА СОВЕТСКОЙ ЭПОХИ: МЕЖДУ "ИСТОЧНИКОМ" И "ИСТОЧНИКОМ"

1. Англия XIV-XVII вв. Проблемы генезиса капитализма. Горький, ГГУ, 1974, 84 с.

2. Англия XIV-XVII вв. Проблемы генезиса капитализма. Горький, ГГУ, 1974, 143 с.

3. Англия XV-XVII вв. Проблемы генезиса капитализма. Горький, ГГУ, 1976, 93 с.

4. Проблемы разложения феодализма и генезиса капитализма в Англии. Горький, ГГУ, 1980, 116 с.

5. Англия XV-XVII вв. Проблемы разложения феодализма и генезиса капитализма. Горький, ГГУ, 1981, 130 с.

6. Проблемы английской истории и историографии. Горький, ГГПИ, 1989, 120 с.

Настоящая статья (ее расширенный вариант) была написана три года назад на английском языке по заказу заместителя главного редактора журнала "The Welsh History Review", профессора Ральфа Гриффитса. Редакция этого издания любезно согласилась на публикацию сокращенного русского варианта статьи на страницах нижегородского "английского сборника", тем более, что посвящена она первым шести выпускам того же "Сборника". Седьмой выпуск (1992 г.) не рассматривается на этих страницах, ибо тема нижеследующего обзора - "Горьковские английские сборники советского периода". Седьмой выпуск - не "горьковский" (а "нижегородский") и не "советский" (а "российский").

Автор попытался не только дать обзор некоего издания, но и рассмотреть его как феномен общественной, научной, культурной жизни определенной эпохи, уже ушедшей. Надеюсь, навсегда.

Парадоксально: один из значительных центров военной промышленности, закрытый пролетарский город оказался крупнейшим в провинции центром по изучению средневековой истории Англии. Речь идет о городе Горьком, сейчас - Нижнем Новгороде. До 1917 г. Нижний Новгород был важным торговым и культурным центром в России; советская власть превратила его в индустриальный монстр, наглухо закрытый от посторонних глаз. Лишь по счастливому стечению обстоятельств в первой половине 20-х гг. в местном новообразованном пединституте оказался С.И.Архангельский, положивший начало изучению английской истории в городе: за его классическим трудом "Аграрное законодательство Великой английской революции" последовали многочисленные работы, посвященные этой проблематике. В 40-50 г.г. вокруг С.И.Архангельского группируются его ученики - Е.В.Кузнецов, Э.П.Телегина, Е.Д.Воробьева и др. положившие начало самостоятельной горьковской научной школе англоведения. Ведущее место среди них занимал и занимает Е.В.Кузнецов, который, начиная с первой своей публикации (в 1959 г.), последовательно разрабатывает сюжеты по социально-экономической, политической и религиозной истории Англии XIV-XVI в.в. Именно по его инициативе в 1974 г. вышел первый выпуск горьковского сборника статей по английской истории.

Прежде чем приступить к обзору этого издания следует привести некоторые его формальные характеристики. Всего, в советское время, вышло шесть выпусков (с 1974 по 1989); первый, как уже было сказано, в 1974, второй - в том же году, третий - в 1976, четвертый - в 1980, пятый - 1981 и шестой - в 1989 г. Первые пять вышли в издательстве Горьковского университета, последний - в издательстве горьковского пединститута. Интересно, что даты первых пяти выпусков (шестой стоит несколько особняком, не только по году и месту издания, но и по ряду особенностей, о чем речь ниже) группируются в 2 основных временных отрезка - первый: 1974-1976 (3 выпуска), второй: 1980-1981 (2 выпуска). Значительный промежуток между ними объясняется, видимо, организационными трудностями.

Тираж сборника колебался от 500 экземпляров (1976) до 1000 (1989), объем - от 84 страниц (1974) до 143 (1974). Несколько менялось и название: от "Англия XIV-XVII в.в. Проблемы генезиса капитализма" (1974 - 1 вып., 1976 с изменением нижней хронологической рамки на XV в.) и через "Проблемы разложения феодализма и генезиса капитализма в Англии (1980, с незначительными изменениями - 1981), до "Проблем английской истории и историографии" (1989). Редакционная коллегия бессменно возглавлялась Е.В.Кузнецовым; практически во все редакционные коллегии первых пяти сборников входили Е.Д.Воробьева, В.И.Золотов, Э.П.Телегина, И.В.Фадеева (горьковчане), москвич Ю.М.Сапрыкин и ленинградка В.В.Штокмар. Последний выпуск и здесь стоит особняком - его редколлегию, кроме Е.В.Кузнецова, составили горьковчанин В.В.Лукоянов и москвич И.Н.Осиновский.

Всего, в шести выпусках, напечатано 56 статей, сообщений и рецензий. География авторов сборника достаточно обширна для провинциального издания (и подчеркивает его важность для научной жизни тех лет) - Москва, Ленинград, Минск, Орджоникидзе(ныне Владикавказ), Иваново, Арзамас, Телави, Запорожье, Саранск (не считая, конечно, Горького). Следует, также, выделить среди авторов наиболее продуктивных: по пять публикаций у Е.В.Кузнецова, В.И.Золотова, Э.П.Телегиной; по три - у Е.Д.Воробьевой, Г.В.Воронковой, Ю.Е.Ивонина и В.В.Лукоянова.

Теперь о том, что и как содержит в себе сборник - хронологические рамки, география и тематика исследований.

Хронологические рамки - XV-XVII в.в. (указанный в названии 1 и 2-го выпусков XIV век, практически, отсутствует). Такие временные границы определяются как подзаголовком сборника ("разложение феодализма и генезис капитализма", ибо этот процесс по марксистско-ленинской схеме относится именно к периоду XV-XVII в.в.)[1], так и некоторыми условиями бытования советской и, уже, горьковской медиевистики, которые определяются двумя важнейшими факторами: во-первых, наличием в городе школы С.И.Архангельского, который как раз занимался проблемами английской истории XVI-XVII в.в., во-вторых, и это общеизвестно, гораздо большим количеством и большей доступностью источников именно по этому периоду, что в советских (тем более, провинциальных) условиях особенно важно. Лишь в последнем (1989 г.) выпуске наметился некий отход от жестких хронологических рамок (статья Шапошникова В.Н. и Кузнецова Е.В. о битве при Бравалле VIII в.). Внутри предложенных хронологических рамок количество исследований по каждому из столетий располагается следующим образом: XV веку посвящено 15 работ, XVI - 15 и XVII - 19, т.е. цифры примерно одинаковые (некоторое преобладание XVII в. связано с расширением в срединных трех выпусках тематики статей, т.е. с

появлением работ Воронковой Г.В., Осокина М.Г., Бейдиной Т.Е., посвященных Ост - Индской кампании и англо-левантийской торговле). Динамика изменения научных интересов авторов сборника по векам следующая: в первом преобладают XV и XVI в.в., во 2-м - XV и XVII, в 3-м - XVII, в 4-м - XVI и XVII, в 5-м - XVI и XVII, в 6-м - XV и XVI. Таким образом, мы видим, что после всплеска интереса к XVII в., шестой выпуск (подобно первому) вновь, в основном, сосредоточился на истории XV (4 работы) и XVI (3 работы) веков. Это обстоятельство, в сочетании с включением в 6-й выпуск упомянутой статьи о битве при Бравалле, а также с тем, что открывающая выпуск статья Кузнецова Е.В. охватывает период с XIV в. ("Торговля и купеческий капитал в Англии XIV - XV в.в.") подтверждает высказанную нами выше мысль о тенденции к размыванию традиционных для сборника хронологических рамок. С чем это связано - далее будет высказана наша догадка.

Интересно (и, по-своему, символично) соотношение различных тем в 6-ти выпусках сборника. Условно мы выделим 4 основных тематических блока: социально-экономические проблемы; политическая история; религия, идеология, культура; историография английской истории[2]. Так вот, социально-экономической проблематике посвящено 24 статьи; политической истории - 10; религии, идеологии, культуре - 12; историографии - 8. Приверженность социально-экономическим вопросам объясняется, прежде всего, ориентацией горьковской "англоведческой" школы (Архангельский, Телегина, Кузнецов) на эти проблемы, а также большей доступностью в СССР источников определенного сорта Достаточно взглянуть на список сокращений в конце любого из выпусков. Мы там встречаем и Tudor Economic Documents, и Extracts from the Records of the Merchant Adventures of Newcastle upon Tyne, и Calendar of the Patent Rolls, и Close Rolls, и т.д.. Наконец, изучая, в основном, частные вопросы социально-экономической истории Англии можно было быть в относительной безопасности от расхожих идеологических штампов, которые не могли проникнуть в чрезвычайно специальные области. Поэтому, наверное, средний уровень работ по этой проблематике в сборнике выше, чем по другим вопросам. И поэтому же, наверное, большинство авторов сборника старались не выходить за рамки специального, частного исследования в сферу "больших обобщений". Так они и писали в силовом поле меж двумя полюсами - источником и Источником[3], отсюда и название нашего обзора.

Относительно большое количество работ по политической истории и связанных с ними работ по религиозной жизни Англии объясняется интересом основателя и бессменного редактора издания Е.В.Кузнецова к движению лоллардов, фигуре Виклифа и политическим событиям в Англии втóрой половине XV в.; интересом, которые подхватил и углубил ученик Кузнецова и член редколлегии 2-4 выпусков В.И.Золотов. Неожиданное обилие историографических работ (напомним, их было 8) объясняется, на наш взгляд, наличием в советской медиевистике (особенно провинциальной) такого жанра научной статьи, как "справка". Этот феномен требует особого пояснения. Представляется, что в наших условиях "справка" неизбежна, ибо недоступна значительная часть того, что издается на Западе (прибавим к этому еще языковой барьер). Поэтому совершенно естественным представляется появление работ промежуточных: собирающих и упаковывающих (причем, в советскую эпоху - в материю марксистско-ленинской критики[4]) необходимые для научного оборота иностранные исследования. Таких справок в сборнике довольно много[5].

Теперь о географических границах исследований сборника. Здесь, естественно, лидирует сама Англия - ей посвящено 40 работ. Пять работ посвящены Ирландии (интересно, что автором всех пяти работ, по одной в первых пяти выпусках, является Э.П.Телегина), Шотландии - две (причем, лишь одна - полностью ей - Китайгородская Л.И. Ученичество в цехах Эдинбурга XV - XVI в.в. - в вып. 6.) и колониям - пять (также, как и насчет Ирландии; в основном, усилиями одного энтузиаста Г.В.Воронковой). Можно сказать, что региональные исследования (Уэльс, Корнуэлл, Шотландия) у авторов сборника не в чести[6]. Лишь в пятом и шестом выпусках мы видим стремление ряда авторов выйти за чисто британские рамки; в пятом была напечатана достаточно общая статья известного московского историка (специалиста, кстати, именно по Ирландии) Ю.М.Сапрыкина "Идея равенства и антифеодальная борьба крестьянства в Западной Европе в XIV - XVI в.в.", а в 6-м - неоднократно уже упоминавшаяся работа Шапошникова В.Н. и Кузнецова Е.В. об этнических процессах в Северной Европе.

Внимательно читая все шесть выпусков горьковского сборника по английской истории, можно обнаружить несколько общих для большинства авторов установок; причем, я не уверен, что у всех они были осознанными, а неавтоматическими, подсознательными. То поле напряжения между источником (источниками) и Источником, в котором, судя по шести выпускам сборника, существовали советские историки, не создавало хороших возможностей для создания по-настоящему конструктивных и глубоких работ. В лучшем случае можно было придерживаться источника, описывать его (или некий сюжет посредством его), просчитывать, давать исторические справки, основываясь на нем и т.д. Трудно было сделать другое - по-настоящему интерпретировать источник, сделать серьезное умозаключение, не говоря уже о том, чтобы выстроить некую концепцию. Все интерпретации, умозаключения, выводы, концепции были прерогативой только Источника. Беда же заключалась в том, что выводы из источника и концепции Источника почти всегда фатально не совпадали (и не могли совпадать). В результате у уважающего себя советского историка возникало две модели исследования: либо полностью сосредоточиться на источнике, насколько это возможно, использовать его и перейти к следующему, почти не делая попыток интерпретации; либо попробовать- таки (который раз!) совместить источник и Источник. В сборнике ярко выражены обе модели; первая - в серии статей В.И.Золотова, посвященных английской истории XV в., вторая - в серии статей Э.П.Телегиной по проблемам ирландской истории XVII в.

"Золотовская серия" открывается статьей в первом выпуске (с. 60-72), где непосредственный подход к английской манориальной системе первой половины XV в. замаскирован историографическим характером работы. Последующие 3 статьи во 2-ом и 3-м сборниках (во 2-м - "Политический кризис в Англии в 1425-1426 г.г." с. 91-107; "К вопросу о местном управлении в законодательстве первых парламентов Генриха VI (1422-1433) ", с. 120-135; в 3-м - "Существовал ли заговор Мортимера в 1424 г.? " с. 69-75) явно - одни из лучших во всех 6-ти выпусках. На основании хроник, документов парламента и королевской канцелярий автор достаточно тщательно восстанавливает события в политической жизни Англии после смерти Генриха V в 1422 г. О последней статье уже говорилось выше. Первая из двух работ во 2-м сборнике реконструирует столкновение между братом покойного короля - Хэмфри, герцогом Глостером (протектором страны при младенце Генрихе VI) и его

(герцога) сводным дядей Генрихом Бьюфортом, епископом Винчестера (лидером Совета), а также роль в этих событиях регента королевства, другого брата покойного короля - Джона, герцога Бедфорда. Последующая статья продолжает тему политической дестабилизации после смерти Генриха V, но теперь эта дестабилизация рассматривается на местном уровне; показано, также, отражение этого процесса в парламентских актах того времени. Как и в предыдущей работе, В.И.Золотов предпочитает просто пересказывать содержание источников, однако, в данном случае, он не удержался от почти незаметной попытки перейти к неким обобщениям и (что весьма символично) тут же, хотя и автоматически, попал под влияние Источника. Именно вывод автора, что новый избирательный закон 1429 г., введший 40 - шиллинговый ценз "развязывал руки ливрейным магнатам, устранял все помехи в их безраздельном господстве на местах, увеличивал возможность проведения их ставленников в парламент. Законом 1429 г. наносился удар по здоровым, прогрессивным силам английского общества, тормозилось движение Англии по пути развития новых капиталистических отношений" (с.135) вызывает сильные сомнения. Разве можно отождествлять "прогрессивные силы английского общества" с людьми, не достигшими 40-шиллингового ценза, разве не наоборот? кто, исходя из все той же марксистской традиции, поддерживает и осуществляет зарождение и развитие буржуазных отношений, как не богатые купцы, ремесленники, землевладельцы? Не они ли являются (исходя из более современного взгляда) персонифицированными носителями таковых отношений? И, наконец, не был ли направлен закон 1429 г. как раз против ливрейных магнатов и их подручных, которые, как утверждает автор на с.122, в результате обеднения, вызванного кризисом манора (который описан В.И.Золотовым в упоминавшейся статье в 1-м выпуске), в поисках других доходов стали совершать во главе своих отрядов набеги на усадьбы соседей?

Как бы то ни было, но "исчерпав" источники по политической истории Англии 20-х г.г. XV в., В.И.Золотов появляется уже в 6-м выпуске, с другой тематикой и, естественно, с другими источниками (Calendar of the Close Rolls, Calendar of Plea and Memoranda Rolls). Его статья носит название "Thomas Knolles - лондонский гросер первой половины XV в." (с.18-28). Эта попытка "исторического портрета", но, увы, автор дальше очень обстоятельного и репрезентативного перечисления имущественных (и прочих) сделок 3-х поколений семейства Knolles (при минимальном комментарии) не пошел, т.е. "портрет", как таковой, не получился[7].

Первые из статей Э.П.Телегиной (1,2,3 вып.) основывались на сходных принципах. В первой ("Хозяйственный строй поместий Конвеев и Персевалей в Ирландии периода Реставрации", вып.1., с. 37-53) заложена как бы модель и для последующих двух: тщательный анализ, статистические методы, фундированность источниками и отчаянное нежелание делать соответствующие выводы из полученного материала (как, например, объяснить экономическую пассивность ирландских крестьян - арендаторов в манорах Конвеев и Персевалей? чем, кроме отмеченной автором политической нестабильности Ирландии, объяснить нежелание английских лордов вкладывать деньги в свои ирландские маноры?). Несмотря на это, работа Телегиной - одна из лучших в первом выпуске. То же самое можно сказать о ее же "Итогах земельного устроения периода Реставрации в ирландском графстве Роскоммон (по данным книги описи и распределения)" в вып. 2 (с. 23-39). Из статьи третьего выпуска ("Землевладение в графстве Майо в период Реставрации (к вопросу об аграрной

политике поздних Стюартов)" с. 27-43) становится ясно, что автор пытается подтянуть результаты своих тщательнейших разысканий под довольно банальный вывод: при Реставрации характер землевладения и список владельцев не стал прежним, дореволюционным. Это значит Реставрация была буржуазно-дворянским компромиссом. Как говорит русская пословица, овчинка выделки не стоит. Вывод Э.П.Телегиной тавтологичен, ибо мог ли в стране, где за 20-30 лет прошло одно перманентное восстание, карательная английская экспедиция, насильственное переселение, и все это на фоне борьбы короля с парламентом, гражданской войны, протектората, Реставрации, не измениться характер землевладения и, главное, список владельцев? Более логичным, с нашей точки зрения, было бы считать, что в условиях этой смуты и неразберихи вернуться к дореволюционному состоянию было просто невозможно и новому (т.е. новому старому) правительству и властям приходилось как бы признать сложившуюся ситуацию, ибо они видели, что все их усилия, направленные на реальную реставрацию невозможны. А потом, подкуп, месть, угроза силой, приказы из Лондона - неужели все это не влияло[8]? Характер работ Э.П.Телегиной резко меняется в 4 выпуске ("Основоположники марксизма об английской колониальной политике в Ирландии в период Реставрации (1660-1688)", с.3-16). Здесь автор пытается перевести рассмотренные выше выводы третьей статьи в плоскость марксистской историографии, причем в самое пекло ее - к взглядам на проблему самих "основоположников" (Маркса и Энгельса).Тут-то и можно в полной мере наблюдать страшную пропасть между источником (от которого Э.П.Телегина старается ни на шаг не отойти) и Источником, к которому советский историк обязан припасть, чтобы найти в себе силы подставить "правильные" вехи под свои робкие выводы. Но, как мы уже говорили, источник не стыкуется с Источником, поэтому работы, вроде рассматриваемой нами, выглядят нелепыми, порой комичными. Для примера приведем следующий пассаж из статьи Э.П.Телегиной из 4-го выпуска: "Общеизвестным фактом является то, что ни при Карле II, ни при его брате Якове II в Ирландии не проводилось массовых земельных конфискаций земли, подобных тем, какие были осуществлены при Елизавете, Якове I или при Кромвеле; напротив, какая-то часть земли была возвращена ими дореволюционным владельцам. И, несмотря на это, Энгельс счел необходимым выделить особый параграф, посвященный конфискациям Карла II. Тем самым Энгельс вскрыл подлинный смысл аграрной политики поздних Стюартов, заключавшейся в закреплении предшествующих конфискаций" (с. 6). Такой абзац был бы неудивителен в работе какого-нибудь партийного идеолога, но у историка, тщательнейшим образом работающего с историческим материалом (как мы видим по предыдущим работам Телегиной) он странен. Каким образом выделением чего-то в отдельный абзац Энгельс мог вскрыть подлинный смысл каких-либо событий реальной истории? Интересно, что в завершении 2-й части статьи автор, уже будучи не в силах компенсировать скудость Источника в отношении своей темы, предпочитает просто пересказать несколько иными словами свои выводы из конца предыдущей статьи (с. 9-10). На последних страницах "основоположники" мелькают все реже и реже: идет пересказ некоторых идей советских историков по поводу обратного влияния ирландских событий на английскую историю, а то и просто пересказ истории правления и изгнания Якова II в связи с Ирландией (с. 10-13). Статья Э.П.Телегиной в пятом выпуске ("Ирландия XVII в. и современная юнионистская историография (Д.К.Беккетт об Ирландии XVII в., с. 121-127), как и ее предыдущая статья, к сожалению, лишь

портит впечатление от первых трех весьма интересных работ этого автора. Поставив себе задачей анализ взглядов северноирландского историка Беккетта на историю Ирландии второй половины XVII в. Э.П.Телегина не могла, естественно, на 6 страницах дать сколько-нибудь подробный анализ двух солидных монографий Беккетта ("The Making of Modern Ireland 1603-1923", "Confrontation. Studies in Jrish History"). Поэтому, самой теме посвящены три беглые странички, прочее же отдано методологической, марксистско-ленинской ругани, где, например, профессор Беккетт именуется "проводником заинтересованности современной империалистической буржуазии Англии и ее северноирландских партнеров в укреплении экономических и политических позиций в Ирландии» (с. 127). Отчалив от источника, автор оказался всецело под властью Источника.

Итак, мы рассмотрели две модели существования советского медиевиста меж источником и Источником, причем модели, свойственные хорошим, крепким профессионалам. Модели эти не были характерны (или почти не были характерны) ни для редких одиночек, игнорировавших Источник, ни для подавляющей массы, игнорировавших источник (их и историками назвать трудно). Тем не менее, было одно обстоятельство, объединявшее всех: и одиночек, и честных профессионалов, и конформистов, т.е. всех, кто официально (в советских изданиях) печатался. Этим общим было требование к ним со стороны власти - в каждой работе, все равно как, пусть мельком, пусть формально, но заявить о своей принадлежности к марксистско-ленинской методологии. Причем, это "заявление о лояльности" не было одноразовым: один раз написал и - все, действие этого будет продлено и на последующие работы. Нет. В каждой (или почти каждой) работе историк должен был подать установленный знак в сторону власти - "Я свой". Это явление я бы назвал "марксистско-ленинской аккредитацией".

Способы "марксистско-ленинской аккредитации" в горьковском сборнике многообразны. Чаще всего несколько первых абзацев отдаются невнятному проговариванию того, что по тому или иному поводу (т.е. поводу данной статьи), причем, чаще всего, не по тому, а по аналогичному, сказали Маркс / Энгельс / Ленин, а затем следует фраза, что мол и материал данного исследования подтверждает вышеуказанное "основоположниками". Так, в статье В.В.Штокмар "К истории английского пуританского движения в конце XVII в." (вып. 1., с. 27-36) уже второй абзац начинается фразой: "Согласно известному определению Энгельса..." (с. 27); третий абзац: "Особый интерес представляет положение Энгельса..." (там же). А вот и четвертый: "Фактический материал по истории пуританского движения XVI в. дает блестящее подтверждение этому определению Энгельса" (там же). Примеров такого рода "марксистско-ленинской аккредитации» в 6-ти выпусках - великое множество.

Попадается и другой, более замаскированный тип. После двух больших и содержательных абзацев, вдруг, в третьем, встречаем: "Как и в XVI в. правительство считало одной из главных своих задач подавление народных масс". (Воробьева Е.Д. Лукоянов В.В. Некоторые вопросы из истории политической борьбы в Англии в нач. XVII в. вып. 2., с. 3-22). Эта дикая по бессодержательности, ненужности и верноподданничеству фраза определяет содержание и четвертого абзаца (там же). Начиная с пятого абзаца, все возвращается на свои места и исследование продолжается, как ни в чем не бывало. Чаще всего "марксистско-ленинская аккредитация" безразлична к основному содержанию статей, однако, в некоторых случаях она портит

впечатление от достойных работ и вызывает, в лучшем случае, недоумение. Так, статья Г.В.Воронковой "К вопросу о влиянии Ост-Индийской компании на внешнюю политику Англии в первые годы Реставрации (1660-1668)" (вып. 5, с. 89-103) начинается со следующей цитаты из Ленина: "форма господства государства может быть различна: капитал одним образом проявляет свою силу там, где есть одна форма, и другим - где другая" (с. 89). Из этой вялой банальности автор пытается выстроить... проблему своей статьи! хотя сама статья посвящена конкретным событиям: браку Карла II с португальской инфантой и передачи (в последующем) Бомбея во владение сначала английской короны (как приданое невесты), а затем - Ост-Индийской Компании. Какое отношение имеет "та или иная форма господства капитала" к матримониальным планам Екатерины Браганцкой - непонятно.

Попадая в поле напряжения между источником и Источником лучшие, добросовестные медиевисты старались иногда уйти на границы, собственно, истории, где это напряжение было слабее. Пограничные исследования, заимствования методов из других наук, хорошо представлены на страницах горьковского сборника. И в этом инициатором был Е.В.Кузнецов ("Опыт определения авторства анонимного трактата лоллардов "О семи смертных грехах" с помощью вероятно-статистической методики", вып. 1, с. 54-59) работе он предпринял интересную[9] попытку использовать методику известного горьковского лингвиста Б.Н.Головина для определения авторства лоллардского трактата "О семи смертных грехах". Интересно, что само по себе обращение советской историографии с нач. 70-х г.г. (или даже с сер. 60-х) к математическим, статистическим, вероятностным методам было результатом того, что наиболее проницательные специалисты почувствовали исчерпанность, непродуктивности обязательного марксистского подхода (в его официальной советской разновидности), отсюда - желание уйти в смежные с историей области, не "испачканные" официальной идеологией, погрузиться туда и набраться новых методов исторического исследования, причем таких, которые бы мирно сосуществовали с марксистско-ленинскими догмами, но не соприкасались с ними. Именно с конца 60-х г.г. усиливается интерес советских историков к школе "Анналов"; интерес, рост которого может проследить лишь искушенный в советских реалиях специалист. Одной из форм этого роста было обилие критики "Анналов". Критикуя, скажем, Ле Гоффа советский историк начинал ощущать себя сопричастным объекту критики, ругая Броделя, можно всегда было протащить сквозь цензуру то пару цитат из него, а то и целый текст.

Возвращаясь к статье Е.В.Кузнецова и Н.И.Волобуевой, следует сказать, что здесь обращение к пограничным областям исторической науки носит вполне естественный характер, обусловленный самим поставленным там вопросом идентификации. Сам же факт ее напечатания в первом выпуске носит, на наш взгляд, символическое значение: это, как бы, "заявление о намерениях".

И это "заявление о намерениях" было подхвачено. Статистические методы очень распространены в статьях сборника; достаточно назвать работы Т.А.Медведевой "Иностранные ремесленники в английских городах XV в. (вып.5, с. 65-68), В.А.Евсеева "Социально-политическое развитие Ньюкасла-на-Тайне в XVI - первой половине XVII в. (вып.5, с. 72-75), Романовской В.Б. "Законодательство английского парламента по вопросам ремесла и торговли в XV в." (вып.6, с. 29-34), Джачвадзе Э.А. "Развитие денежной ренты на монастырских землях Англии XVI в." (вып.6, с. 54-58).

Неоднократно упоминавшаяся совместная работа Е.В.Кузнецова и горьковского филолога В.Н.Шапошникова "Битва при Бравалле и этническая карта Северной Европы VIII в." (вып.6, с. 96-111) - успешный результат работы в приграничных сферах между историей и филологией.

Таковы некоторые общие черты, мотивы, тенденции большинства работ горьковского сборника. Однако, не все попало в поле нашего внимания. Попробуем отметить и индивидуальные черты каждого из шести выпусков.

Открывает первый выпуск статья (с продолжением во 2-м и 3-м выпусках) известного московского историка И.Н.Осиновского "История Ричарда III" Томаса Мора" (вып.1, с. 3-17; вып.2, с.61-64; вып.3, с. 3-8). И.Н.Осиновский достаточно подробно рассматривает проблему авторства, историю напечатания и содержания "Истории Ричарда III", причем, как нам представляется, и масштаб сочинения, и его значение несколько преувеличены автором. Одной из наиболее тенденциозных работ первого выпуска (если не самой тенденциозной) можно считать уже упомянутую статью В.В.Штокмар "К истории английского пуританского движения в конце XVI в." (с. 27-36). Это особенно заметно в следующем пассаже В.В.Штокмар, посвященном известному делу проповедника Хекета: "Что во всей этой истории Хекета вымышлено, а что верно, не так уж трудно отличить. Заявление о том, что Хекет воплощение Христа, и призыв народа к покоянию, это вполне в духе деятельности вождей пуританских сект. Огромная толпа, собравшаяся на улицах Лондона и внимание, с которым она слушает проклятья по адресу королевы и архиепископа, также вполне реальный факт в Лондоне 90-х г.г. XVI в., когда острота социальных противоречий в Англии была очень велика. Рассказы, чернящие Хекета и изображающие его человеком порочным, очевидно были пущены в ход сторонниками англиканской церкви и правительства в целях дискредитации всего этого предприятия "пророков" и отвлечение от них народных симпатий. В то же время весьма возможно, что поведение Хекета ... носило патологический характер". (с. 31). В этом отрывке есть все - и желание доказать важность (в революционном, конечно, смысле) описываемых событий, и сомнение (тайное) в их важности ("возможно, что поведение Хекета ... носило патологический характер"), и фатальное непонимание (или нежелание понять), что толпа в большом городе собирается чаще всего просто так, в силу своей природы и любопытства, а не с известными только Штокмар намерениями, и, наконец, нежелание признать, что слухи о порочности Хекета могли быть вызваны не кознями англикан, а действительно порочным (или даже, как признает сам автор, "патологическим") поведением проповедника - ведь внецерковные секты и группы, особенно в средние века, часто носили изуверский характер.

Статья Штокмар напоминает поле битвы, на котором выигравшие и вооруженные до зубов марксистские постулаты добивают потерпевшую полное поражение и агонизирующую историческую науку. В тех немногих местах статьи, где сам по себе исторический материал выходит на первый план, автор спохватывается и начинает возводить абсолютно абсурдные и ни на чем не основанные построения, вроде следующего абзаца: "Итак, буржуазия и новое дворянство второй половины XVI в., еще не дозревшее до революции и не желавшее ее до поры до времени, исповедуют кальвинизм, или, во всяком случае, симпатизируют ему и исподволь ведут борьбу за то, чтобы забрать в свои руки дело воспитания народа" (с. 36).

Тем не менее, первый выпуск, безусловно, состоялся. Его несомненные удачи (кроме уже неоднократно упоминаемых работ Н.И.Волобуевой и

Е.В.Кузнецова, Э.П.Телегиной, В.И.Золотова) - очень квалифицированная статья ленинградского исследователя М.Мухи "Первая монетная реформа Генриха VIII Тюдора" (с. 18-26) и, ставшая украшением выпуска, публикация "Петиции Джека Шэрпа" (введ., пер. и прим. Е.В.Кузнецов) (с. 73-83). Нам представляется, что напечатать такую работу почло бы за честь самое лучшее и авторитетное издание.

Во втором выпуске значительное место занимают внешнеполитические, идеологические и религиозные проблемы. Первым посвящена достаточно подробная статья Ю.Е.Ивонина "Попытка создания политического союза между Англией и протестантскими княжествами Германии (с. 65-90); вторым - обстоятельная работа И.В.Фадеевой[10], которая, тщательно изучив публицистику как вигов, так и тори периода Реставрации, прослеживает постепенный переход вигов от республиканских взглядов к умеренно монархическим, причины и обстоятельства этого перехода, не вдаваясь при этом ни в какие теоретические спекуляции. Интересны и уже упоминавшиеся две работы В.И.Золотова. Внешнеполитическим проблемам посвящена чисто информативная статья В.В.Штокмар "Некоторые условия и дипломатическая подготовка объединения Англии и Шотландии в конце XVI-начале XVII в.в. (с. 108-119).

Третий выпуск явно несколько слабее предыдущих, несмотря на наличие в нем вполне достойных (и уже упоминавшихся) статей Э.П.Телегиной и В.И.Золотова, а также очень насыщенной информацией работы Г.И.Цыпуриной "Торговля Англии с Левантом во второй половине XVI в." (с. 44-59), которой открывается в горьковском сборнике "англо-восточная", "англо-колониальная" тематика. "Идеологическая" проблематика представлена здесь весьма характерной для советской историографии работой Т.А.Павловой "К вопросу об изучении истории английского утопического социализма эпохи Просвещения" (с. 9-26). Показательным выглядит негодование автора по поводу "благополучного", "пудингового" XVIII века в Англии, особенно в отношении английских рабочих, ведших до промышленного переворота (по словам цитируемого в статье Энгельса) "растительное", "бездуховное" существование. В этом негодовании проглядывает типичное романтическое и бунтарски - нетерпеливое российское интеллигентское мироощущение с его ненавистью к обыденной жизни. Странно вот еще что: автор тщательно выискивает английских утопистов XVIII в. во тьме якобы, враждебной утопическим сочинением культуры, забыв упомянуть, что вообще жанр утопической литературы был весьма распространен в эпоху классицизма, и в XVIII в. литература, стремясь, по возможности, выражать нормативные для классицизма "общие" (или "философские") идеи, моделировала некую "очищенную" художественную реальность, с тем, чтобы обстоятельства действительной жизни, прорвавшись в произведение, не "замутняли" изложение важнейших философских или религиозных истин (кстати, тоже в большей мере общих для эпохи классицизма). Таким образом, подавляющее большинство литературы (не пьес и не поэзии) XVIII в. - слегка беллетризированные трактаты, излагавшие пять - шесть основных общеизвестных идей. Здесь-то и лежит главная причина расцвета, в эпоху классицизма утопического жанра; собственно, большая часть тогдашней литературы была, в той или иной степени, утопической[11]. Другой источник утопических писаний - перенесенные из иудаизма в христианство хилиастические идеи; именно они чаще всего подпитывали в средние века разнообразные ереси. Такого рода настроения, безусловно, оживились в XVIII в. в очень измененном виде у масонов и у английских квакеров. Таким образом, все

вышесказанное полностью отметает столь любезную Т.А.Павловой непосредственную привязку увеличения количества утопических сочинений в XVIII в. к бурной политической, социально-экономической жизни Англии (и, тем более, рабочего движения!). Интересно, что описывая западную историографию проблемы, автор натыкается на все вышеприведенные соображения, но не обращает на них никакого внимания!

Четвертый, вышедший после значительного перерыва, выпуск интересен, главным образом целым блоком статей, посвященным английским купцам - авантюристам[12]. Это очень примечательная, насыщенная и квалифицированная подборка, которую можно назвать коллективной монографией по истории возникновения и развития лондонской и провинциальных компаний купцов - авантюристов, а также истории их взаимоотношений. Причем фундаментальную и важнейшую функцию выполняет первая работа статья Е.В.Кузнецова, помимо всего прочего, как бы вводящая в проблему. Стоит отметить также богатый и объемный материал статьи С.П.Марковой.

Пятый выпуск открывают (и определяют его место среди прочих сборников) две большие статьи, посвященные истории идеологической, религиозной, политической. И если достаточно скромный замысел второй из них - статьи Е.В.Кузнецова "Томас Мор и Майкл Джозеф (к истории создания "Утопии")" (с. 30-51) сводится к попытке обнаружить истоки некоторых уравнительных пассажей "Утопии" в потрясении Томаса Мора от событий 1497 г. - антиналогового восстания юго-западных английских графств (одним из лидеров которого был Майкл Джозеф), то первая работа Ю.М.Сапрыкина грандиозна и по названию ("Идея равенства и антифеодальная борьба крестьянства в Западной Европе в XIV - XVI в.в." (с. 3-29) и по замыслу. Начинается статья беглым и наскоро составленным очерком дуалистических идей и течений, где встречаются такие перлы, как: "В борьбе с манихейством принял активное участие Августин, один из крупнейших апологетов классово-переродившегося христианства". (с. 5). На той же странице очень примечательно трактуются мысли блаженного Августина о происхождении и сущности зла: Августин основывается на библейском рассказе о грехопадении, Сапрыкин же упорно относит все это за счет влияния неоплатоников (что, более или менее, возможно, т.к. неоплатоники действительно оказывали большое влияние на блаженного Августина) и ... желания епископа гиппонского защитить "незыблимость социальных порядков и государства римского общества" (там же). Интересно, что говоря, последовательно, о богомилах и катарах (с. 5-20), автор так и не удосужился уделить внимание как источникам такого рода ересей (хилиастические идеи), так и существовавшему в рамках католической церкви ордену францисканцев и фигуре самого Св.Франциска Ассизского. Не упомянуты даже дискуссии внутри католической церкви о "бедности Христа". Все эти обстоятельства лишают работу Ю.М.Сапрыкина научной убедительности и превращают ее в достаточно банальное учебное пособие для советских студентов. На последних страницах (с. 25-29) мы наблюдаем уже откровенное бегство к Источнику (причем особой нагруженностью источником статья вообще не блещет) и, последние страницы выглядят просто как отрывок из учебника по научному коммунизму.

Мы уже (и не один раз) отмечали, что шестой выпуск, задуманный как "попытка восстановить публикацию англоведческих работ", оказался шире предыдущих как хронологически, географически, так и проблемно, чему во многом способствовали упомянутые выше статьи В.Н.Шапошникова и Е.В.Кузнецова, В.И.Золотова, Л.И.Китайгородской, И.В.Будцына и Ю.Е.Ивонина.

SUMMARY

The collection «The Problems of English and Welsh History» consists of 16 papers investigating various aspects of medieval history of England and Wales.

K.Kobrin's paper «Basic Orientations of Edward I's Policy in Wales after 1283» observes main arrangements of Edwardian settlement of the conquered region: especially such measures as Castle-building, legislation and QUO WARRANTO processes in some marcher lordships.

R.Griffith's essay «Medieval Welsh Towns in Perspective» is founded on general thesis that Wales in XIII century was more urbanized country than England. The auther researches such problems as various aspects of Welsh borough's development. The connections between Roman and Medieval towns, difference between towns in the North and South Wales.

T.Mineyeva («O.Glendwr's Revolt: Facts and Interpretations») reconstructs the trend of developments of Owain Glendwr's revolt and observes various interpretations of this event insufficiently known in Russian historiography.

R.Davies («Making of National Hero») presents his view on Welsh image-making of O.Glendwr.

Collective paper (by: K.Kobrin, E.Kouznetzov, T.Mineyeva) «The March of Wales and The War of Roses» studies the «Welsh aspect» of this war. The paper presents an attempt to give a new division into periods of political crisis in England in the second half of XV century. The authors draw a special attention on the role of the Welsh March in Duke of York's preparations.

Next collective paper «Lollards and Revolt 1450-1451» (by E.Kouznetzov, V.Loukoyanov and V.Romanovskaya) presents the proposal that the lollards movement had a deep influence on social activity in the middle of XV century.

E.Kouznetzov, L.Sofronova, I.Osinovski («Colet and Lollards») study the problem of John Colet's relationship to lollards.

Social processes are studied in V.Zolotov's essay «Horizontal Connections in Social Communities in Medieval England».

T.Merkoulova studies an episode of the «Wars of the Roses» in her paper «War in Northumberland, 1461-1464».

V.Mitrofanov studies the work of land-reclamation comissions in East England during Tudor times («Economic and Social Processes in East England, last half XVI - beginning XVII centuries»).

The development of London handicraft and social organization is described in V.Evseyev's «Ecomonic and Social Development of London in XVI - XVII centuries».

Y.Ivonin's essay («Nation and State in the conception of foreigh policy of English absolutism») presents an attempt to retrace the alteration of public mind on nation's and crown's role in the political life.

E.Kouznetzov's and G.Sagatelyan's paper «Non-Conformism and Toleration of T.Brown» is the analysis of Thomas Brown's «Religio Medici».

Two essay study the problems of British history in the last third of XVII century.

The first - G.Voronkova's «Ecomonic Problems in Parliament in 90-s XVII century» discusses English protectionist policy.

The second one - L.Ivonina's «William III's expedition to England and attitude of France» introduces the international context of William III's expedition to England.

The last essay - K.Kobrin's «English History on Pages of the Provincial Soviet Collection: between the sources and «Source» - presents an attempt to review epyprevious issues of this collection.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Bale - Robert Bale's Chronicle. Six Town Chronicles of England. - Ox:1912.

Bekynton - The Official Correspondence of Thomas Bekynton, secretary to King Henry VI and Bishop of Bath and Wells. - Ed. G.Williams. - v.I,II. L.1872.

Brut - The Brut, or the Chronicles of England. - Ed. F.D.Brie. - L.1908.

CCR - Calendar of the Close Rolls.

Chichele - The Register of Henry Chichele, Archbishop of Canterbery. 1413-1443. - Ed. E.F. Jacob. - Ox. V.III, 1949.

ChL - Achronicle London. Ed.H. Nicolas and E. Jyree. L. 1827.

ChWR - Chronicles of the White Rose of York. - L.1843.

CPR - Calendar of the Patent Rolls.

Davies - An English Chronicle of the Reigns of Richard II, Henry IV and Henry VI written before the year 1471. - Ed. S.Davies. - L.1856.

EHR - The English Historical Review.

Fabyan - Fabyan R. The New Chronicles of England and France. - Ed. H.Ellis. - L.1811.

Gregory - Gregory's Chronicle. The Historical Collection of a Citizen of London. - Ed. J.Gairdner. - L.1876.

GrCh - The Great Chronicle of London. - Ed. A.H.Thomas and J.D.Thornley. - L.1938.

HA - Thomas Walsingham. Historia Anglicana. - V.II.1381-1429. - Ed. H.Th.Riley. - L.1864.

PL - The Paston Letters. - Ed. J.Gairdner. - V.I. - L.1871.

PO - Proceeding and Ordinances of the Privy Council of England.

Stow - Stow J. The Annales of England. - L.1601.

ThFCh - Three Fifteenth Century Chronicles. - Ed. J.Gairdner. - L.1880.

VH - The Victoria History of counties of England.

Vitellius - Cotton Vitellius A - XVI. Chronicles of London. - Ed. Ch.L. Kingsford. - Ox.1905.

WHR - Welsh History Review.

WW - Worcester W. Annales rerum Anglicanum. The Wars of the English in France. - V. II. Part 2. - L.1854.

USK - Chronicon Adem de Usk. - ed. E.M.Thompson. - L.1904.

СОДЕРЖАНИЕ

Титков Е.П. *От издателя* 3

Кобрин К.Р. *Основные направления деятельности Эдуарда I в Уэльсе после 1283г.* 4

Griffith R.A. *The Medieval Welsh Town in perspective* 12

Минеева Т.Г. *Восстание Оуэна Глендуэра: факты и интерпретации* 21

Davies R.R. *The making of a national hero* 34

Кобрин К.Р., Кузнецов Е.В., Минеева Т.Г. *Уэльская Граница и начало «войны Роз»* 38

Кузнецов Е.В., Лукоянов В.В Романовская В.Б. *О влиянии лоллардов на революционные события 1450-1451 гг.* 46

Софронова Л.В., Осиновский И.Н., Кузнецов Е.В. *Колет и лолларды* 55

Золотов В.И. *Горизонтальные и вертикальные связи социальных общностей в средневековой Англии* 63

Меркулова Т.Б. *Нортумберлендская война 1461-1464гг.* 72

Митрофанов В.П. *Социально-экономические процессы в Восточной Англии во второй половине XVI - начале XVII вв.* 75

Евсеев В.А. *Социально-экономическое развитие Лондона в XVI-XVII вв.* 85

Ивонин Ю.Е. *Нация и государство во внешнеполитической концепции английского абсолютизма* 92

Кузнецов Е.В., Сагателян Г.Ш. *Нонконформизм и толерантность в трудах Томаса Брауна* 100

Воронкова Г.В. *Вопросы экономической политики в английском парламенте 90-х гг. XVII в.* 103

Ивонина Л.И. *Экспедиция Вильгельма III Оранского в Англию и позиция Франции* 110

Кобрин К.Р. *Английская история на страницах провинциального сборника советской эпохи: между «источниками» и «Источником»* 117

Summary 130

Список сокращений 131

ПРОБЛЕМЫ АНГЛИЙСКОЙ И ВАЛЛИЙСКОЙ ИСТОРИИ В ПОЗДНЕЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ. *Межвузовский сборник научных трудов.*

Сдано в печать 16.08.99
Подписано в печать 2.09.99
Усл. печ. листов 7,8

Тираж 500 экз.
Заказ № 251

Арзамасский государственный педагогический институт им. А.П.Гайдара.
607220, г. Арзамас, Нижегородская обл., ул. К. Маркса, 36.
Множительный участок

